ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Товарищ **И. В. Сталин** голосует в зале 1-го избирательного участка Ленинского избирательного округа Москвы, где баллотировались кандидатуры Заместителя Председателя Совета Министров Союза ССР Н. А. Булганина и Президента Академии наук СССР С. И. Вавилова.

Фото Ф. Кислова

Бригада старшего машиниста Ивана Федоровича Маслова передовая на Рязано-Уральской железной дороге. Локомотиву машиниста Маслова четырежды присваивалось звание «Лучший паровоз сети». На снимке: помощник машиниста Я. А. Морозов, И. Ф. Маслов и кочегар П. А. Лопухов.

Фото Г. Алексеева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 12 (1189)

19 МАРТА 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва, 12 марта. Народное гулянье в честь выборов в Верховный Совет СССР в Сталинском районе.

Фото А. Гостева и О. Кнорринга

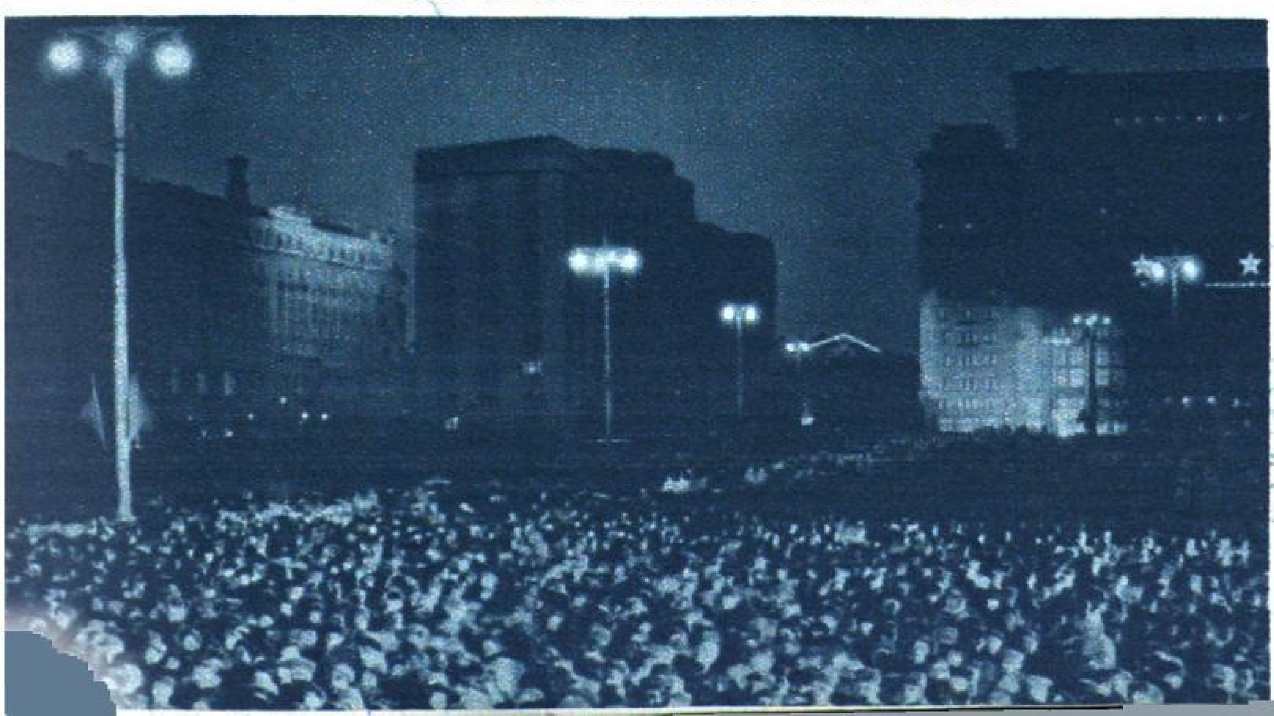
На избирательном участке № 1 Сталинского избирательного округа. Приехавшие в этот день в Москву Н. Саллиева из Алма-Аты (слева), Х. Т. Куразов с Сахалина и В. С. Барсукова из Берлина (справа) пришли сюда, чтобы голосовать за великого Сталина.

Любовь Тимофеевна Космодемьянская — мать Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских — беседует с избирателями на участке № 6 Свердловского избирательного округа Москвы.

Вечером 12 марта на Манежной площади в Москве.

С ИМЕНЕМ СТАЛИНА

Вот он и пришел, этот день выражения всенародной воли, день радости, день великих итогов и великих решений,— 12 марта 1950 года, день выборов высшего органа власти социалистического государства.

Бывает такое время в жизни человека, когда, отвлекаясь от повседневных трудов и забот, он окидывает взглядом все окружающее и с удивительной ясностью и свежестью впечатления видит всю свою жизнь, свою судьбу, необыкновенные перемены, происшедшие в судьбах близких и далеких друзей, в жизни народа.

Так бывает у нас в дни выборов, так было и в это мартовское утро.

Чудесное выдалось утро, и многим москвичам довелось видеть его рождение, и не все сразу заметили, что близится рассвет: предутренняя мгла озарена была электрическими огнями избирательных участков, зарево праздничных огней отражалось в небе над Москвой, приглушая своим сиянием первые признаки зари.

Во всей столице — от Красной площади до самых далеких окраин — слышались звуки оркестров и песен, веселая перекличка приветствий и поздравлений с большим, всенародным праздником.

Вот один из уголков нашей Родины — Измайлово, в Сталинском избирательном округе Москвы, там, где, объединенные со всем народом одним пламенным чувством любви и благодарности учителю, другу, вождю, самому родному и близкому человеку, избиратели отдали свои голоса великому Сталину.

Как много новостей у здешних обитателей!

В это утро они шли к избирательным участкам целыми семьями, дружными рабочими коллективами, шли с детьми, с товарищами, с соседями.

И многое им вспоминалось.

Не так давно иные из них жили в самом дальнем конце столицы, в маленьких, невзрачных домах. Последние строения поселка — затем начиналось поле, пустынное, голое, за ним виднелись огороды, редкий кустарник; осенью и весной тускло отсвечивали глубокие, как омут, бочаги, а дальше, за пустырями, виднелся девственный бор.

Это еще не был город. Москва тогда была по соседству. Собираясь в театр, люди так и говорили: «Идем в город».

И не в том главное, что столица шла навстречу скромному поселку, приняла его в семью своих нарядных улиц, площадей, садов, а в том, что вместе с нею сама жизнь, советская жизнь, шла навстречу мечтаниям и надеждам простого человека.

Необыкновенно обогатились судьбы людей всего за четыре года, миновавшие со времени прошлых выборов.

На днях на митинге избирателей прозвучали слова рабочего Виктора Федоровича Изосимова:

— Мы, советские люди, повседневно чувствуем заботу Иосифа Виссарионовича о благе трудящихся нашей Родины, о том, чтобы жизнь советского народа была все лучше, все счастливее, и за это мы говорим ему: «Великое народное спасибо, родной товарищ Сталин!».

Это сказал человек, который четыре года назад был рядовым рабочим, имя его мало кто знал на Трансформаторном заводе. А теперь он выступал на собрании избирате-

Заседание Окружной избирательной комиссии Сталинского избирательного округа Москвы 13 марта. Председатель комиссии Г. М. Цветков сообщает о единодушном избрании Иосифа Виссарионовича Сталина депутатом Верховного Совета СССР.

лей как известный и уважаемый общественный деятель, депутат Московского городского Совета, представитель рабочей интеллигенции, творец нового на своем производстве, настолько овладевший знаниями и мастерством, что с начала пятилетки выполнил восемнадцать годовых норм.

Это один из многих: в его судьбе тысячи и миллионы советских людей узнают свою собственную судьбу и говорят с чувством горячей благодарности:

— Нас воспитал Сталин. Во всем, что мы делаем, во всех начинаниях наших мы чувствуем его душевную заботу, его отеческий ободряющий взгляд.

И вот настал день выборов, и великая признательность народа вождю снова проявилась с необыкновенной силой, с величайшим душевным подъемом.

В этот день люди Сталинского избирательного округа Москвы, отдавая свои голоса Иосифу Виссарионовичу Сталину, чувствовали рядом с собой миллионы и миллионы советских людей, весь наш народ, а за ним — все трудящееся человечество, всех простых людей мира.

Здесь, на территории Сталинского избирательного округа, можно было увидеть всю нашу страну.

В канун выборов и в самый день 12 марта летели отовсюду телеграммы и письма, в них перекликались голоса Урала и Волги, Дальнего Востока и Балтики, Средней Азии и Сибири — заводы, колхозы, целые индустриальные районы сообщали избирателям этого округа Москвы о своих успехах в труде, о производственных рекордах, посвященных вождю, о том, что в дар ему советские люди отдают самое великое, самое дорогое — победы своего вдохновенного труда, приближающего торжество коммунизма.

Да, здесь можно было ощутить всю необъятную нашу страну, биение ее сердца.

На избирательные участки этого округа столицы приезжали с вокзалов люди далекого Севера и сыны Грузии, черноморские моряки и жители казахских степей, украинские колхозные бригадиры и офицеры-пограничники с берегов Пянджа.

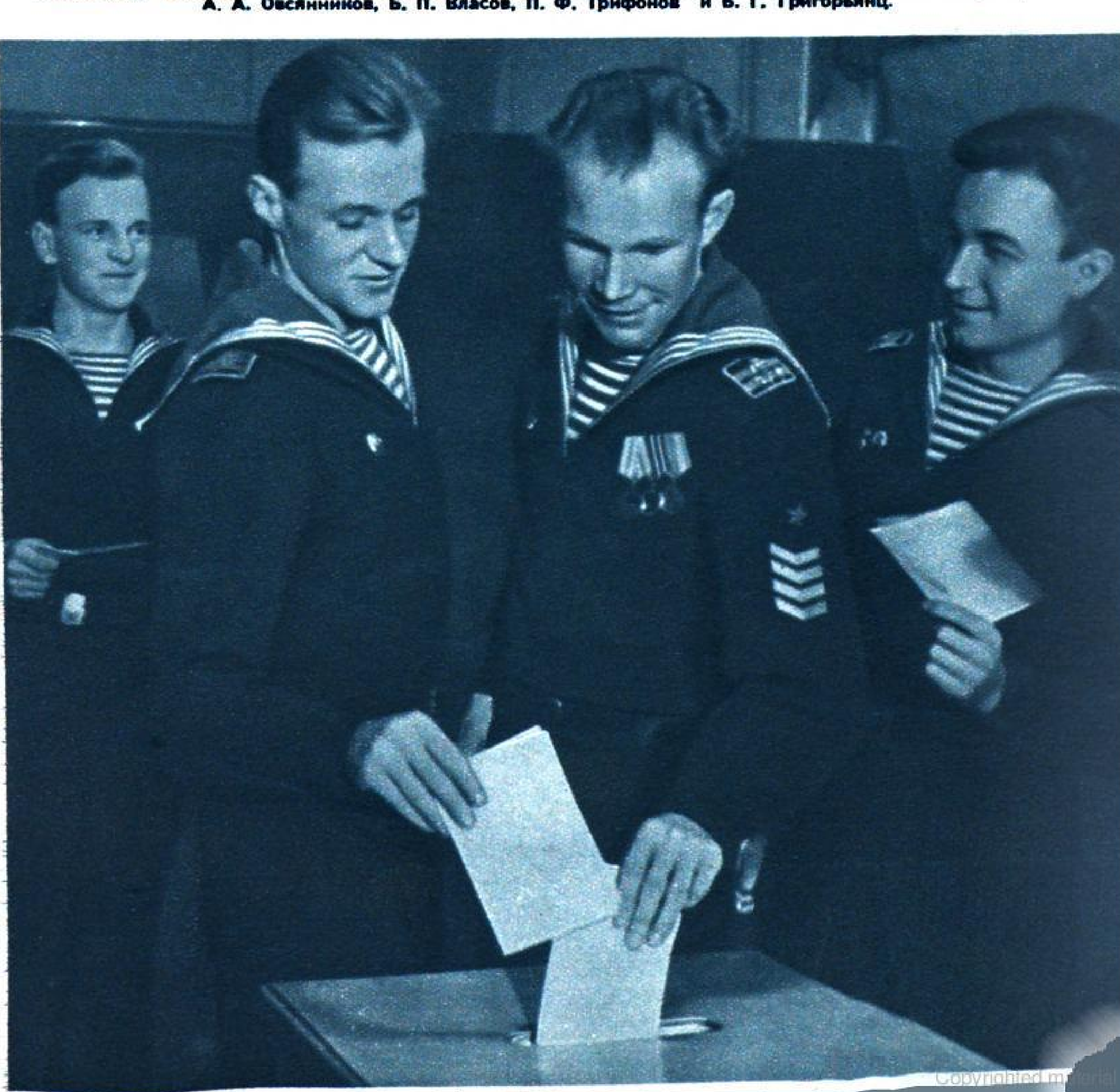
Утро только начиналось в Москве, а радиоволны в эфире несли вести с берегов Тихого океана, из Владивостока — там уже заканчивался торжественный акт голосования. И вместе с движением дня, идущего с востока, час за часом поступали в Москву сообщения о том, как идут выборы в Хабаровске, в городах и селах Сибири, за Уральским хребтом.

Радиоволнами и телеграфными лентами шел к Москве нескончаемый поток сообщений со всех концов страны — тысячи и тысячи избирательных участков отмечали, что к полудню проголосовали все избиратели, что выборы происходят в атмосфере необычайного подъема, что всюду, во всех уголках нашей Родины, и в поездах, и на кораблях дальнего плавания, с образом Сталина в сердце люди отдают свои голоса лучшим ученикам его, достойнейшим представителям всего народа.

На многих избирательных участках столицы удалось нам побывать в этот день, много пришлось увидеть трогательных картин народного торжества.

Один из индустриальных центров Москвы — район славного завода «Серп и молот». Молотовский избирательный округ столицы. Акт голосования происходит в спортивном зале заводского клуба. Вот бюллетень с именем Вячеслава Михайловича Молотова берет ветеран-металлург, знатный сталевар Никита Дронников. Двадцать восемь лет своей трудовой жизни отдал он родному заводу, воспитал целое поколение сталеваров и до сих пор служит примером для них. Он пришел на выборы со всей семьей. Перед тем как опустить бюллетень в избирательную

Ленинград. Голосуют курсанты Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе (слева направо): А. А. Овсянников, Б. П. Власов, П. Ф. Трифонов и Б. Г. Григорьянц.

Макеевка, Сталинской области. Знатный доменщик И. Г. Коробов и его дочь артистка Клавдия Коробова получают бюллетени для голосования.

урну, он помедлил несколько, обернулся и сказал, обращаясь и к родным и ко всем, кто стоял рядом с ним:

— Сегодня большой у нас праздник. Это важная минута в нашей жизни. Мы голосуем за соратников великого Сталина. Значит, мы голосуем за коммунизм!

...Ленинградский избирательный округ Москвы.

61-й участок помещается в здании школы на Новопесчаной улице, в проезде 700. Но вот что замечательно: еще несколько месяцев назад здесь не было ни этой школы, ни этих широких проездов, ни этих светлых, нарядных домов.

Ничего не было — тянулись пустыри бывшей окраины. Сегодня от них сохранилась только старая ветла у дверей новой школы.

Инженер-конструктор, председатель участковой избирательной комиссии Михаил Зенис, улыбаясь, рассказывал о маленьком, но, как это ни странно, приятном затруднении.

— Случилось так, понимаете ли,— говорил он,— что в первые дни проверки списков избирателей у большинства из них не оказалось на руках паспортов... Не удивляйтесь: паспорта были отданы на прописку.

— У всех?

— Почти у всех. Дело в том, что все, буквально все здешние избиратели совсем недавно въехали в эти новые дома. Все наши избиратели, а их сотни семей, празднуют свое новоселье. Впрочем, это можно увидеть во многих районах Москвы и в других городах.

Одним из первых в то утро здесь подошел к избирательной урне знатный мастер столицы Александр Чуткин.

Вместе со всеми приняв поздравления с праздником, он бережно сложил и опустил в урну листки избирательных бюллетеней с именами верных сынов партии, сподвижников Сталина — товарищей Г. М. Маленкова и Н. А. Булганина.

Шли к избирательным урнам рабочие и министры, домохозяйки и ученые, студенты и прославленные в сражениях генералы.

Здесь мы встретили бригадира-новатора Валентину Хрисанову и героиню Краснодона, боевую подругу молодогвардейцев Валю Борц — ныне студентку Московского университета.

...С 12 часов ночи, когда, по закону, голосование прекращается и члены избирательной комиссии приступают к подсчету голосов, во всех участках Сталинского избирательного округа Москвы на устах у людей, проверявших правильность бюллетеней, звучало великое имя:

— За Сталина!

— За Сталина!

— За Сталина!

Еще и еще бюллетени, и все тот же возглас:

— За Сталина!

И если собрать все трогательные, сердечные слова, начертанные на этих листках многими избирателями, то сольются они в великую, как вся наша жизнь, поэму о народной любви к вождю.

Вот пишет рабочий из г. Молотова (вспомним, что в Сталинском избирательном округе 12 марта голосовало тридцать тысяч граждан, в день выборов прибывших в столицу из многих республик, городов, деревень):

«Я с Урала. Товарищи дали мне наказ проголосовать за Вас, товарищ Сталин, и передать Вам их сердечный привет. Спасибо Вам, Иосиф Виссарионович, за Вашу заботу о трудовом советском народе. Спасибо за все».

Слова любви на многих языках и наречиях.

«Я приехал из Таджикистана отдать свой голос любимому отцу Сталину. Да здравствует действительная дружба народов — сталинская дружба!».

Это голос всей страны.

«Земной Вам поклон, товарищ Сталин, за освобождение Литвы».

В одном из бюллетеней листок со стихами:

«Какой прекрасный, светлый день!
Какая радость жизни!
Я опускаю бюллетень,
Чтоб жить при коммунизме».

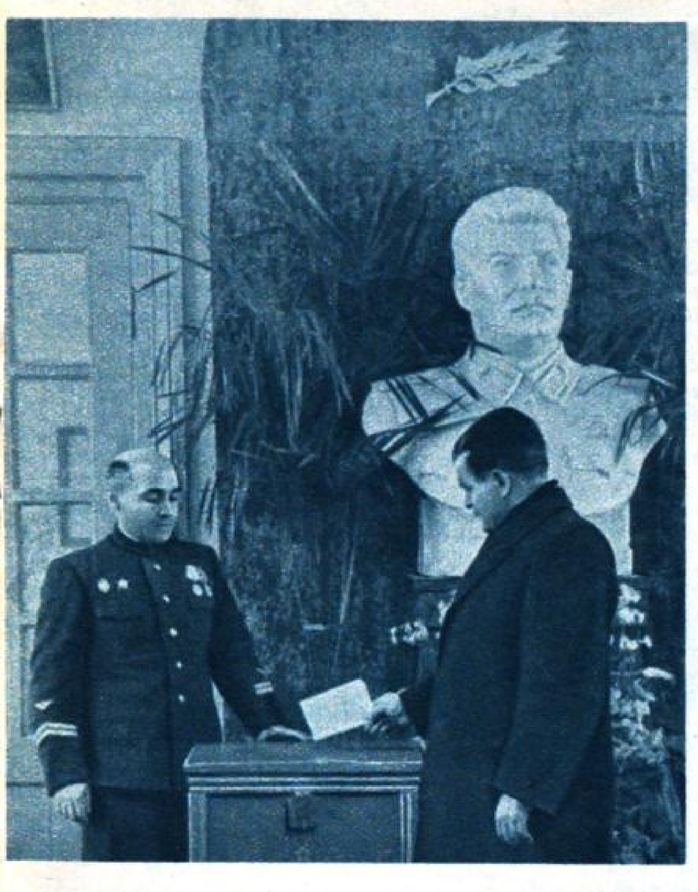
И чьей-то любящей рукой вложен в другой бюллетень простой, скромный цветок — подснежник, вестник весны...

15 марта Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР сообщила о результатах выборов. 111.090.010 избирателей приняли участие в голосовании —

Киев. Голосуют Герой Социалистического Труда академик Е. О. Паттон со своими сыновьями.

Тбилиси. На избирательном участке № 29 Сталинского избирательного округа.

Ростов, аэропорт. Избирательный участок № 18 Пассажир И. Марошкин опускает бюллетень.

это составляет 99,98 процента от общего числа избирателей в нашей стране. Полную и безраздельную победу одержал на выборах блок коммунистов и беспартийных, которому свыше 99 процентов избирателей отдали свои голоса. Только в стране социализма возможно такое единство всего народа, сплоченного вокруг коммунистической партии, вокруг великого Сталина.

Лучших сынов и дочерей народа избрали советские люди в высший орган власти советского государства, и в эти часы вся их глубокая дума о жизни, горячая благодарность за счастье, смелые мечты о будущем были с теми, кто от имени всех патриотов, строителей коммунизма, опускал в избирательную урну листок бюллетеня с великим именем — СТАЛИН.

Евгений КРИГЕР

Москва. Учащейся школы рабочей молодежи Гале Страшинской 12 марта исполнилось 18 лет. Она получила право голосовать. Вечером в семье Страшинских весело отпраздновали этот радостный день.

В скором поезде, курсирующем между Москвой и Сочи, был оборудован специальный вагон для голосования пассажиров в пути.

↓ Село Корекозево, Калужской области. Гулянье в честь выборов в Верховный Совет СССР.

Фото И. Бондаренко, М. Неменмана, В. Савостьянова и Н. Ситникова (ТАСС), Г. Дубинского, О. Кнорринга, Н. Маторина, В. Мусинова, Я. Рюмкина, М. Савина и Д. Трахтенберга.

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

С чувством глубокого удовлетворения советский народ встретил Постановление правительства о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и искусства за 1949 год.

Год от года множатся духовные богатства нашей страны. Советские литераторы, деятели искусства уверенно идут дорогой, указанной им партией большевиков. Творения писателей и художников, архитекторов и скульпторов, актеров и режиссеров, удостоенных Сталинских премий, творения высокоидейные и большого художественного мастерства, верно служат делу народа-творца. Они ярко отражают его героизм и самоотверженность, воспевают величие человека сталинской эпохи, мудрость партии большевиков.

В новом отряде лауреатов Сталинских премий — известные художники старшего поколения и люди, лишь недавно вступившие на путь творчества. Среди них мы видим славных сынов и дочерей братских республик Советского Союза. Всех их роднит сознание своего долга перед Отчизной — создавать новые произведения высокой идейности и совершенного мастерства.

Редакция «Огонька» обратилась к группе лауреатов Сталинских премий с просьбой рассказать читателям журнала о своих работах и планах на будущее. Ниже мы печатаем беседы с ними.

Эпопея о нашем народе

Ф. ГЛАДКОВ,
писатель

Я писал «Повесть о детстве» не как обычные воспоминания, а как поэму о русском народе. К изображению русского человека, моего современника, я подходил как художник, воспитанный нашей великой большевистской партией.

Чтобы дать подлинную картину событий, свидетелем и участником которых я был в детстве, и нарисовать правдивые образы деревенских людей того времени, я должен был вскрыть все обстоятельства жизни той эпохи, условия и характер классовой борьбы.

Мой долг состоял в том, чтобы показать все, что было жизненного, устойчивого, самобытного в душе русских людей. Писатели прошлого изображали русского крестьянина со своей, субъективно классовой точки зрения: они сочиняли его, то есть наделяли его желанными для них чертами в соответствии со своей классовой идеологией. Достаточно указать на образы мужиков у литераторов-дворян, у народников.

Я родился и рос в крестьянской среде и хорошо чувствовал душу деревенского труженика. Он неустанно боролся за правду и справедливость и смертельно ненавидел своих исконных врагов — помещиков, кулаков, полицию и церковников. Среди крестьян были умные мечтатели, жизнерадостные подвижники, талантливые умельцы... Неугасимо сияют в моей душе образы чудесных наших русских женщин.

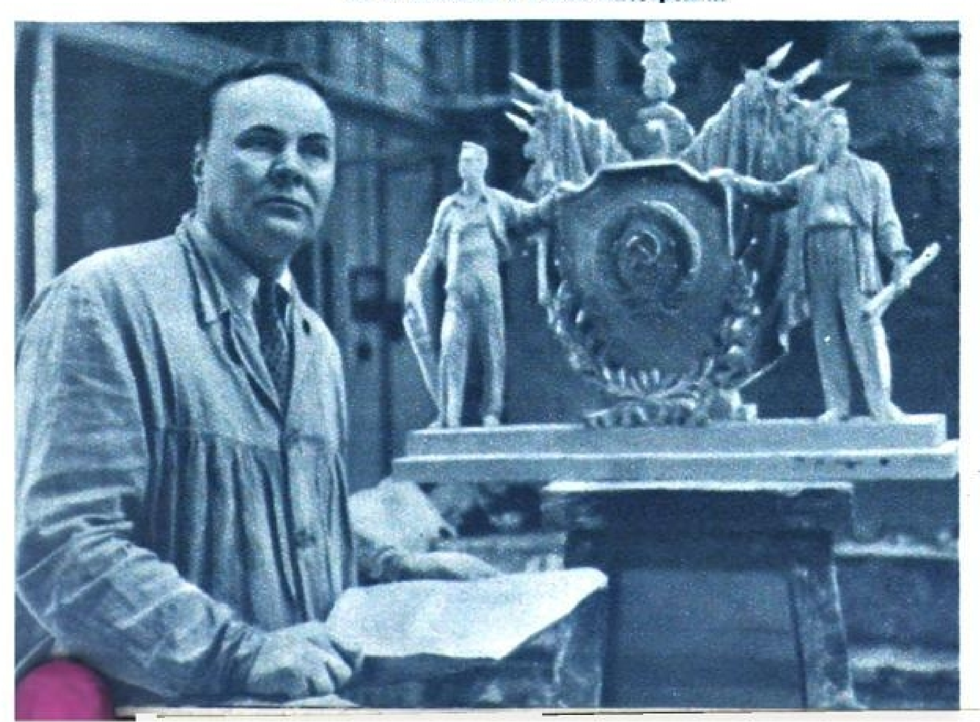
Типические черты русского человека-трудолюбца, не сгибающегося под тяжестью испытаний, упорного в борьбе, сильного духом, с крепкой верой в счастливое будущее, богато и ярко проявились в советском человеке, в трудовом героизме и в ратных подвигах его в годы Отечественной войны.

Я давно уже решил написать правду о нашем крестьянине, показать его таким, каким он был на самом деле, без прикрас, без сгущения красок. Современность требует от писателя не только живописания злободневных событий, но и художественного воплощения всего многообразия жизни людей, которые боролись за будущее — за наше настоящее — и были активными участниками всех трех революций. История отцов нынешнего поколения — это преддверие истории наших дней. И книга, посвященная этой истории, не менее современна, чем многие книги о наших днях.

Мое повествование — не автобиография, а эпопея о нашем русском народе. Оно рассчитано на три тома. Второй том посвящен труженикам рыболовных «ватаг» Каспия. Это и потомственные рыбаки и «вольница» — люди, выброшенные из оскудевших деревень, ограбленных и разоренных помещиками и мироедами. Книга эта скоро будет готова к печати.

Третий том посвящается городу, рабочему классу и революционной борьбе в первое десятилетие XX века.

Н. В. Томский в своей мастерской.

Гимн Ленину и Сталину

Н. ТОМСКИЙ,
скульптор

Еще в 1948 году советские скульпторы задумали создать посвященный Ленину и Сталину зал, в котором были бы соединены самые различные формы ваяния.

Этот зал мыслился как гимн в честь великих зодчих социализма — Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина. «В. И. Ленин, И. В. Сталин — основатели и руководители советского государства» — такова родившаяся сразу же по возникновении замысла тема, которая должна была отразить решающие этапы развития нашей социалистической Родины. В зале десять рельефных композиций с изображением больших групп людей и, кроме рельефов, четыре фигуры: матроса, солдата, красногвардейца и партизанки.

Для работы были привлечены известные мастера старшего и младшего поколений — скульпторы М. Бабурин, П. Бондаренко, Л. Кербель, Г. Мотовилов, А. Файдыш, В. Цигаль и Д. Шварц.

В портретных рельефных композициях «В. И. Ленин и И. В. Сталин» и «Политбюро ЦК ВКП(б)» хотелось передать величие, цельность и необыкновенную внутреннюю силу вождей советского народа, раскрыть образы руководителей нового типа, ведущих миллионы людей к светлому будущему — коммунизму.

Рельефы «Выступление В. И. Ленина у Финляндского вокзала в Петрограде в апреле 1917 года» и «Провозглашение советской власти на II съезде Советов» отмечают важнейшие вехи в истории Октябрьской революции. В обоих произведениях рядом с Владимиром Ильичем — его ближайший соратник И. В. Сталин. Руководители большевистской партии показаны в неразрывном единении с народом, который верит партии и идет за ней.

Скульптуры матроса, солдата, красногвардейца и партизанки представляют славных воинов революции. Эта часть зала овеяна пафосом победоносной социалистической революции.

Суровой скорбью проникнута композиция «Клятва И. В. Сталина у гроба В. И. Ленина». На одном из стягов, принесенных на Красную площадь, написано: «Всегда, везде, нераздельно с нами — Ленин». Эти слова — идея композиции.

И. В. Сталину обязан наш народ историческими победами в Великой Отечественной войне. Мы стремились запечатлеть и памятное всем выступление Иосифа Виссарионовича на Красной площади 7 ноября 1941 года и вручение Верховному Главнокомандующему ордена «Победа».

Замыкают зал композиция «Встреча победителей», показывающая триумф советского оружия, и два небольших рельефа — «Социалистическая индустрия» и «Социалистическое сельское хозяйство», — повествующие о мощи нашего народного хозяйства.

Мы работали над созданием зала долго и увлеченно. Каждому из нас хотелось в творческом труде выразить свою горячую преданность народу, передать неиссякаемую любовь к великому вождю советского народа — Иосифу Виссарионовичу Сталину.

«Золотой кишлак»

Мирсаид МИРШАКАР,
поэт

«Кишлоки тиллои» — «Золотой кишлак»... Мальчиком в горах Памира впервые услышал я эти слова. В них жила давнишняя мечта моего народа. Из поколения в

Мирсаид Миршакар.

поколение передавалась легенда о Золотом кишлаке: будто далеко-далеко в горах есть богатое и счастливое селение — настоящий рай на земле, где фруктовые сады и тучные нивы приносят обильные урожаи, где нет баев и нет батраков и все люди свободно трудятся и живут в достатке. Только никто не знает дороги в этот чудесный кишлак.

Помню, как в 1924 году к нам приехал представитель райкома комсомола из Хорога. Он говорил, что скоро в кишлаке откроется школа, и подарил мне карандаш, сказав при этом:

— Ты его не потеряй, Мирсаид, и, когда я приеду еще раз, ты должен будешь написать этим карандашом свое имя.

Я научился грамоте, стал комсомольцем. В 1929 году меня как пионерского работника послали в Москву на Всесоюзный пионерский слет. Много замечательных

людей — ученых, писателей, общественных деятелей — выступало на этом слете, но больше всего мне запомнилось выступление Маяковского, его страстные боевые стихи, воспевавшие величие и красоту социалистической Родины.

С тех пор у сына безграмотного памирского горца зародилось желание стать поэтом.

Поэму «Золотой кишлак» я задумал давно. Показать, как сказка стала былью, как большевистская партия, колхозный строй принесли Таджикистану счастье свободного труда на свободной земле, зажиточную жизнь, свет культуры, — таков был мой замысел. В кишлаке Паришнив, где я провел детство, сияют сегодня электрические огни, построены новая просторная школа, клуб, чайхана-читальня. Колхозники собирают огромные урожаи, многие награждены орденами, есть среди них и Герои Социалистического Труда. Таких кишлаков у нас сотни!

Когда я писал поэму, ко мне домой, в Сталинабад, приезжали мои старые друзья-памирцы. Я им читал отрывки, и мы вспоминали горькое прошлое Таджикистана, обрисованное в первой части поэмы. Мне было радостно видеть, какой гордостью загорались глаза моих земляков, когда я переходил ко второй части поэмы, повествующей об успехах колхозного труда:

...Ты у себя. Все, что ты видишь здесь,—
Гирлянды роз и этот хлопок весь,
И каждый плод, и каждый новый дом, —
Добыто нашей волей и трудом.

Работая над поэмой, я получил много ценных советов от Муминша Кадамова, секретаря райкома партии в высокогорном Бартанге, колхозника Гулама Алиева из кишлака Вомар, талантливой песенницы Памира Гариб-Султан Худоербековой. И сегодня, когда мой труд увенчан такой высокой наградой, как Сталинская премия, я с благодарностью вспоминаю о них, первых читателях и критиках моей поэмы.

Награда обязывает. Я начал работу над новой поэмой — «Савсан и ее подруги».

Над этой поэмой я буду работать с таким же упорством и настойчивостью, с каким работают те прекрасные люди социалистического Таджикистана, которым она будет посвящена.

Моя первая роль

В. ДАВЫДОВ,
актер

Такое чувство, конечно, довелось испытать каждому нашему киноартисту — чувство волнения от сознания того, что твою работу увидят и оценят миллионы советских зрителей...

Рабочий момент съемки фильма «Встреча на Эльбе». Режиссер Г. В. Александров (справа) и артист В. С. Давыдов, исполняющий роль майора Кузьмина.

В фильме «Встреча на Эльбе» мне предстояло показать, как за рубежом защищает нашу миролюбивую политику советский офицер. Надо было раскрыть идейное превосходство советского человека, его высокие моральные качества, убежденность в силе своего народа, духовную красоту и благородство. Кузьмин — молодой человек сталинской эпохи, воспитанный большевистской партией.

В мыслях прошли Зоя Космодемьянская, Маресьев, Гастелло, сотни советских офицеров, которых мы видели во время Отечественной войны. Нет, не «играть роль» нужно было, а как бы встать на место майора Кузьмина и как можно лучше, точнее выполнить все задачи его, советского человека, представляющего свою страну за рубежом.

Какими средствами, например, убедить старого немецкого профессора в правоте нашего дела? Поучения здесь, мне казалось, не помогли бы. У меня появилось глубокое внутреннее желание растолковать, внушить этому старому человеку, что его взгляды на жизнь неправильны, что надо видеть будущее своего народа, что справедливость и мир несет только наша, советская политика. И поэтому во всех сценах с профессором Дитрихом я стремился подчеркнуть искренность и простоту, твердость убеждений Кузьмина.

С американским сенатором Вудом разговор был совсем иной. Если на первых репетициях у меня возникало невольное чувство раздражения при встречах с этим человеком, то позже я понял: дело не в сенаторе. Мы стоим намного выше этих Вудов, Ллойдов, МакДермоттов и прочих поджигателей войны. Дело в том, чтобы сказать им: мы не боимся ваших угроз; сказать через их голову Хиллу, Перебейного — миллионам простых людей мира, — что думают о войне майор Кузьмин и весь советский народ, — убедить миллионы простых людей Америки в том, что мир победит войну. И я решил, что чем спокойней, увереннее и смелее майор Кузьмин будет говорить правду в глаза, тем отчетливее проявится его сила.

Недавно мне рассказали, что в рецензии одной зарубежной газеты было написано, будто все мировоззрение майора Кузьмина было навязано артисту В. Давыдову режиссером Г. В. Александровым и будто образ майора выдуман. Я не знаю, как это можно «выдумать» образ советского человека, как можно «выдумать» двухсотмиллионный советский народ, который построил социализм и спас весь мир от ужасов немецкого фашизма. Этого не выдумаешь — это факты, история! В нашей стране артисты думают так же, как зрители — народ, а зрители думают, как артисты. В этом сила советского искусства.

Передовая школа пианизма

Святослав РИХТЕР,
пианист

Где бы ни встречались на международных конкурсах наши пианисты с пианистами других стран: в Брюсселе или Вене, в Праге или Варшаве, — первое место всюду и неизменно оставалось за питомцами советской школы пианизма.

Что же отличает нашу школу, что составляет «секрет» ее превосходства, ее неоспоримых творческих побед?

Нетрудно ответить на этот вопрос. Если пианисты буржуазного Запада, в особенности пианисты за океаном, вынуждены удивлять своих пресыщенных слушателей прежде всего чистым техницизмом, погоней за внешними эффектами, то нашей школе пианизма свойственно стремление к идейной ясности и одухотворенности исполнения.

Советские пианисты-виртуозы, не уступая никому в совершенстве исполнительской техники, главную задачу видят в раскрытии «души» произведения. Проникнуть в мысли и чувства композитора, выразить их с наибольшей отчетливостью, глубиной, силой — вот к чему стремится каждый из нас, пианистов, воспитанных консерваториями Москвы и Ленинграда, Киева и Тбилиси, Баку и Ташкента...

Эти замечательные качества нашей школы, унаследовавшей лучшие традиции выдающихся русских исполнителей и педагогов, позволяют говорить о советском пианизме как о высшем этапе мировой фортепианной культуры.

Всякий раз, когда я приступаю к новой работе, я вспоминаю слова Льва Толстого о том, что «художник должен уметь найти то единственное выражение, которое существует для каждого чувства. Для того же, чтобы найти это выражение, он должен чувствовать то, что выражает».

Только при этом условии произведение искусства заразительно и потому есть искусство».

Сейчас я работаю над этюдами высшей сложности — Франца Листа... Это один из наиболее трудных «барьеров» для пианиста-виртуоза. Очень труден он и для меня. Но будут ли мои слушатели удовлетворены, если я только «блесну» легкостью и свободой исполнения этих этюдов? Для чего же добиваться этой легкости, этой свободы, как не для того, чтобы выразить чувства и мысли, заключенные в каждом произведении?

Большую творческую радость доставляет мне обращение к сокровищнице русской классической фортепианной музыки. Какие огромные и разнообразные богатства раскрываются передо мной, когда я проникаю в яркий и красочный мир единственных в своем роде «Картинок с выставки» гениального произведения Мусоргского, в простые, лирические размышления «Большой сонаты» Чайковского!.. В моем репертуаре Рахманинов, Скрябин, Глазунов; в каждом из них я стараюсь услышать, почувствовать, выразить то, что наиболее близко и дорого моим современникам.

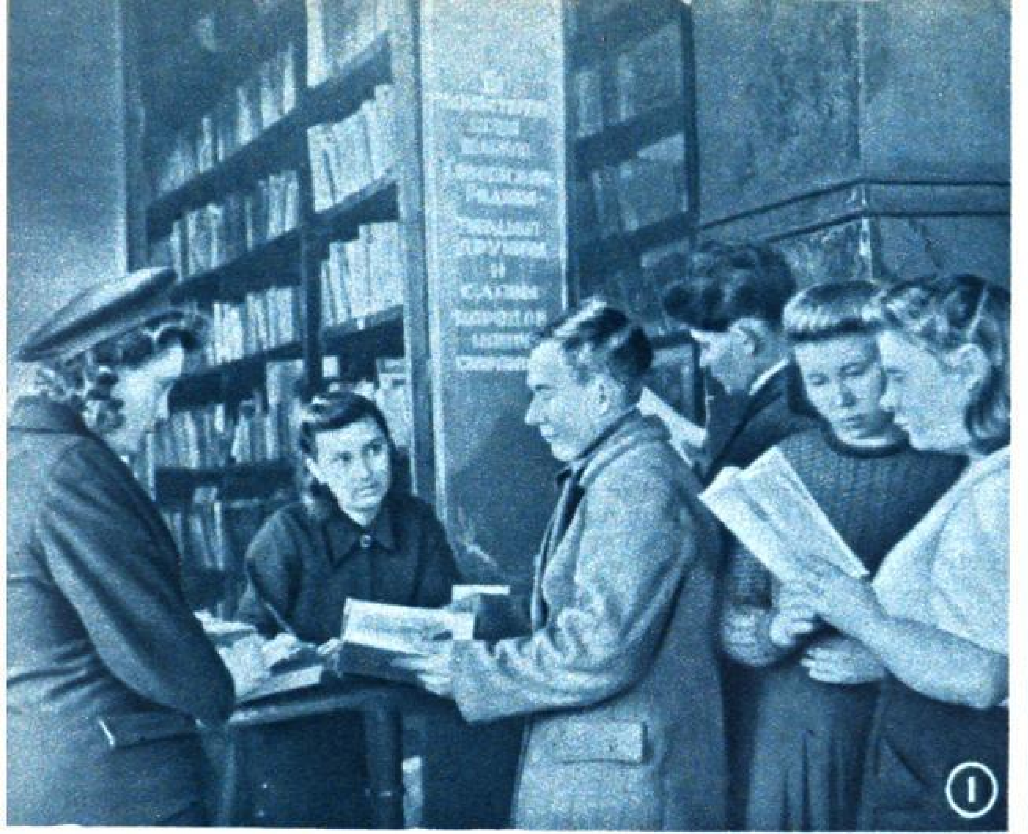
Но не только русские классики, — Бах и Бетховен, Шуберт и Лист, Шопен и Дебюсси также находят у нас многочисленных благодарных и внимательных слушателей.

Самое радостное для пианиста — сознание, что фортепианная музыка из искусства для избранных превратилась в нашей стране в искусство для самых широких народных масс.

Я от души благодарю свою большую и отзывчивую аудиторию, благодарю правительство, высоко оценившее мой творческий труд.

Святослав Рихтер.

КУЛЬТУРА СИБИРСКОГО СЕЛА

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото М. САВИНА

Черлак — бывшая казачья станица на Иртыше. В старые времена жила эта станица в темноте и невежестве. А сегодня по Омской области гремит слава колхозного Черлака, инициатора больших культурных начинаний.

Колхозники Черлакского района первыми в Сибири предложили создать библиотеку при каждой сельскохозяйственной артели. В селах Омской области рождались новые очаги культуры. Для библиотек выделялись лучшие помещения, колхозные плотники мастерили стеллажи для книг, школьники переплетали томики художественной и научной литературы, украшали помещения читален портретами писателей, и десятки юношей и девушек занимались на курсах сельских библиотекарей, организованных райкомами партии.

В библиотеке Черлака всегда полно народа (снимок № 1).

Библиотекарь Надежда Бутирус хорошо знает всех читателей, изучила их запросы. Плотник Михаил Иванович Мельников из колхоза «Ударник» неизменно интересуется книгами о Великой Отечественной войне. С благодарностью вернул Мельников прочитанную им «Белую березу» М. Бубеннова, взял «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. А «Белая береза» перешла в руки бывшего фронтовика Гаврилы Никитича Гасаева.

Другой читатель, член правления артели имени М. И. Калинина Иван Васильевич Коваленко, горячо благодарит библиотеку за «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского. Полюбился ему один из героев романа — кубанский механизатор Ефим Меркушев. Следуя примеру Меркушева, Коваленко ввел несколько новшеств в артельное хозяйство.

Инициатива Черлака подхвачена сегодня по всей Сибири. В Омской области насчитывается более двух тысяч колхозов. И в каждом из них есть теперь своя библиотека!

* * *

Черлаковцы выступили инициаторами и радиофикации деревень и поселков области.

Когда едешь по тракту вдоль Иртыша, каждая деревня встречает тебя лесом радиомачт над крышами. Нет дома, где бы не было детекторного приемника или приемника «Родина». Большой популярностью пользуются лекции по вопросам полеводства, животноводства и механизации. Первую лекцию этого цикла, транслировавшуюся из Омска, слушали 70 тысяч колхозников, работников МТС и совхозов, вторую — 90 тысяч, а третью — 103 тысячи человек! Лекторы профессор В. А. Цинговатов, доцент А. Р. Кожевников, кандидат биологических наук Г. П. Высокос еще никогда не имели такой гигантской аудитории. Несет радио в сибирскую деревню и музыкальную культуру. Долгие зимние вечера скрашивает музыка, льющаяся из приемников и репродукторов.

В Черлакской школе-десятилетке организован свой радиоузел (снимок № 2). Передает он и «Новости школьного дня» и концерты художественной самодеятельности.

* * *

Сыновья многих колхозников учатся в Черлакской районной школе механизации. Она готовит кадры трактористов и комбайнеров для южных районов Омской области.

Директор школы тов. Власов показал нам письмо от выпускника Василия Ульянова, полученное из Крестинской МТС:

«Благодарю вас за то, что школа вооружила меня хорошим знанием комбайна «С-4». На этом комбайне я уже убрал 400 гектаров».

Государство шлет на поля Сибири лучшие современные машины — самоходные комбайны, мощные гусеничные тракторы. С огромным интересом изучают эти машины молодые сибиряки.

* * *

— Мы носим имя Сталина в своем сердце, — говорит комсомолка Раиса Брыкалова. — Самая заветная мечта наша — научиться служить народу по-ленински, по-сталински.

Колхозники и колхозная молодежь Черлака выступают с рефератами, докладами о прочитанном. История большевистской партии, Сталинская Конституция, величие советской демократии — вот темы этих выступлений.

Вы видите занятие комсомольского кружка колхоза «Ударник». Раиса Брыкалова делает доклад о жизни и деятельности И. В. Сталина (снимок № 3).

* * *

Широки степные просторы вокруг Черлака! Безграничны снежные равнины — раздолье для лыжников!

Молодой человек современной сибирской деревни любит физкультуру и спорт.

Вот группа молодежи колхоза «Ударник» вышла на лыжную прогулку (снимок № 4). Идут берегом Иртыша, скованного льдом. Это тренировка к предстоящим межколхозным соревнованиям.

Некогда, в мрачные дни царизма, Горький писал о Сибири, как о необъятном крае необъятного горя. Какая пропасть отделяет ту Сибирь от сегодняшней! И как радостно наблюдать стремительный подъем культуры колхозного сибирского села!

Лауреат Сталинской премии писатель Федор Васильевич Гладков. Премия присуждена за «Повесть о детстве».

Фото Г. Вайля

Лауреат Сталинской премии композитор Алексей Муравлев. Премия присуждена за симфоническую поэму «Азов-гора».

Фото Л. Сыркина и В. Грачева

В защиту мира

Беседа с членом делегации Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира Лораном Казанова

Руководитель делегации г-н Ив Фарж выступает в Большом Кремлевском дворце.

Москву посетила делегация Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира для вручения Верховному Совету СССР обращения Комитета. В беседе с корреспондентом «Огонька» член делегации, видный общественный деятель Франции Лоран Казанова сказал:

— Радушный прием, оказанный нашей делегации в Москве, и все, что мы видели и слышали в этом великом городе, произвело на всех нас чрезвычайно благоприятное впечатление. Это важно отметить, так как в делегацию входят люди самых разнообразных политических направлений.

8 марта наша делегация была принята в Кремле председателями обеих палат Верховного Совета СССР и, таким образом, получила возможность выполнить свою миссию и вручить обращение Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

Это обращение содержит два конкретных предложения — прекращение гонки вооружений и запрещение атомного оружия.

Делегации направлены Постоянным комитетом Всемирного конгресса сторонников мира с таким обращением к парламентам разных стран. Наша делегация получила заверение в том, что предложения Комитета выражают насущные интересы народов, заинтересованных в продолжительном и прочном мире, и что они найдут полное понимание и поддержку народов Советского Союза. Эти предложения, сказали нам в Кремле, отвечают последовательной борьбе Советского Союза за укрепление мира во всем мире.

Этот ясный ответ дает нам, как заявил глава нашей делегации Ив Фарж, основание для самых лучших надежд.

В ряде капиталистических стран международные делегации были приняты или председателями парламентов, как это было во Франции и Италии, или обращения были посланы почтой, как это было в Бельгии, где председатель парламента отказался принять делегацию. Из Голландии делегатов Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира грубо выпроводили, а в США им запретили въезд.

В Москве же нас тепло приняли и наши предложения одобрили. Мы это расцениваем, естественно, как серьезную поддержку в борьбе народов за мир во всем мире.

Ответственные советские государственные деятели заявили нам о том, что Верховный Совет Советского Союза приветствует инициативу Постоянного комитета, считая ее особенно ценной и своевременной сейчас, когда в ряде государств имеет место неслыханная гонка вооружений. За время нашего пребывания в Москве мы имели возможность еще раз убедиться в том, что советские люди хотят мира и готовы сделать все от них зависящее, чтобы поддержать предложения о всеобщем сокращении вооружений и запрещении атомного оружия.

Всем ясна позиция советского народа, советского правительства. Не подлежит никакому сомнению, что ответ, полученный нашей делегацией в Московском Кремле, вселит новые силы и уверенность в ряды защитников мира.

Отвечая на вопрос о том, какое впечатление произвела на делегатов Москва, Лоран Казанова заявил:

— Хотя наша делегация, как я уже сказал, чрезвычайно разнообразна по своему составу, тем не менее Москва произвела на всех нас одинаково неизгладимое впечатление.

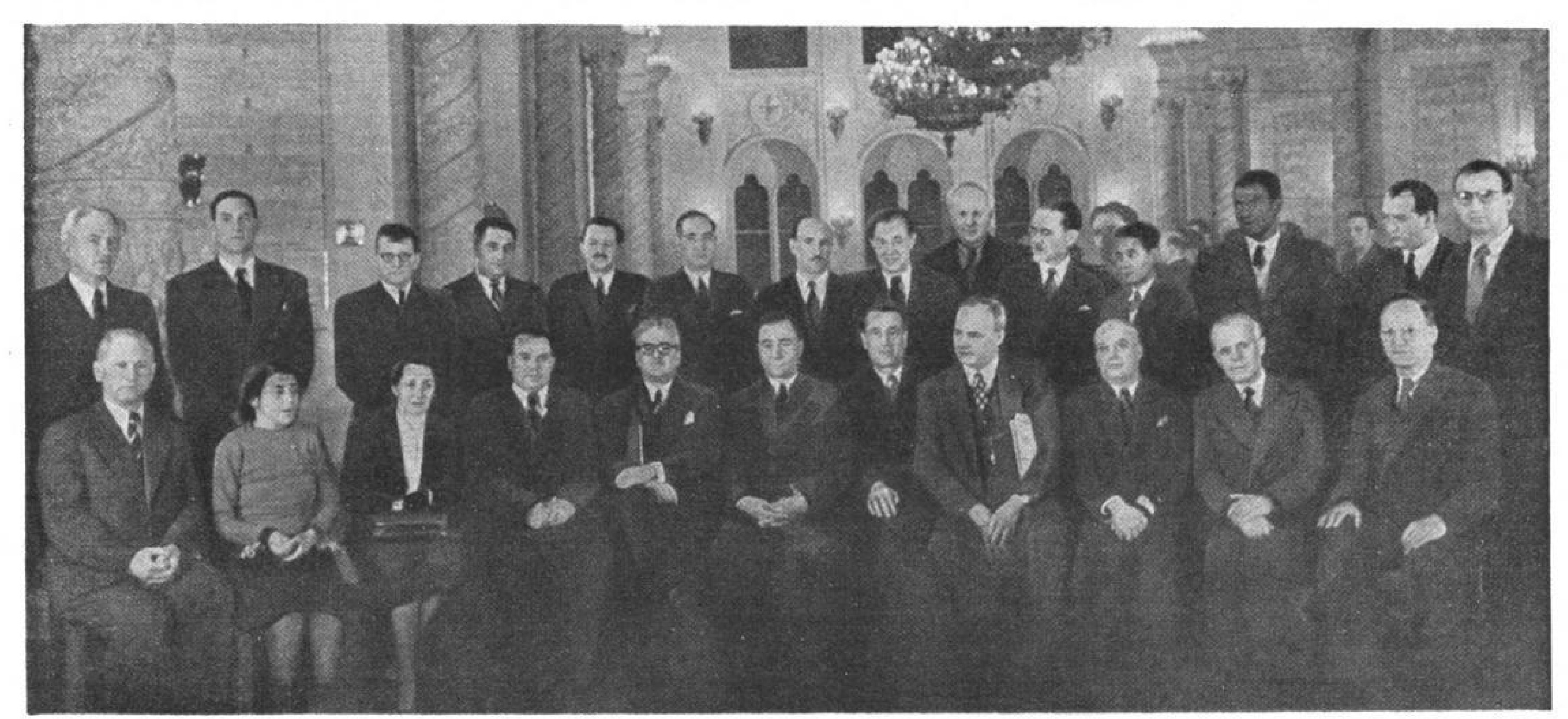
Нас обрадовали бодрый, жизнерадостный вид москвичей и сама Москва — столица могущественного социалистического государства.

Делегаты, между прочим, отметили, что магазины полны товаров и покупателей. Естественно, мы это связали с новым снижением цен, осуществленным недавно в вашей стране. Для нас — людей, приехавших из капиталистических стран, где царит инфляция, где с каждым днем все ближе надвигается экономический кризис и ухудшается положение народных масс, где бастуют тысячи и тысячи рабочих, чтобы добиться хотя бы прожиточного минимума,— для нас все, что мы видели в Советском Союзе, было прекрасно, волнующе, поразительно.

Глубокое впечатление на меня, как и на всех делегатов, произвело московское метро и особенно его новые станции. Мы все единодушно отметили благородство замысла этого величественного сооружения.

Посещение автомобильного завода имени Сталина, где мы видели, как широко механизированы самые тяжелые процессы труда, и встречались с новаторами — рабочими, лауреатами Сталинских премий, людьми смелыми в своих творческих поисках, упорными и трудолюбивыми,— также останется в нашей памяти как одно из самых светлых воспоминаний о пребывании в Москве.

Покидая советскую столицу, мы шлем горячий привет великому, могучему советскому народу, наиболее последовательному борцу за мир во всем мире, светлой надежде всего трудящегося человечества.

8 марта делегация Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира была принята в Кремле. На снимке: председатель Совета Союза Верховного Совета СССР И. А. Парфенов и председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов среди членов делегации и других участников приема.

Фото А. Гостева

ТВОРЧЕСТВО МИЛЛИОНОВ

М. ИЛЬИН

Рассказывая об успехах социалистического машиностроения, академики Е. А. Чудаков и И. И. Артоболевский приводят такой поражающий воображение пример: с 1917 года советским ученым удалось повысить прочность чугуна в 4—5 раз. В нашем представлении чугун есть чугун. Это не какой-нибудь новый материал, только недавно появившийся в технике. У чугуна многовековая биография. И вот оказывается, что и он сейчас уже совсем не тот, каким был в дореволюционные времена. Не тот чугун, так же, как не те домны, не те станки, не те сталевары и доменщики, не те инженеры и ученые.

Никогда еще ни один народ не шел так быстро по пути технического прогресса. В 1913 году В. И. Ленин писал: «...Россия остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки». А теперь у нас самые передовые в мире доменные и мартеновские цехи, крупнейшие в мире турбогенераторы, самые мощные паровые и водяные турбины.

Производство в Советской стране — это не просто производство: это — творчество, в котором участвуют миллионы.

Многие помнят, как, вопреки всем традициям, Автомобильный завод имени Сталина в Москве перешел, не останавливаясь, от массового изготовления трехтонных грузовиков «ЗИС-5» на выпуск четырехтонных грузовиков «ЗИС-150». В то время как с конвейера сходили последние трехтонки, на другом его конце уже начиналась сборка первых четырехтонок. Трудно было бы найти другой пример, который бы так наглядно показывал непреложный закон социалистического производства: непрерывное творчество, непрерывное движение вперед — от старого к новому.

Загляните в конструкторское бюро большого завода. Вам покажут кипы листов — от первых набросков и схем до готовых чертежей автомобилей, станков, автоматических линий. Эти листы, словно рукопись требовательного к себе писателя, хранят следы долгого и упорного творческого труда. Вот сложный узел — один из многих узлов, составляющих автоматическую линию. Он перечеркнут синим карандашом, а рядом вычерчен новый вариант, построенный на иной технической основе. Вот схема, в которой даже специалисту было бы нелегко сразу разобраться. Она перечеркнута наотмашь, крест на крест. Чем-то она не удовлетворила автора. Представьте себе бессонную ночь после этой неудачи — ночь, когда голова продолжает работать, не считаясь со стрелками часов. Сколько таких ночей мог бы вспомнить каждый конструктор!

И вот наступает счастливое, хотя и тревожное время: ведущий конструктор покидает обычное место у своей чертежной доски. Он проводит дни в цехе, где собирают и испытывают все эти узлы и агрегаты, еще недавно существовавшие только на бумаге. Вместе с ним, так же взволнованно и напряженно, работают инженеры из заводской лаборатории, слесари, участвующие в сборке и наладке. Каждый вносит свое в конструкцию, которая и тут продолжает меняться и совершенствоваться.

И, наконец, творческий труд увенчивает награда. Советские люди высоко ценят ордена и премии, которыми удостаивает их Родина. Но я говорю сейчас о другой, о самой первой награде, которую получает тот, кто творит новое. Дело сделано. Поэма, симфония, новая чудесная машина созданы. Какое же это счастье — сказать своему детищу: «Иди, работай, помогай людям жить и трудиться!».

Я поставил творческий труд конструктора рядом с трудом поэта и композитора. И трудно сказать, что требует для своего создания большего вдохновения: конструкция из мыслей, образов, звуков и ритмов или совершенный станок, который, словно организм, сам проверяет и регулирует свою сложную внутреннюю жизнь да еще при этом извещает человека: «Все в порядке, приказание исполнено».

А труд рабочего-новатора! Такой рабочий — не просто исполнитель заданного урока. Человек, который ломает установленные нормы, который идет наперекор традициям, только в том случае может добиться успеха, если он владеет всеми своими силами и способностями, если он находится в состоянии особенного подъема и напряжения. А это и есть то, что принято называть вдохновением.

Поговорите с рабочими-скоростниками. Они расскажут вам о бесчисленных трудностях, возникающих на их пути, о долгих, мучительных поисках и о внезапных озарениях.

Казалось бы, простая вещь — увеличить скорость резания, работая на токарном станке. Но эта скорость ограничена нормами, и ограничена не случайно. Когда она переходит через какой-то предел, резец раньше времени выходит из строя, станок вибрирует, обрабатываемая деталь того и гляди может вырваться из станка, особенно если она тяжела и громоздка. И вот тут начинается напряженная борьба за скорость, за каждые тридцать, пятьдесят, сто метров в минуту.

Скорость! О ней все чаще говорят на наших заводах. Что же заставляет людей ускорять работу? Убеждение в том, что есть прямая связь между планом завода и планом страны, между скоростью резания, плавки, стройки, бурения и скоростью нашего продвижения к коммунизму.

В этом творческом стремлении вперед простые люди — токари, шлифовальщики, сталевары, нефтяники — все отчетливее сознают, что им не обойтись без науки, без глубоких знаний.

Как переделать станок, чтобы он был устойчивее? Какую форму придать резцу, чтобы он дольше и лучше работал? В поисках ответа на эти вопросы токарь роется в книгах по станкостроению, советуется с технологами, вникает в теорию резания.

И вот станок сделан более устойчивым. Резцу придана наиболее совершенная форма. Скорость резания превышает сто, двести, триста метров. Генрих Борткевич доводит ее до семисот, а Павел Быков — до тысячи и больше метров в минуту. Сжато до пределов и «машинное» время и то время, которое уходит на вспомогательные операции. За день удается сделать то, на что раньше нужны были недели. Но рабочим-новаторам и этого мало. Они обращаются к ученым, к конструкторам, к технологам: «Изучайте наш опыт, исследуйте процесс скоростного резания, дайте нам еще более твердые сплавы для резцов, еще более мощные и быстроходные станки — и мы удвоим производительность нашего труда».

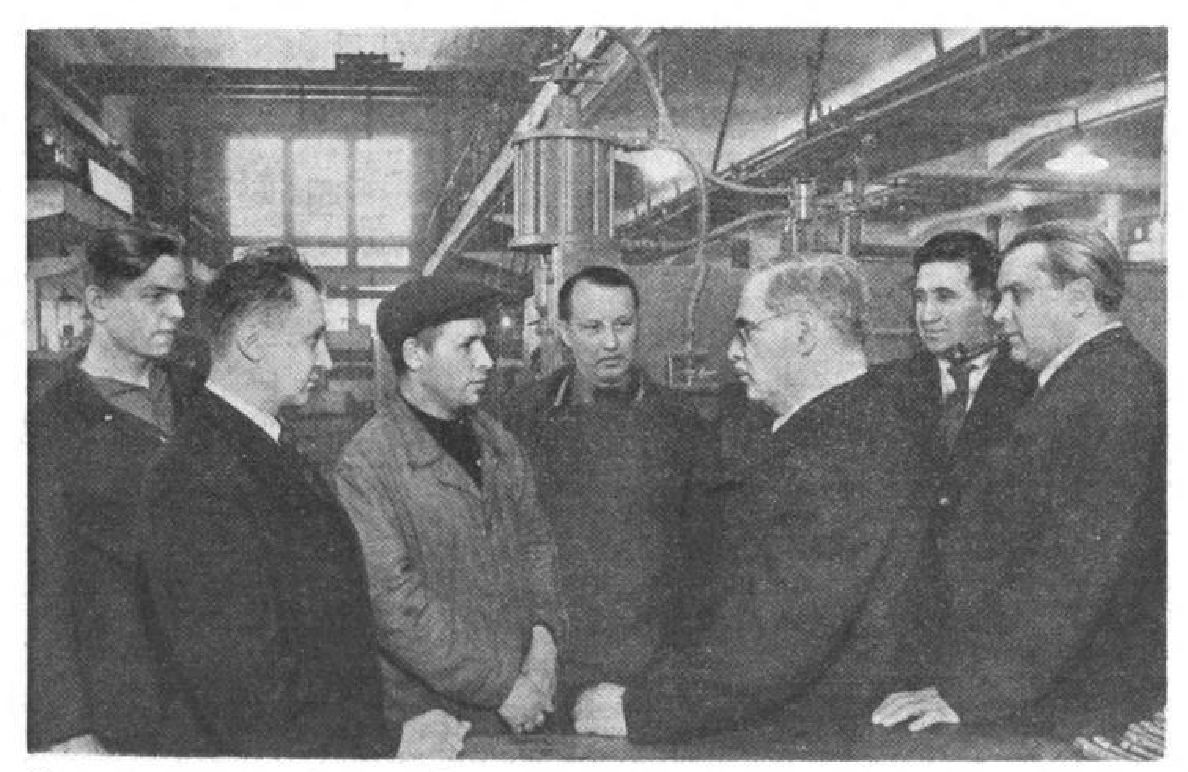
Круг замкнулся: около пятнадцати лет тому назад советская наука впервые в мире положила начало скоростному резанию. Когда быстрорежущая сталь оказалась недостаточно быстрорежущей, был создан новый резец — с пластинкой из твердого сплава. Рабочие-новаторы взяли от этого резца все, что он мог дать, и хотят, чтобы наука помогла им двигаться дальше.

То же самое происходит и на других участках «переднего края» техники. Шлифовальщики требуют, чтобы научные работники, изучающие абразивы, создали более стойкие круги для новых, скоростных станков. Мастера скоростных плавок повышают температуру печей, и это вызывает появление новых материалов, более огнеупорных, чем прежде.

Так ломка старых норм в одной области производства убыстряет творческую перестройку и в других областях. Да иначе и быть не может. Ведь в хорошо работающем организме рост одного органа должен быть соразмерен с ростом других, с гармоничным развитием целого.

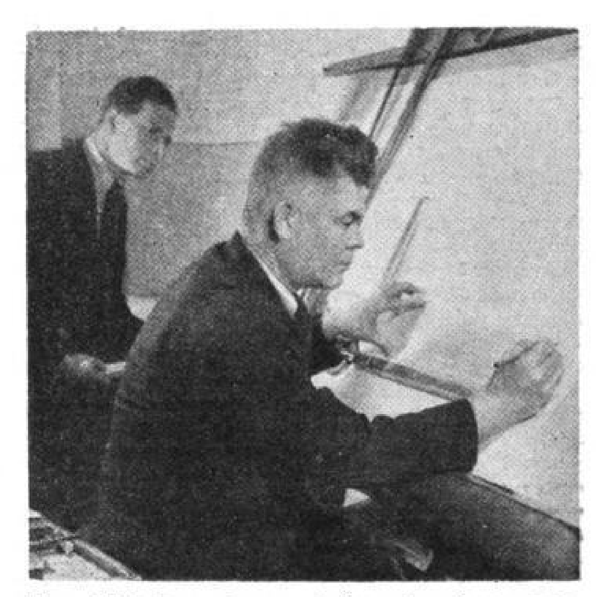
Каждый знает, что ни одно предприятие не может работать в одиночку: чтобы автомобильный завод выпускал автомобили, другие заводы должны поставлять ему металл, резину, электрооборудование, небьющееся стекло и многое другое. В такие системы заводов все энергичнее включаются теперь научные институты, возглавляя борьбу за технический прогресс.

Физики могут с полным правом утверждать, что Оптический институт «вошел в оптическую промышленность». Технологический институт имени Ленсовета связан с самыми различными предприятиями: с Ленэнерго, с кожевенным заводом имени Радищева, с литейным цехом «Электросилы», со строительными организациями. Ленинградский электротехнический институт имени Ленина помогает десяткам заводов.

Ученые в цехе завода «Электрик». Слева направо: слесарь В. П. Матвеев, главный инженер Л. А. Болотников, электромонтер М. П. Емельянов, электромеханик Н. П. Муценко, академик В. П. Никитин, директор завода Х. С. Измозик, академик И. И. Артоболевский.

Фото Д. Валентинова

Главный конструктор завода шлифовальных станков, лауреат Сталинской премии Константин Александрович Самойлов.

Фото С. Фридлянда

И обратно: каждый большой завод находится в общении со многими институтами. Челябинскому трубопрокатному заводу оказывают помощь институты трех городов: Челябинска, Свердловска и Днепропетровска.

Центр тяжести научной работы все больше сдвигается в сторону производства, а производство все больше связывает себя с наукой. Ученые идут на заводы, заводские рабочие и инженеры идут в институты.

Прежде казалось само собой разумеющимся, что место токаря — у станка, место профессора — на кафедре. Теперь бывает и наоборот: вы можете увидеть токаря на кафедре и профессора у станка. Когда рабочие Московского завода шлифовальных станков Павел Быков и Борис Кулагин приходят в Станкоинструментальный институт, к их замечаниям внимательно прислушиваются виднейшие специалисты по скоростному резанию. В Ростовском институте сельскохозяйственных машин студентам-дипломникам помогают не только их профессора, но и токари-скоростники завода «Россельмаш».

Передовые люди заводов в содружестве с учеными двигают вперед науку. Сталинская премия за работу по применению кислорода для ускорения мартеновского процесса была присуждена академику И. П. Бардину и группе работников московского завода «Серп и молот».

В списках изобретателей, удостоенных Сталинской премии, все чаще и чаще встречаются имена токарей, слесарей, доменщиков, сталеваров, колхозников-полеводов.

Среди лауреатов 1949 года мы находим рядом с академиками, профессорами, инженерами токаря В. К. Семинского, кузнеца А. Я. Белоусова, сталевара В. И. Косолапова, вальцовщика И. А. Сомова, машиниста Н. Д. Глубокова, рыбака Ф. Т. Беленицына, чабана Т. Каюпова и многих других. Тут сразу вспоминаются слова товарища Сталина о том, что «новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела».

Можно указать на такой факт.

Наша страна — родина автоматических линий. Первую автоматическую линию построил человек, о котором раньше никто в научном мире не знал, — рабочий Сталинградского тракторного завода И. П. Иночкин. Он открыл новую страницу в науке об автоматических устройствах. Наши ученые уже разработали общие методы расчета автоматических линий, намного опередив в этом науку капиталистических стран. Больше того: создан уже первый автоматический завод для изготовления автомобильных поршней. На этом заводе в одни ворота будут входить алюминиевые чушки, а из других выходить ящики с поршнями, упакованными в бумагу.

Вот яркий пример того, как дело, начатое на заводе рабочим, завершается при участии крупнейших ученых страны.

Наука и производство все теснее переплетаются между собой, и притом в самых разнообразных формах. Ученые изучают, обобщают, развивают то, что начато на заводах новаторами. И, наоборот, новаторы производства воплощают в жизнь замыслы ученых, сокращая путь от возникновения идеи до ее реализации.

Это единение в творчестве с каждым днем охватывает все более широкие круги ученых и работников промышленности.

Заводские инженеры становятся аспирантами и работают над диссертациями. На «Электросиле» возникло даже своеобразное вечернее отделение аспирантуры. Рабочие учатся в вечерних и заочных вузах. В лабораториях Ленинградского политехнического института ведут исследования технологи и конструкторы ленинградских заводов.

И, в свою очередь, ученые идут на заводы не только для того, чтобы учить, но и чтобы учиться. Давно прошло то время, когда можно было из года в год читать по тетрадке один и тот же курс литейного дела или станкостроения. Профессор, следующий этой давней традиции, рискует отстать от своих же слушателей, многие из которых только что пришли с завода. Ученым приходится переделывать учебники, включая в них то новое, что создано производством. Ученым приходится решать новые задачи, находить новые способы расчета, необходимые для создания новых машин.

Рабочее место профессора теперь не только на кафедре или в институтской лаборатории, но и у мартеновской печи, у скоростного станка, на лесах скоростной стройки.

В Уральском политехническом институте читает курс литейного производства профессор А. А. Горшков. Он читает лекции не только в институте, но и на Уральском вагоностроительном заводе. Когда на заводе не ладилось производство чугунных колес, профессор Горшков переехал на завод и оставался там до тех пор, пока отстававший цех не стал передовым. Теперь профессор — член стахановского цехового совета.

Не только отдельные ученые — целые факультеты, целые институты идут на завод.

Три года тому назад Московский инженерно-экономический институт имени С. Орджоникидзе послал сорок научных сотрудников на завод «Калибр». Этот отряд ученых вместе с инженерами и стахановцами взялся за составление плана развития и усовершенствования завода. Поставлена была цель — помочь заводу стать передовым предприятием. И в том, что завод выполнил пятилетку за 3 года и 8 месяцев, есть заслуга и научных работников института.

Этот институт помог и заводу «Серп и молот». Тут за дело взялись сразу одиннадцать кафедр — не только профессора, но и студенты-дипломники.

На заводы идут академики. Осенью прошлого года в Донбасс, в Сталино, в город угля и железа, выехало в полном составе техническое отделение Академии наук УССР. В зале заседаний встретились академики и рабочие — новаторы производства.

Всем памятно письмо, которое послали товарищу Сталину в апреле 1949 года работники промышленности и деятели науки Ленинграда и Ленинградской области. Они обещали соединить свои усилия в борьбе за прогресс социалистической техники. И можно уже говорить о результатах. За последние 11 месяцев из цехов ленинградских заводов вышли новые мощные турбины и генераторы, новые точнейшие приборы. Созданы машины, на много лет оставляющие позади такие же машины иностранных марок.

Наука двинулась на заводы. И это всколыхнуло даже такие ее области, которые, по общепринятым представлениям, далеко отстоят от практической жизни.

Функциональный анализ — одна из самых отвлеченных областей математики. Но наши ученые уже применяют его к решению задач, связанных с железнодорожными перевозками.

А вот другой факт. На Ленинградском вагоностроительном заводе имени Егорова много металла уходило в обрезки. Надо было решить простую, с первого взгляда, но на самом деле очень сложную задачу: как выгоднее раскроить на заготовки лист стали? Заводу помогли научные сотрудники ленинградского отделения Математического института Академии наук. Были вычерчены карты раскроя. Эти карты были обсуждены на собрании. Стахановцы внесли свои поправки. И теперь на каждом вагоне завод получает большую экономию металла.

Можно было бы привести много примеров такого содружества теории с живой, конкретной практикой.

Все это совсем не означает, что ученые отказались от разработки проблем, не связанных непосредственно с производством. История науки говорит, что выход из теории в практику открывается нередко совершенно неожиданно. Небесная механика помогла людям в чисто земных делах, хотя бы в решении задач современной радиотехники. Составление звездного каталога может показаться на первый взгляд делом, далеким от жизни. Но вот наши астрономы составляют «Каталог геодезических звезд». И звезды помогают мерить землю.

Союз теории и практики делает теорию еще более глубокой и действенной.

И это — не какое-нибудь временное явление, это — выражение исторических сдвигов, которые неизбежно должны были произойти в социалистическую эпоху.

Заседание технического совета ленинградского завода «Красный выборжец». Выступает профессор, доктор технических наук Ю. В. Баймаков.

Веками наука и жизнь были разделены пропастью. Теория презирала практику, а практика пробиралась ощупью, с завязанными глазами. За высокими раззолоченными дверями заседали в торжественной тишине жрецы науки, рассуждая о материях, недоступных простым людям. А где-то вдали, в дымных цехах и мастерских, мастера-практики «на глазок», «на язык», «на слух» определяли, что у них делается в печи, в машине.

Практики ни с кем не делились секретами своего ремесла. И ученые тоже оберегали от профанов свою науку. Герцен писал: «Ревнивая каста хочет удержать свет за собой, окружает науку лесом схоластики, варварской терминологии, тяжелым, отталкивающим языком. Так огородники сажают около гряд своих колючее растение, чтобы дерзкий, намеревающийся перелезть, сперва десять раз укололся и изорвал платье в клочки».

Герцен не скупился на насмешки, когда говорил о чиновниках от науки, о ее «регистраторах и столоначальниках», об «ученых недорослях», которые отвыкли от живого слова, от живого общения с людьми. «Массы действуют, проливают кровь и пот, а ученые являются после рассуждать о происшествии».

Герцен знал, что не все ученые таковы. В нашей стране было и прежде немало людей, умевших сочетать в своей работе большие обобщения с решением насущных, жизненных задач. Но какую борьбу приходилось вести этим истинным ученым с чиновниками от науки!

И вот сейчас исполняется то, что предсказывал Герцен, когда он говорил: «Время аристократии знания миновало». Вся наша наука, а не только отдельные ее представители, живет и действует вместе с массами.

Марксистско-ленинское учение о единстве теории и практики стало основой, на которой строится у нас научная работа. Наши ученые помнят слова товарища Сталина о том, что «теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией».

В капиталистическом мире попрежнему охраняют «чистую науку» от прикосновения рабочих рук. Там не увидишь рабочего на кафедре или крестьянина в Ученом совете института. А у нас наука стала народной. Она живет на средства народа, а не на подачки миллиардеров. Она работает для пользы народа, а не для барышей капиталистов. Ее ряды составляют люди из народа, а не из привилегированной верхушки общества.

Наши ученые легко находят путь на завод и в колхоз. Еще бы! Многие из них выросли на заводе и в деревне. На сессии технического отделения Украинской академии наук в городе Сталино академик М. В. Луговцов, сын и внук доменщика, встретился за одним столом со старыми мастерами, которые еще помнят его отца. Тринадцати лет Луговцов поступил в химическую лабораторию. Там же работал тогда и другой мальчик — Завялов. Теперь Завялов стал начальником лаборатории, а Луговцов — директором Института черной металлургии.

Как может отгородиться от народа такой ученый, вышедший из народа? Как может забыть путь на завод человек, окончивший заводскую школу, видевший, как этот завод менялся и рос в то время, как рос он сам?

Наши ученые — плоть от плоти народа.

Мудрено ли, что так широко раздвинулись стены наших лабораторий, что каждый завод стал лабораторией, что агрономические опыты ставятся у нас на площади в тысячи гектаров (я говорю об опытах академика Т. Д. Лысенко и его учеников)!

А наши изобретатели! Разговаривая с конструктором на заводе, попросите его, чтобы он рассказал вам свою биографию. И в большинстве случаев окажется, что он бывший рабочий.

Вот вкратце одна такая биография. В 1915 году тринадцатилетний сын литейщика Константин Самойлов поступил рассыльным на Люберецкий завод. С утра до вечера он бегал из заводоуправления в цехи и обратно, заменяя телефон, которого на заводе не было. В 1917 году мальчик добирается, наконец, до станка, становится учеником токаря. Через несколько лет токарь Самойлов поступает на маленький московский заводик «Самоточка». Потом вечерние общеобразовательные курсы, набор в профтысячу, годы учения в Станкоинструментальном институте. Советское государство поддерживает талантливого рабочего в его стремлении к знанию. В 1935 году Самойлов возвращается на свой завод уже не токарем, а инженером. Но и завод за это время тоже изменился до неузнаваемости. Полукустарная мастерская с шестью десятками рабочих превратилась в большой завод, оборудованный по последнему слову техники.

Шли годы... Конструктор Самойлов стал сначала ведущим, а потом и главным конструктором Московского завода шлифовальных станков.

И вот в жизни Самойлова наступил момент, потребовавший от него напряжения всех сил и способностей. В колхозах нехватало запасных режущих частей — сегментов — для комбайнов, косилок, жаток. Узким местом была заточка. Она производилась слишком медленно. Надо было создать такие заточные станки, в которых работа была бы полностью автоматизирована. И Самойлов создает эти станки. Они устанавливаются на том самом Люберецком заводе, где их изобретатель работал в детстве рассыльным. Впрочем, и этот завод уже не тот же самый, он стал другим при советской власти.

Вот как удивительны в нашей стране судьбы людей и вещей!

Победу конструктора увенчивает достойная награда: в списке Сталинских лауреатов появляется имя К. А. Самойлова.

Так токарь стал инженером, перешел грань, отделяющую физический труд от умственного.

И это не единичный случай. Это — явление, которое становится все более распространенным...

В нашей жизни происходят глубочайшие перемены. Оттого-то мы и встречаемся на каждом шагу с совершенно новыми понятиями.

«Научно-технический совет завода», «ученый секретарь завода...»

Эти слова еще недавно показались бы не имеющими смысла. А теперь, если вы побываете в Ленинграде на заводе «Электросила», ученый секретарь расскажет вам о деятельности заводского научно-технического совета, который возглавляет и направляет движение новаторов, связывает науку с производством. Ученый секретарь вспомнит, быть может, о том, как на заседании совета выступила работница Серафима Подковырина, а оппонентом был доцент Электротехнического института. Оппонент дал высокую оценку предложениям работницы. И так бывало не раз.

Научно-технические советы работают уже на многих наших заводах. С каждым годом растет число изобретений и рационализаторских предложений заводских рабочих, инженеров, техников. За один только 1949 год количество таких изобретений и предложений, воплощенных в жизнь, превысило 450 тысяч. И это только на промышленных предприятиях, не принимая в расчет других областей народного хозяйства! Как же тут не говорить о творчестве миллионов!

Уж одно это нарастание лавины изобретений не могло не вызвать появления новых форм связи между трудом и наукой. Такой новой формой стали, например, комплексные бригады, куда входят и ученые и работники производства. В одну из комплексных бригад на Ленинградском заводе имени Егорова входят: доцент, конструктор, старший мастер, технолог, строгальщик, шипорезчик, долбежник, слесарь-лекальщик.

Комплексные бригады создают новые промышленные установки, новые методы работы.

Здесь идет речь главным образом о заводах, и то только о немногих. Если бы позволило место, следовало бы рассказать также о союзе науки и транспорта, науки и земледелия. Нужно было бы вспомнить о колхозниках-опытниках и об их дружбе с Академией сельскохозяйственных наук, которую давно уже называют народной. Можно было бы сказать, за какие научные достижения колхозник Т. С. Мальцев был избран членом Ученого совета Свердловского сельскохозяйственного института, а колхозник М. Е. Озерный вошел в Ученый совет Днепропетровского сельскохозяйственного института. Можно было бы добавить к этому, что в Ученом совете Украинского научно-исследовательского института животноводства шесть колхозников.

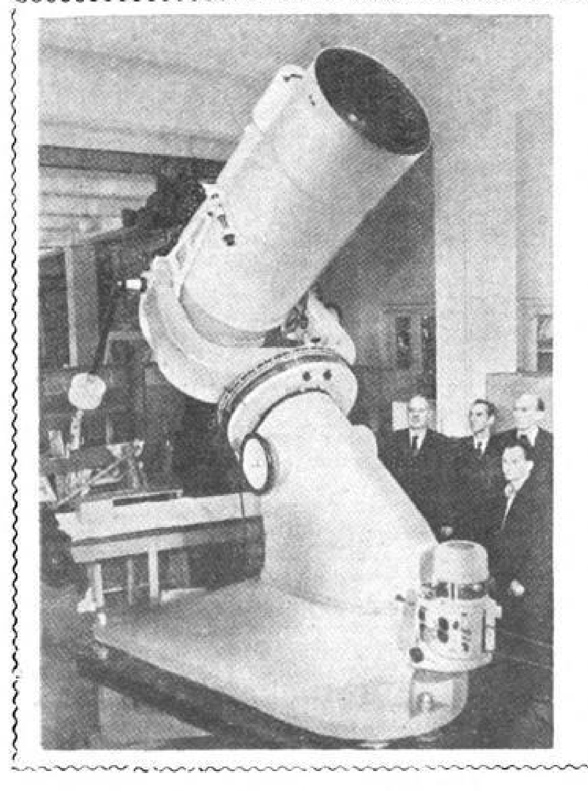
Мы часто употребляем слово «движение». Мы говорим: «стахановское движение», «движение скоростников», «движение борьбы за творческую связь науки и производства».

Слово «движение» лучше всего передает то, что у нас происходит во всех областях труда и науки. Словно могучая река взломала лед весенней порой и тронулась в путь. Бывает, выйдешь на берег — и не узнаешь знакомой реки. Какой она стала широкой! Сколько величавой силы в этом неустанном движении бесчисленных льдин, которые идут и идут, толкая и подгоняя одна другую! Попробуй-ка, останови их великий поход к морю!

Так, ломая старые, отжившие взгляды, традиции, нормы, наш народ двинулся непреодолимым потоком вперед.

В этом движении все творчески преобразуется: перестройка одного звена вызывает перестройку других. Переделываются не только станки, печи, заводы, шахты, почвы, сорта растений, учебные руководства, научные теории, формулы расчета, формы исследовательской и производственной работы — переделываются люди.

И это могучее движение происходит не стихийно: его направляют и организуют воля и разум великой партии Ленина — Сталина, ведущей наш народ к коммунизму.

НОВЫЙ ТЕЛЕСКОП

В Ленинграде изготовлен мощный фотографический телескоп, в котором применена новая оптическая схема лауреата Сталинской премии профессора Д. Д. Максутова. Пятидесятисантиметровый менисковый телескоп сконструирован инженером-конструктором Б. К. Иоаннисиани.

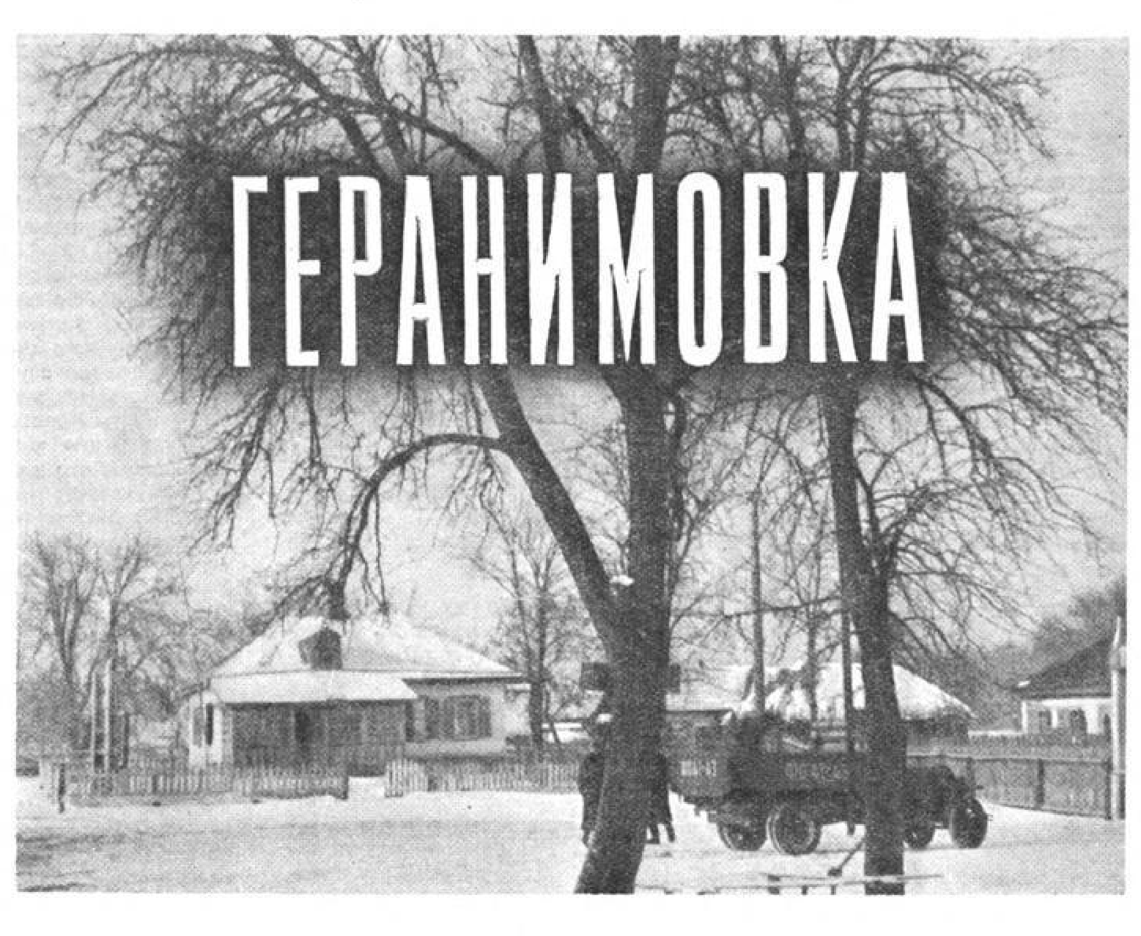
Как известно, одним из серьезнейших недостатков обычных телескопов — и линзовых и зеркальных — являются сферическая и хроматическая аберрации (расплывчатое, не в фокусе изображение и окрашивание изображения вследствие неодинаковой преломляемости световых лучей различного цвета). Остроумно соединив сферическое зеркало с мениском (выпукловогнутая линза), Д. Д. Максутов создал телескоп, не имеющий никаких аберраций. Менисковый телескоп прост в изготовлении и дешев. Он удобен в работе, так как имеет малую длину. Его зеркало не подвергается вредному действию воздуха, так как труба телескопа закрыта мениском.

Подобного размера телескоп спроектирован и построен у нас впервые.

В ближайшее время новый телескоп будет установлен на территории Астрофизической обсерватории в окрестностях Алма-Аты на высоте 1500 метров над уровнем моря.

Прибор будет использован для исследования слабых астероидов (малых планет), галактических скоплений, внегалактических туманностей и при решении различных проблем эволюции нашей солнечной системы и звездной вселенной.

Фото С. Иванова

ГЕРАНИМОВКА

З. ХИРЕН

I

Кому это вздумалось передние скамейки отодвинуть к стене, неизвестно, но с той минуты не умолкает музыка, и число танцующих все растет и растет.

— Оце ж я казав, что то Галина так распорядилась,— говорит дед Вакула, и его черные кругленькие глазки сожмурились, а полуоткрытый рот с редкими зубами застыл в усмешке.

— Выдумаешь тоже!— сердится Горпина, жена Вакулы, худенькая старушка в черном платке.— Галина, Галина Евгеньевна! Ты бы еще сказал: Михайло Ефимович!..

Старики сначала выбрали местечко поукромней, четвертый ряд. А тут после перестановки скамеек оказались впереди, на самом виду. Это и послужило поводом к размолвке.

Кружатся и кружатся веселые пары. Одни мягко притопывают валенками, другие звонко отбивают подковками сапог. Одни машут шелковым платочком над головой, другие плечами поводят. Летом совсем бы иное дело. Тут бы и каблучки высокие, туфельки всех фасонов, московские, киевские... Впрочем, и зимой эти дивчины не менее прекрасны. Вот девушка прямо перед Вакулой остановилась. Густые черные брови нахмурила, щеки бархатные пылают... Постояла, затем почтительно кивнула старикам и вновь порхнула к подружкам.

— Оце ж я казав, что Галина...— не унимается старик.

— Что ты мелешь!— негодует жена.— Где твои глаза, когда то Туза дочка, что век на кутке живет.

Вакула не сдается. Средним и безымянным пальцами гладит он свои не очень длинные и не очень густые усы, больше похожие на комли, выдернутые из стерни.

Кто же в Геранимовке не знает, что Вакулу Федоровича Хоменко, колхозного шорника, ты хоть хлебом не корми, а дай ему похвалиться собственной проницательностью. «Оце ж я казав»,— повторяет он чуть ли не после каждого слова. И это надо понимать так: Вакула предвидел, Вакула предусмотрел, Вакула предупреждал.

В нынешние времена так уж повелось: что геранимовские люди задумают, того обязательно добьются.

Однажды на правлении колхоза рассматривали план строительства новой мельницы. Присутствовал там и Вакула. Он слушал, слушал и неожиданно заявил: «Оце ж я казав, что мельницу обязательно будут строить».

Мельницу действительно вскоре построили. Пришли люди посмотреть, как она работает. Кто-то предложил в новой мельнице веселую песню спеть, чтобы никогда, как говорится, мельница без дела не стояла и чтоб мельник не грустил. Песню поют, а тут дед Вакула появляется. Лицо у него сияет. «Оце ж я...» — начал он, но старику больше не дали ни одного слова вымолвить. Кто-то схватил щепотку крупчатки и посыпал ему голову. Это на счастье! Старик доволен, смеется и с вдохновением подтягивает песенку.

Кажется, всего лишь один единственный раз Вакула добровольно воздержался от своего «оце ж», и произошло это совсем недавно, вчера вечером. Чего это старик потащился в правление колхоза? То ли насчет газеты, что в воскресенье почему-то домой не доставили, то ли насчет кожи для хомутов, которую он облюбовал в Черкассах,— честное слово, и не припомнишь, чего ради. Но является он в правление колхоза, приоткрывает дверь кабинета, а там тишина... Над большими листами бумаги склонился Михайло Ефимович Братко, голова колхоза. За спиной его стоит бухгалтер Иван Вовк.

— А дополнительную оплату?— спрашивает Братко, и сейчас же Вовк наклоняется и тычет карандашиком в какую-то клеточку на бумаге.

— Жито, жито, а пшеница где?— все продолжает спрашивать голова.

И тут опять Вовк своим карандашиком тычет уже в другую клеточку.

— А как вы сало «изобразили»?— допытывается Братко.

— Так оно же, Михайло Ефимович, туточки, под вашим рукавом.

— И ведь правда,— весело произносит Братко, подняв левую руку со стола и вглядываясь в бумагу.

Вакула все это слышал и сразу сообразил: идет последняя проверка годового отчета колхоза. Сказать по правде, когда Вакула услышал о сале, было желание напомнить, что он еще в прошлом году своей Горпине доказывал: доживем же мы в Геранимовке до такого времени, что и сало на трудодень будут записывать. Но все же сдержался. Тихонечко отошел от двери, нахлобучил шапку на голову и зашагал по скрипучему снегу домой. В такой момент людей от дела отрывать нельзя.

Вернувшись домой, старик делится своими впечатлениями с Горпиной. Он удивительно внимателен в этот вечер, любезен и даже вспомнил, что у старухи где-то в сундуке хранится кофточка с особенными вышивками на рукавах. Кофточке этой, может быть, уже все пятьдесят лет, но Вакула говорит, что не мешало бы ее завтра на общем собрании обновить. Доклад будет делать Братко. О том же, что довелось подслушать за дверью, ни слова.

— Вот в соседнем колхозе,— говорит Вакула,— председателю туго пришлось на собрании. Одних «бумажных» вопросов полтораста штук, а на словах — чего только не спрашивали! Не отгораживался бы высоким забором, болел бы за дело больше, разговор был бы другой...

И тут Вакула начал было свое «оце», но Горпина замахала руками. Не выносит Горпина стариковской «проницательности». На то у нее свои причины. Прошлым летом ее и Олену Кравченко, такую же, как и она, старушку, агитатор Иван Ус пригласил принять участие в уборке урожая.

— Нам вашего труда и не нужно, бригада у нас сильная, важно только, чтобы молодые почувствовали, что старая гвардия с ними, что старая гвардия борется,— сказал им Иван Ус.

Лишь Вакулу слова эти не зажгли.

— Гвардия, гвардия,— ворчал он себе под нос,— нашли-таки в Геранимовке гвардию!..

Зря Вакула посмеивался. Вскоре во всем районе узнали о старых колхозницах. Еще и теперь перед глазами встает то жаркое утро, когда на фоне ровной линии белых косынок темнели два черных платка: то были платки Горпины и Олены.

Горпина в длинной юбке, с подоткнутым фартуком, спрятала первый пучок колосьев за пояс, «чтобы спина не болела», а Олена, полная, румяная, в светлой кофточке с оборками и в широкой украинской спиднице, тоже запаслась пучком колосьев, «чтобы рука, мои родненькие, не уставала».

Жали до обеда, а там уселись под одну копну с молодыми, венки вязать. В село с песнями возвращались.

По над нашим ланом
Пшениченька яра,
Горою овес...

А впереди с венками шли Горпина и Олена.

Венки эти и поныне живы. Их можно увидеть в комнатке, у которой вчера останавливался дед Вакула. Портрет Сталина обрамлен этими венками. Давным давно сплели венки. То было в жаркий июль, когда решалась судьба трудодня, о котором вчера вечером разговаривал Братко с бухгалтером. За это время успели на высоком берегу Днепра агрогород заложить, а все же с колосьев, заплетенных в те венки, ни одного зернышка не упало. И будут венки эти красоваться до нового урожая. А там сплетут еще более пышные, красивые.

Домой в тот жаркий июльский день Горпина вернулась усталая, но счастливая.

— Теперь,— сказала она мужу,— я все равно что помолодела. Мы с Оленой навязали снопов побольше, чем молодые. Приходила к нам в поле Галина Евгеньевна и благодарила, затем герой наш, Михайло Ефимович, пришел и низко нам, старухам, в пояс кланялся: «Спасибо,— сказал он,— за вашу сердечную, материнскую помощь колхозу в самое горячее время».

Горпина говорила без умолку:

— Теперь какую работу ни дадут, сделаю, может, не так красиво, но все же сделаю... А по трудодням пойдем с тобой, Вакула, на перегоночки, и не сомневайся...

Чету эту, как престарелую, колхоз обеспечил всем необходимым, но Вакула заупрямился, не пожелал без дела сидеть и нашел применение своим рукам. Заработал 190 трудодней. И вот Горпина обрадовалась возможности показать, что и она не промах в колхозном деле. Как ни подшучивал над женой Вакула, но, конечно же, в душе радовался, гордился ее успехами.

Теперь старики сидели в зале сельского клуба, ожидая начала отчетно-выборного собрания колхоза. Пока шли танцы, дежурная по сельсовету успела заправить керосиновые лампы и развесить их по стенам. В зале стало хоть не очень светло, но уютнее.

Но вот музыка умолкла, танцы прекратились, и медленно раздвинулся маленький занавес. На сцене, за длинным столом президиума, стоит молодая женщина в белом пуховом платке на плечах. Глаза у нее серые, щеки разрумянились. Женщина долго вглядывается в глубину зала. Он полон, и ни одного свободного места не видно. Случайно заметив Вакулу с Горпиной, женщина приветливо им улыбается. На лице колхозного шорника можно было свободно прочитать: «Оце ж я казав». Однако дед молчал, и все, что он позволил себе в

Тунджестрой

Невяна СТЕФАНОВА

На Копринку засуха давит
Рукою бесплодной,
И Тунджа-река высыхает
На ложе печальных земель.
Не крест надмогильный
Над черной нуждою народной, —
Свой горб поднимая,
Скрипит и скрипит журавель.

А солнце палит.
И равнина от края до края
Растрескалась вся на кусочки
И словно железо гудит.
И, грустно склоняя листочки,
От жажды сады умирают
И ждут не дождутся,
Когда их оплачут дожди.

Но вот по-над Тунджей
Струится прохлада живая,
Впиваются сверла в граниты
И в залежи бурой руды;
Стучат бурава и долота,
Отверстия вглубь пробивая,
Нащупывая под землею
Пласты благодатной воды.

На Копринку люди
По зову народной науки
Сегодня в степные долины
Собрались со всех волостей:
Решили разжать динамитом
Злой засухи хищные руки,
Решили снести повсеместно
Кладбищенский стон журавлей.

И верьте, — хотите, не верьте, —
А руки людей золотые
Сегодня сильней суховеев,
Буранов и засух сильней.
Смотрите: кирка и лопата
И мускулы молодые
Несут благодатную влагу
В просторы безбрежных степей.

И верьте, — хотите, не верьте, —
Не Тунджа сейчас умирает,
Нет, засуха испускает
Последний тяжелый свой вздох.
А Тунджа вся в радугах блещет,
Кипящею силой играет
И катит высокие волны,
Водой омывая песок.

Перевел с болгарского
В. ЖУРАВЛЕВ

высокоторжественную минуту,— это толкнуть Горпину локтем в бок.

На сцене стояла Галина Евгеньевна Буркацкая — секретарь партийной организации, а рядом с ней высокий, с густой темной чуприной, молодой человек. То был Братко, Михаил Ефимович. Золотая Звезда и орден Ленина сверкали на его груди. Михаил Ефимович поглядывал на Галину Евгеньевну и, как показалось Вакуле, чуть-чуть посмеивался. Оно и понятно было: обычно собрание открывал Братко, а вот сегодня эту почетную обязанность правление колхоза возложило на Галину Евгеньевну. Почему? Вакула-то знает, почему! Доклад отчетный кто будет делать?

Три керосиновые лампы горели на столе. Галине Евгеньевне показалось, что они недостаточно ярко светят, и, прежде чем открыть собрание, она побольше вывернула фитили.

Давно уж Братко начал доклад, а Галина Евгеньевна все еще стоит и смотрит в зал. Ей припомнился другой вечер.

...Большая комната. Идет заседание. В дальнем углу уселся молодой человек в помятой армейской шинели. Он все время перебирает руками фуражку. Вокруг не умолкают разговоры о бухгалтерии и годовом отчете, которого, как видно, никогда не составят.

Человек в шинели — новый бухгалтер, которого Галина Евгеньевна с большим трудом «отвоевала» в райкоме. Пока никто не знает о нем, а между тем сам он успел уже ознакомиться с колхозным делопроизводством, и, признаться, не очень оно ему понравилось. Он Галине даже сказал, что жалеет о приезде в Геранимовку.

— Ничего,— успокаивала нового бухгалтера Галина Евгеньевна,— приживетесь, у нас в Геранимовке хорошо, сосны какие, рядом Днепр...

И все это она ему говорит, а сама струсила: вдруг передумает и уедет, что тогда делать? Галина Евгеньевна все время поглядывала на нового бухгалтера, и ей казалось, что лицо у него совершенно безучастное, равнодушное. Это пугало. Но вот он просит слова.

— Товарищи, я бухгалтер,— говорит он,— и даю вам слово, слово коммуниста, что годовой отчет составлю и никакой дополнительной оплаты за это с вас не потребую...

То был Братко.

И вот уже два года, как Братко — председатель колхоза.

Земли в колхозе за это время не прибавилось, новых людей тоже не появилось, а между тем уже к концу первого года о Геранимовке услышали даже в Киеве.

— У нас хозяйство большое,— говорил Братко, — техники много, главное — использовать все умело, расставить людей правильно.

И этого-то Братко сумел достичь.

Такие бригадиры, как Филипп Тацько, Федор Василенко, агроном Савва Кондратьевич Василенко, стали первыми его советчиками и помощниками. Не было такого начинания, которое предварительно не обсуждалось бы на партийном собрании.

— Главное — достигнуть плановости, — говорила Галина Евгеньевна,— нам нужно, чтобы все было налажено, как на передовом предприятии.

Это были не только слова. В прошлом году зимой на партийном собрании Михайло Ефимович огласил план повышения урожайности, и в нынешнем, на таком же собрании, проверяя выполнение этого плана, все убедились, что слова в Геранимовке не расходятся с делами.

— Вот вы, Михайло Ефимович, занимаетесь агрономией,— сказала ему однажды Галина Евгеньевна,— увлекаетесь, как мне говорил Савко Кондратьевич, а что, если бы привлечь к этому и бригадиров?

Братко поднял глаза на Галину Евгеньевну и чуть-чуть усмехнулся:

— Вижу, делать вам нечего, Галина Евгеньевна. Ходите все тут...

И хотя Галина Евгеньевна прекрасно знала, что Братко в действительности вовсе думал не так — это была у него просто такая манера над всеми подшучивать, — она сделала вид, что рассердилась:

— С вами, товарищ Братко, ни о чем никогда нельзя серьезно поговорить...

Между тем через несколько дней после разговора бригадиры уже занимались агрономией вместе с Братко.

...Теперь Галина Евгеньевна слушала его доклад.

— Вашими руками,— сказал он,— вашим светлым разумом, товарищи колхозницы и колхозники, Геранимовка добилась неслыханного на этих землях высокого урожая пшеницы, конопли, кукурузы.

В это время вспыхнул в зале электрический свет. Произошло то, о чем многие годы мечтали в Геранимовке: начала работать своя электростанция.

Все присутствующие, устремив глаза на лампочки, аплодировали. Впервые лампочка Ильича зажглась в Геранимовке, и все были счастливы.

Галина Евгеньевна время от времени с удивлением поглядывала на горящие перед ней три керосиновые лампы. Какими жалкими были они сейчас, когда все вокруг залито электричеством! Поскорее бы убрать эти лампы! Однако Галина Евгеньевна сразу на это не решается...

— Гасите керосинки,— услышала она за спиной,— не сомневайтесь, Галина Евгеньевна, коллектив новой колхозной электростанции не подведет.

Галина Евгеньевна улыбнулась и погасила одну за другой все три керосиновые лампы. Она знала — и от этого была еще более счастлива, еще более ликовала,— что через неделю — другую такая же торжественная минута настанет в каждом из двухсот шестидесяти домов села Геранимовки.

II

...Начались прения.

Члену правления, обидевшемуся на резкую, но справедливую критику, одна колхозница заметила:

— А разве свою жинку Оксану вы никогда не ругаете? Что же, развод она у вас требует?

— Какой должна быть позиция передовых людей? — начал свою речь ездовой...

Внимательно слушает Галина Евгеньевна выступающих. «А все-таки,— думает она,— наши коммунисты неплохо поработали...»

...Если б кто знал, как счастлива Галина Евгеньевна, что наконец вернулась домой! Почти целую неделю ее не было в Геранимовке. Вместе с Матреной Дмитриевной Жирной, или попросту Мотрей, достигшей наивысшего урожая конопли, Галину послали в Киев на совещание передовиков сельского хозяйства. Женщины взяли с собой снопик конопли. Но кто же мог знать, что эта конопля принесет им в дороге столько хлопот? Внести ее в вагон было не легко: в длину почти пять метров. Такую не сложишь, как перочинный ножик! Все-таки с помощью пассажиров коноплю внесли. Но куда ее поставить? С трудом подвесили под самый потолок.

Мотря все смеялась:

— Сперва журились, что мала наша коноплюшка, а сейчас новый хлопот: слишком в гору поднялась.

Пассажиры наперебой выражали вслух свое изумление:

— Подумать только, какая высокая конопля! Сколько же лет вы ее выращивали?

Галина Евгеньевна слушала и молчала. На все вопросы отвечала Мотря.

В Киеве Галина Евгеньевна сильно волновалась. Ей хотелось, чтоб люди представили себе, какой красивой конопля была в поле, как затем колхозницы старались, чтобы волокно было мягкое и шелковистое, словно кудри ребенка. Галине Евгеньевне казалось, что рассказать обо всем этом она не сумеет.

Ровненькой полосой росла их конопля. Сперва легко различали просеки и на участках прибили дощечки — указатели. Затем конопля буйно разрослась, и обнаружить эти дощечки никто уже не мог. Приезжали польские крестьяне, заходили в чащу, поднимали руки — и даже рук не было видно.

Как часто и она, и Мотря, и многие, многие женщины любовались той коноплей, строили планы на будущее. Но вот в один из погожих дней на небо набежали черные тучи. Началась гроза, ударил град — не круглый, а резаный, острый. Много конопли полегло под беспощадными ударами того града. Давно уж прояснилось, а резаные градины еще долго блестели на солнце, прижав всей своей тяжестью тонкие стебли конопли.

— То был не град, то были слезы тех, кто, не жалея ни пота, ни труда своего, выращивал колхозную коноплю,— сказала в Киеве Галина Евгеньевна,— то были наши бабьи слезы...

Как мертвые, лежали молодые стебли. В поле наступила тишина. Люди стояли с опущенными головами. Так только мать смотрит на своего больного ребенка. Она жаждет помочь ему, она готова за него жизнь отдать, но кто ей скажет, в чем дитя ее в эту минуту больше всего нуждается?

— Отщипнем сбитую верхушку стебля, и это позволит корню дать новые ростки,— сказал агроном Савко Кондратьевич.

Бригадир Тацько принес большие жерди, колья, и люди стали потихоньку поднимать повалившиеся на землю растения.

Коноплю спасли.

Рассказывая о конопле, Галина Евгеньевна с особенной силой почувствовала, как дорога ей Геранимовка.

...Муж Галины Евгеньевны Буркацкой погиб на фронте. С двумя маленькими детьми возвращалась она из эвакуации. Она не представляла себе, как войдет в дом, где привыкла видеть мужа. От одной лишь мысли об этом сжималось сердце. Буркацкая подумала о своей старенькой матери в далекой Геранимовке и вместо того, чтобы поехать в Харьков, где жила до войны, отправилась в Геранимовку, решив оставить на некоторое время детей в деревне.

В Геранимовке она долго задерживаться не думала. Ее там поразило полное запустение, колхоз считался чуть ли не самым слабым в районе. Урожай снимали низкий. Рассчитывались с колхозниками неправильно. Огорченная всем этим, Буркацкая направилась в райком партии. Там ей сказали, что всюду нужны люди и что первым человеком, который мог бы помочь колхозу, была бы она сама, если б осталась здесь жить. Галина Евгеньевна начала работать рядовой колхозницей. Спустя некоторое время ее поставили бригадиром. Коммунисты избрали ее секретарем своей партийной организации.

С тех пор куда девались все личные тревоги! Дети учились в школе, сама Галина Евгеньевна успевала не только работать: она окончила вечерние курсы счетоводов, поступила на заочное отделение педагогического училища, готовилась к зачетным сессиям.

Если бы теперь кто-нибудь вздумал спросить, Геранимовка ли ей помогла или она Геранимовке, Галина Евгеньевна уверенно сказала бы, что, конечно же, Геранимовка встретила ее, как свою родную дочь, и вновь вывела на широкий шлях.

Каждое утро, просыпаясь в гостинице, она не уставала твердить Матрене Дмитриевне:

— Мотря, дорогая, когда же наконец мы вернемся с тобой в Геранимовку?

Каким-то образом в селе стало известно, когда Галина и Мотря возвратятся домой, и на вокзале их встретил колхозный шофер Федосий Хрисанович Белка, он же заместитель секретаря партийной организации.

Теперь Белка сидел в президиуме, и, взглянув на него, Галина Евгеньевна вспомнила, как летом Федосий Хрисанович рассказал ей о том, что речь его записали на кинопленку. Это было удивительно. Белка никогда не отличался ораторским искусством. Бывало, на партийных собраниях он тихо сидит и лишь слышно, как бренчит под ним висячий замок на кованом сундучке.

— Что же они записали? — смеясь, спросила Галина.

— Они спросили у меня: «Что везете?» «Пшеницу»,— ответил я. «Как она, чистая?» — спросили они. «Посмотрите — и узнаете»,— ответил я им.

Люди, задававшие вопросы Федосию Хрисановичу, не знали, какую большую партийную работу ведет он. Белка был уполномоченным правления колхоза по сдаче зерна государству. Перед тем, как погрузить на машину зерно, он тщательно проверял его качество.

На собрании был и Иван Митрофанович Ус, тот самый агитатор, что нынешним летом покорил своей речью Горпину, и колхозный сторож, коммунист Сергей Никифорович Коваль, который имел привычку в разговоре упоминать, что «вот меня никогда спящим не застанешь». Во время войны Коваль прокладывал гати и мосты. В боях под Москвой вступил в партию. Старенький он уже, Сергей Никифорович, и молодежь его ласково называет «наш Ничипорович». Разгорелись щеки у старика, на чисто выбритом лице торчали сивые усы. Брови щеточкой удивленно приподнялись, а на лбу блестел, правда, реденький, но зато довольно задорный чуб. Недалеко от него сидел коммунист Коваленко. Ездовой, он летом обычно раньше других появлялся в поле и все просил у агронома, чтобы тот «на практике» показал ему «примеры из учения Вильямса». Коваленко, как всегда, был в военном кителе с большими медными пуговицами. Поглаживая русые, гладко причесанные волосы, он с напряжением рассматривал большую электрическую лампу над сценой.

Было приятно, что за один лишь год в их селе тридцать восемь человек получили правительственные награды. А в маленькой партийной семье появились такие знаменитые люди, как Герои Социалистического Труда Михайло Ефимович Братко и Филипп Климович Тацько, несравненный бригадир. Это он, когда градом побило коноплю, говорил:

— Девчата, не падайте духом. Из нашей конопли еще будет толк, то говорю вам я, Тацько Филипп Климович.

Филиппа Климовича и в партию принимали в Геранимовке. Рекомендацию давали ему Братко и она, Галина Евгеньевна. Бригада Тацько выходит в поле раньше всех. Красное знамя, воткнутое в копну, видно далеко-далеко, на всю степь...

Геранимовка! Стоило только произнести это слово, и перед глазами вставали такие картины, что куда!.. Нет, Галина Евгеньевна не раскаивалась в том, что осталась в этом селе. Не варениками с рябиновой начинкой и не гречаными галушками с салом встречала ее жизнь, когда она впервые вступила с двумя маленькими детьми на геранимовскую землю. Пережить пришлось много!..

И как бы отвечая на ее размышления, Братко, получивший заключительное слово, достает из кармана маленький узелок, осторожно развязывает его, и все видят, что в платке комочек земли.

— То наша геранимовская земля, — говорит Братко,— на вид самая обыкновенная, но вы-то знаете, какие чудеса можно на такой земле творить, вы-то помните, какое жито, какая пшеница нынешним летом колосились на этой вот землице. Что за коноплю прекрасную вырастили на ней наши женщины! Поверьте, еще и не такие урожаи ожидаются у нас в Геранимовке. Сталинский план преобразования природы только вступает в действие! Сегодня утром я был на том поле, что при дороге, да, да, на знаменитом «градобойном»... Снегу там теперь богато, долго пришлось разгребать, пока вот этот золотой кусочек земли достал. Клянусь вам хранить его всю свою жизнь вместе вот с этой наградой...

— Так и быть, Галина Евгеньевна, об открытии агрогорода я первой сообщу вам, — сказал Братко.

Фото Е. Игнатович

21 декабря, в день семидесятилетия товарища Сталина, на высоком берегу Днепра, близ села Талдыки, состоялась закладка нового агрогорода. На этом торжестве среди девяти тысяч других участников были и геранимовские колхозники. Своими руками заложили они первые кирпичи будущего города. Когда сняли полотнище с гранитного монумента, первыми прочитали они высеченные золотом слова о том, что здесь будет сооружен колхозный агрогород имени Сталина. Возглавил межколхозный совет по строительству города Михайло Ефимович Братко. Было ясно, что в Геранимовке он не останется.

При мысли об этом Галине Евгеньевне стало тяжко. Она вспомнила, как зимой ее вызывали в райком и спросили, какого она мнения о нем. Спросили как-то сухо, официально, и ей даже показалось, что не совсем доброжелательно по отношению к Братко. Как раз перед самым этим днем было партийное собрание, на котором Галина Евгеньевна резко критиковала председателя колхоза.

Обычно Галина Евгеньевна говорила тихо, стеснялась, краснела, а на этот раз, в райкоме, будто споря с кем-то, воскликнула:

— Нет, я считаю Братко отличным работником!

И тут вспомнила она его жизнь, начиная с той минуты, когда впервые приехал он с семьей в Геранимовку, до последнего партийного собрания.

— Я не знал, что вы такая,— улыбнулся секретарь райкома. — Как же вы думаете? Справится Братко со строительством агрогорода?

— Конечно, — ответила Галина.

— Мы тоже так думаем, — услышала Галина спокойный голос секретаря.

— Но ни в коем случае он не должен уезжать из Геранимовки, — добавила она.

— О Геранимовке же, товарищ Буркацкая, вам нечего думать, райком за нее спокоен.

...Начались выборы нового правления колхоза. Несколько голосов сразу назвали фамилию Буркацкой. Галина Евгеньевна, уступив председательское место Братко, спустилась в зал. Ее единодушно избрали председателем колхоза.

Первым Галину Евгеньевну поздравил Братко.

— Михайло Ефимович, — ответила она ему, немного успокоившись, — смотрите, не прогадайте, и у нас о новых улицах, домах, садах богатая думка с добрыми соседями, и мы свой агрогород будем строить. Не забывайте Геранимовки, приезжайте к нам за опытом.

Галина Евгеньевна говорила о том, во что глубоко верила. Рано или поздно такие небольшие колхозы, как их, должны объединиться. Это позволит еще более широко применить достижения сельскохозяйственной науки и техники.

— Так и быть, — усмехнулся Братко, — об открытии агрогорода я первой сообщу вам, — и тут же добавил совсем другим голосом: — Знаешь, Галина Евгеньевна, как тяжело мне уходить из Геранимовки...

...Теперь возле самой сцены стоят Вакула и Горпина. Прислушиваясь к разговору молодых людей, Вакула обращается к жене, но та отмахивается:

— Лучше б подошел да поздравил, — говорит она.

— Оце ж я и хотел сделать, — спохватился старик и протянул руку Галине Евгеньевне.

Тогда он еще не знал, да и никому еще не было известно, что в скором времени Галину Евгеньевну Буркацкую изберут депутатом Верховного Совета СССР. Иначе Вакула, наверное, произнес бы свое: «Оце ж я казав...».

Весна победы

Маленькая повесть «Звезда» сделала имя Эм. Казакевича известным широкому кругу читателей. Простота и безыскусственность повествования, чувство жизненной правды, сознание высокого нравственного достоинства советских людей, свойственные этой повести, характерны и для нового романа писателя «Весна на Одере», отмеченного Сталинской премией.

Если «Звезда» была, по существу, лишь эпизодом из жизни разведчиков одной дивизии, то «Весна на Одере» — произведение несравненно бóльшего масштаба и по охвату событий и по их исторической значимости. Автор рисует широкую картину последнего периода Отечественной войны — с момента вступления наших войск на территорию фашистской Германии до полной победы над вооруженными силами немецкого фашизма.

Главные герои романа — солдаты и офицеры Советской Армии — люди высокого мужества, душевной чистоты, неподкупной преданности Родине.

С большой естественностью, свидетельствующей о росте литературного таланта автора, Эм. Казакевич развертывает картину могучего наступления, передает дух армии, исполненной сознания своей силы, своей великой и справедливой исторической миссии.

Автор смело переносит действие из солдатских окопов в штабы соединений и фронтов, умеет сердечно и просто рассказать и о поступках парторга роты сержанта Сливенко и о действиях члена Военного Совета генерала Сизокрылова, о бесшумной переправе через реку группы разведчиков и о сокрушающих ударах советской артиллерии в битвах за Одер.

Роман Эм. Казакевича построен так, что его герои живут и действуют в тесной слитности с делами и жизнью всей армии. Поэтому, близко знакомясь с героями, с их внутренним миром, их думами и чувствами, мы через них как бы вновь и вновь познаем нашу армию, ее моральные качества, источники ее беспримерного исторического подвига.

«Поистине, каждый человек, двигающийся по дороге, мог бы стать героем поэмы или повести...» — замечает автор, описывая могучий поток наступающих на Германию войск.

Что ведет этих людей, что движет всеми их поступками на вражеской территории? Их ведут и ими руководят высокие чувства советского патриотизма, гордость за свою великую Родину, глубокая любовь и доверие к своему вождю, сознание своей силы и правоты. Ненависть к фашистской Германии живет в душе солдата, но она остается чувством ему подвластным.

« — Так вот ты какая!.. — задумчиво произнес какой-то коренастый солдат, впервые назвав Германию в упор на «ты» вместо отвлеченного и враждебного «она», как называл он ее в течение четырех последних лет. И все подумали о великом Сталине, который вел и привел их сюда. И, подумав о нем, солдаты посмотрели друг на друга, и их зрачки расширились от горделивого сознания собственной непобедимой силы:

— Так вот мы какие!»

Наибольшее внимание читателя привлекает образ разведчика майора Лубенцова. Лубенцов — советский офицер, смелый и скромный. Он показан писателем так, что, видя его все время в обстановке огромных трудностей и опасностей, мы невольно любуемся цельностью его внутреннего мира, ощущаем какую-то особенную нравственную красоту этого человека. Как характерны эти отношения глубокого взаимного уважения, которые устанавливаются между Лубенцовым и подчиненными ему разведчиками, это равенство перед опасностью, эта сердечность и чуткость друг к другу, скрытые за обыденными словами и краткими приказаниями! Отлично показаны в романе и профессиональные черты кадрового офицера Советской Армии, мастера войсковой разведки.

Рядом с Лубенцовым стоят в романе живо очерченные фигуры других офицеров и солдат. Суровый, ожесточившийся на войне, но в душе чуткий и нежный к людям капитан Чохов. Смелый, порывистый, несущий в себе неукротимую жажду прекрасного искусствоведа и разведчик Оганесян. Шахтер Сливенко — парторг роты, почитающий своим долгом первым подыматься в атаку, везде, где трудно, быть впереди. Все это люди разных характеров и индивидуальностей, но в равной мере близкие нам по общему своему благородному облику.

Среда, в которой живут и действуют эти герои, нарисована в романе с большим знанием дела. Поступки их даны с глубокой психологической достоверностью, позволяют говорить о типическом характере созданных писателем образов.

С такой же художественной выразительностью обрисованы в романе фигуры генералов Сизокрылова и Середы.

Запоминаются и женские образы, и прежде всего образ Тани, написанный сдержанно, не вполне развитый и законченный, но исполненный большого обаяния и нравственной цельности. Вызывает симпатии также простодушная Глаша Коротченко, с ее трогательной любовью. Колоритен, хотя и не лишен некоторой нарочитой экзотичности образ голландки, освобожденной, как и многие тысячи других иностранцев, из гитлеровского плена солдатами Советской Армии.

Надо сказать, что в этом романе о войне прекрасно звучит и тема любви — чистого и сильного чувства, обнаруживающего нравственную чистоту людей, с оружием в руках, через кровь и смерть пробивающихся к победе. Не заслоняя главного в романе — великой исторической битвы нашего народа, — тема любви оттеняет гуманистический характер этой битвы, ведущейся во имя жизни и счастья людей. Любовь главного героя книги, разведчика майора Лубенцова, еще яснее раскрывает цельность натуры, благородство и мужество этого сына простого народа, советского офицера.

Одним из обязательных достоинств всякого крупного художественного произведения является историческая верность и широта достигнутых в нем обобщений. Эти качества также присущи роману Эм. Казакевича. В нем дана правдивая картина конца минувшей войны, ярко обрисован духовный мир советских людей — творцов победы и мира.

Недостатком романа является его композиционная неровность: рыхлость, расплывчатость второй части произведения, отрывочность, непоследовательность в развитии некоторых сюжетных линий. Справедливы также и упреки, уже сделанные автору критиками, в том, что сцена, в которой Лубенцов идет с белым флагом убеждать гитлеровцев сложить оружие, противоречит всей художественной логике развития этого образа.

Ник. ЖДАНОВ

Эм. Казакевич. ВЕСНА НА ОДЕРЕ. Роман. Журнал «Знамя» №№ 8, 9, 10 за 1949 год.

Восстание Болотникова

Советская историческая наука обогатилась за последнее время целой серией капитальных работ. Такие исследования, как монография Б. Д. Грекова о русском крестьянстве, труды Б. А. Рыбакова о ремесле в древней Руси и С. П. Толстова о культуре Хорезма, получили широкую известность и высокую оценку научной общественности нашей страны.

Работа И. И. Смирнова о восстании Болотникова — это новый вклад в науку. Большой исторический интерес взятой автором темы не подлежит сомнению. «Будучи первой попыткой стихийного восстания крестьянства против феодального гнета, — читаем мы в послесловии к этой книге, — восстание Болотникова открывает собой цепь восстаний и возмущений народных масс, потрясавших Россию на протяжении 300 лет и завершившихся разгромом царизма и буржуазии в 1917 году».

В книге И. И. Смирнова народ изображен как движущая сила истории, а восстание Болотникова — как явление, исторически закономерное и прогрессивное. Это коренным образом отличает данную работу от работ буржуазных историков, видевших в болотниковском движении явление случайное и трактовавших его как бессмысленный «мужицкий бунт».

Собрав громадный фактический материал, как старый, так и выявленный за последнее полустолетие, автор отнесся к нему критически, тщательно пересмотрел его и благодаря этому увидел в исследуемой документации то, чего другие до него не видели. Результатом серьезной, кропотливой работы явилось исследование, обогащенное новыми историческими данными.

В книге показан размах движения, охватившего огромную территорию Русского государства, и перечислено более семидесяти восставших городов.

Подробно даны предпосылки восстания, то есть причины социального кризиса в России конца XVI века, вызванного закрепощением крестьянства, бегством закрепощаемых земледельцев от их господ и запустением земель.

Классовый характер движения очерчен автором четко и ярко. Живое представление о непримиримой позиции народа, поднявшегося против своих угнетателей, дают многочисленные приведенные в книге свидетельства современников.

Большой интерес представляет использованное И. И. Смирновым известие Джона Мерика, английского торгового агента, сидевшего в то время в осажденной Москве. Джон Мерик сообщает о «письмах» Болотникова «к рабам в город, чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели их имениями и добром».

Замечательны убежденность болотниковцев, их стойкость. Автор упоминает о болотниковском атамане Аничкине, который, будучи захвачен в Москве с «листами» (воззваниями) и посажен на кол, продолжал призывать народ к восстанию.

Такими же чертами храбрости, стойкости и непримиримости обладал и вождь восстания Болотников. Даже по отзывам некоторых современников из враждебного ему лагеря, это «достойный муж, сведущий в военном деле», «отважный и храбрый на войне» удалец.

Автор приводит яркое свидетельство очевидца Диамантовского, видевшего Болотникова в Ярославле, когда после разгрома восстания его везли в ссылку на Север. Диамантовский сообщает, что Болотников был без оков. Местные дворяне стали допытываться, почему он содержится так свободно. Болотников, заметив это, сказал им: «Я скоро вас самих буду заковывать и в медвежьи шкуры зашивать». «Перед нами, — добавляет автор, — плененный, но не сломленный вождь восстания, до конца оставшийся верным своим целям».

Не менее ярко вырисовывается из приведенных в книге документов образ царя Василия Шуйского, лютого врага восставших, интригой и подкупом вызывающего раскол среди временных попутчиков Болотникова и объявляющего «таксу на кровь» — награду землей и деньгами за каждого «убитого мужика».

Главной целью восстания, как показывает автор, было уничтожение крепостной зависимости, превращение холопов в свободных людей.

Стихийному Болотниковскому движению сопутствовала наивная вера народных масс в «хорошего царя», которую пытались использовать авантюристы типа дворянина Молчанова и князя Шаховского. Характер этой «царистской» идеологии отлично выражен в приведенной И. И. Смирновым народной поговорке о царе Василии Шуйском: «Хоть бы нам чорт, только бы нам не тот».

В одном месте своего исследования автор упоминает о попытке псковских бояр отдать Псков шведам и о расправе, учиненной над боярами за это местным «мелким людом». В другом месте сообщается о происках некоего шляхтича Стадницкого, мечтавшего организовать новую интервенцию в пределы Московии, воспользовавшись «смутой» на Руси.

Можно пожалеть, что эта тема, затронутая лишь вскользь, не получила в книге своего развития, хотя в более ранних работах автора имеется необходимый материал. Русское государство в начале XVII века было буквально наводнено иностранными агентами. Стоит назвать хотя бы упомянутого выше Джона Мерика. Мерик был агентом английского короля Иакова, который мечтал об установлении британского «протектората» над русским Севером и обращении русских людей в подданных английского короля. Русский же народ, восстававший против феодального гнета, отстаивал и свою национальную независимость. С особенной силой это проявилось в период кратковременного царствования ставленника польской шляхты — Лжедмитрия I.

Труд И. И. Смирнова удостоен Сталинской премии. Хочется высказать одно пожелание автору этой в высшей степени ценной книги. Быть может, ему следовало бы продолжить свой труд, занявшись изучением двух последующих восстаний — Разина и Пугачева? Так была бы создана своеобразная «трилогия» по истории крестьянских войн в России — труд почетный и большой!

Георгий ШТОРМ

И. И. Смирнов. ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА. 1606—1607. Академия наук СССР. Ленинградское отделение Института истории. Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство. 1949. 528 стр. Цена 18 руб.

Коротко о новых книгах

Лев Гумилевский. **МАСТЕРА ТЕХНИКИ.** Детгиз. 1949. 311 стр. Цена 13 руб.

Универсальный двигатель Ивана Ползунова. Железная дорога Кузьмы Фролова. Водоход Ивана Кулибина. Паровоз отца и сына Черепановых. Самолет Можайского. Об этих и многих других изобретениях выдающихся представителей «русской самобытной и бесстрашной технической мысли» рассказывает автор в своей содержательной книге. Он рассказывает также об известных в истории нашей Родины строителях мостов и электротехниках, о знаменитом русском металлурге Чернове и великом Циолковском.

БОЛГАРСКИЕ РАССКАЗЫ. Детгиз. 1949. 127 стр. Цена 4 р. 50 к.

Рассказы болгарских писателей, включенные в сборник, раскрывают лучшие черты братского нам народа, его свободолюбие, волю к борьбе, любовь к труду, горячий патриотизм. В сборнике представлены Иван Вазов, Елин-Пелин, Людмил Стоянов, Здровко Сребров, Крыстю Белев, Стоян Даскалов и другие.

Виктор Урин. **ТРАССА ЮНОСТИ.** Поэма. Сталинград. Областное книгоиздательство. 1949. 63 стр. Цена 3 руб.

Стихи молодого литератора посвящены большой и поэтической теме наступления на засуху, создания государственной полезащитной лесной полосы Сталинград — Камышин.

С. Григорьев.

В РОДНОЙ СЕМЬЕ.

С. Григорьев. ПРИЕМ В КОМСОМОЛ. СТАЛИНСКОЕ ПЛЕМЯ.

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

С. Григорьев. ВРАТАРЬ.

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

«Огонек» 1950.

ЧТО ТАКОЕ ДОРОГА?

Рассказ

Александр **РОЗЕН**

Рисунки В. Высоцкого

Что такое дорога? Дорога есть полоса земли, заранее подготовленная для движения.

Записав это определение в свой конспект, капитан Левашов невольно вспомнил давно минувшие дни.

Пожилой преподаватель, расхаживая по классу, медленно диктует:

— Что такое дорога? Дорога есть полоса земли... Курсант Левашов, почему вы не записываете? — недовольно спрашивает преподаватель. — Вам что-нибудь неясно?

Левашов быстро встает и отвечает, что ему все ясно. Какое-то мгновение преподаватель молча смотрит на курсанта. Наверное, он понимает, о чем задумался Левашов. Наверное, и он думает о том же: о родных дорогах, истерзанных врагом, залитых кровью. Наверное, оба они вспоминают дорогу в грозных дымах пожаров и грустный дымок паровоза, увозящего эшелон военного училища далеко на восток. В те дни и старый преподаватель и курсант Левашов подали комиссару одинаковые рапорты: «Прошу зачислить меня в действующую часть».

Дорога есть полоса земли, заранее подготовленная для движения. Это определение капитан Левашов знает наизусть, но все же он записал его в конспект своего завтрашнего занятия, своего первого занятия с солдатами. Каждый офицер знает, что такой конспект составляется особенно подробно и тщательно.

По-зимнему быстро смеркалось, и Левашов зажег настольную лампу. В комнате было по-холостяцки неуютно. Вдоль стены стоял большой чемодан, в углу — перевязанные шпагатом стопки книг, шинель повешена на гвоздик.

С женой Левашов условился, что вызовет ее и маленького Андрюшку после устройства на новом месте, примерно недели через две. Но уже в первый день приезда он телеграфировал в Москву: «Выезжайте. Квартирой обеспечен. Жду». И послал он эту телеграмму не только потому, что его так быстро обеспечили квартирой на новом месте. «Новое место службы» отнюдь не было для Левашова новым: случилось так, что после окончания академии он был назначен в ту же часть, в которой служил во время войны.

Неделю назад он явился к себе домой, на Малый Козихинский, радостно взволнованный.

— Ты понимаешь, что это значит? — в сотый раз за вечер спрашивал Левашов жену. — Ведь удача, ведь просто счастливый жребий! Снова увидеть людей, с которыми больше трех лет вместе воевал! Нет, ты не можешь этого понять, — говорил он, вздыхая.

В тот же вечер он позвонил по телефону своему давнишнему приятелю и однополчанину конструктору одного московского завода Павлу Никитичу Андронову.

— Ты меня слышишь, Павел? — кричал он в телефонную трубку. — Ты понимаешь: удача! Может быть, командует попрежнему майор Тарасов? Как это: при чем здесь Тарасов? Меня же в его хозяйство назначили! Ты только представь себе, какую физиономию скорчит Гриша Торопов, когда увидит меня! А Митенька Лаврушинский? Умора!..

Потом он вдруг присмирел, ходил по комнате, негромко насвистывая «Давно мы дома не были...»

Жена уже спала, когда он вынул из письменного стола большой конверт со старыми, выцветшими фотографиями военных лет.

Вот на фоне каких-то развалин снят он вместе с автоматчиком Георгием Голидзе в день награждения. Не так давно получил Левашов письмо от друга, в котором тот звал в гости, в свой колхоз. Да, неплохо было бы побывать в гостях у Георгия Голидзе...

А вот другая фотография: Левашов вместе со старшим сержантом Лукиным сфотографирован возле танка. На танке, которым командовал Лукин, крупными буквами написано: «Вперед на Берлин!» В прошлом году, когда имя Петра Лукина прославилось на всю страну (за год выполнил он пятилетку), Левашов поздравил его. Лукин сразу же ответил приглашением приехать и посмотреть, как он живет в Свердловске. Да, неплохо было бы съездить к Лукину.

Но всего лучше как можно скорее ехать в родную часть и там, заново встретившись с товарищами, написать коллективные письма Андронову, Голидзе, Лукину.

Долго еще сидел Левашов над старыми фотографиями, не столько вспоминая прошлое, сколько думая о своем новом назначении, о том волнующем свидании, которое скоро состоится.

Это взволнованное состояние не покидало Левашова и в пути и в самом городе, недалеко от которого энская часть стояла на зимних квартирах.

Было раннее морозное утро. Левашов вышел на вокзальную площадь. У стоянки такси уже образовалась небольшая очередь.

— В гостиницу, товарищ капитан? Есть одно место в рейсовой...

Но Левашов не нуждался ни в такси, ни в гостинице. Поставив свой чемодан на землю, он всматривался в очертания домов, привокзальных строений и высокой башни с часовым циферблатом и большими заиндевевшими стрелками, всматривался — и ничего не узнавал. Всего этого раньше не было. То есть, наверное, все это было, было до войны и здание с широким куполом и с неоновой надписью: «Клуб железнодорожников», и здание универмага, и вокзал с замысловатыми колонками, и башенные часы, но в ту пору, когда капитан Левашов служил в энской части, вокзальная площадь представляла собой огромную бесформенную груду битого кирпича, камней и балок.

Разве Левашов не читал в газетах, что город восстанавливается бурными темпами, что раны, нанесенные городу варварской бомбардировкой, давно уже залечены? Конечно, читал. Но сейчас в тридцати километрах от родной части, от тех мест, где были остановлены немцы, город предстал перед ним, как чудесное видение.

Уже обозначился дневной свет и таяли в нем фосфорические стрелки часов, и голубые неоновые надписи, и красные огоньки машин, а Левашов все стоял, и сердце его замирало, как бывает в предчувствии большой радости или большой тревоги.

Мастер бытового жанра

Развитие бытового жанра в советской живописи связано было прежде всего с борьбой за новую тему в искусстве. Если русские передвижники первые подняли этот жанр на небывалую в истории искусства высоту, то советские художники внесли в него свое, отличное, новое, порожденное новыми явлениями в быту.

В послевоенные годы многие художники-реалисты обратились к бытовому жанру и создали выдающиеся картины. Таковы, например, «Письмо с фронта» А. Лактионова, «На плоту» Я. Ромаса, «Утро Киргизии» С. Чуйкова, «На побывку» Ф. Решетникова, «Они видели Сталина» Д. Мочальского. В этом списке почетное место принадлежит и заслуженному деятелю искусств Украинской ССР Сергею Алексеевичу Григорьеву.

С. Григорьев—художник, целиком посвятивший себя бытовому жанру.

Удивительно хорошо, интересно и радостно жить на советской земле! Если бы сделать персональную выставку произведений Григорьева, впечатление зрителя было бы именно таково. Интересно ходить в музыкальную школу, посещать собрания на производстве, спорить и слушать, отыскивать в содружестве юных натуралистов целебные растения — обо всем этом Григорьев увлекательно рассказывает языком живописи.

В 1946 году Григорьев написал небольшую жанровую картину «Урок музыки». За этой работой следует «Базарный день в Каневе», а затем, в 1947 году, — картина «На собрании». Она показывалась в Москве, на Всесоюзной выставке.

В том же 1947 году Григорьев пишет картину «На досуге» и создает одно из своих лучших полотен — «В родной семье».

Демобилизованный воин вернулся домой. Вот он сидит посреди комнаты довольный, смеющийся. В руках гармонь. Он лихо наигрывает веселый мотив. Все в этой картине просто, естественно, убедительно.

В последующем году на выставке молодых художников Григорьев показывает картину «Юные натуралисты». С ласковой улыбкой взрослого человека, наблюдающего за тем, как детвора приобщается к научному делу, написано это полотно. Здесь художник мастерски отрабатывает детали композиции, он не пренебрегает второстепенным и в то же время ярко подчеркивает основное.

Можно сказать, что все эти произведения Григорьева — своего рода творческий разбег к тому, чтобы написать картину «Прием в комсомол».

Прием в комсомол — какая волнующая страница в жизни молодого гражданина советского государства! Этот день остается в памяти на всю жизнь. Это экзамен перед своей Родиной на право называться ленинцем, принадлежать к тем, среди которых были и Зоя Космодемьянская, и Олег Кошевой, и Лиза Чайкина.

Эти мысли, естественно, возникают у полотна Григорьева.

Для каждого лица, изображенного на картине: и для «старых» комсомольцев, и для представителя партийной организации, и для той славной девушки, что вступает сегодня в Союз молодежи, — художник нашел мастерскую личную характеристику.

Дети, молодежь — любимые герои С. Григорьева. Им он посвящает свое искусство. Талантливый живописец - бытописатель заслуженно удостоен ныне Сталинской премии.

КРЫМСКИЕ СТИХИ

Андрей ДОСТАЛЬ

В ДОБРЫЙ ПУТЬ

За кормой бурлит зеленая
Вода.
Ровно сложены тугие
Невода.

На шаланду любо-дорого
Взглянуть.
В добрый путь идут ребята,
В добрый путь!

А ребята загорелы
И ловки.
Ведь иными не бывают
Рыбаки.

И поэтому им горе —
Не беда,
Если бесится соленая
Вода.

Ничего, что молодые
Рыбаки, —
Их учили моряки —
Фронтовики.

Впереди открылась солнечная
Даль.
Бродит в волнах седоватая
Кефаль.

На шаланду любо-дорого
Взглянуть.
В добрый путь идут ребята,
В добрый путь!..

ВЕСНА В СТЕПИ

Облака постепенно сторонятся,
А потом из туманной гряды
Выступает степное солнце,
Озаряя поля и сады.

На земле уже стаял снег,
Ярко светятся белые хатки.
И колхозники по весне
Проверяют лесопосадки.

Деревца молодые стоят,
Их качает весенний ветер.
Они силу в корнях таят,
И она уже хлынула в ветви!

Молодые и сильные кроны
Зашумят над простором полей.
И тогда пусть попробует
тронуть
Эту светлую степь суховей!

МОРСКИЕ УЧЕНЬЯ

На море пенные
Веера, —
Мчатся торпедные
Катера.
Где-то в вечерней туманной
дали
Стынут приземистые корабли.
В небе безоблачном и голубом
Слышен тяжелый, раскатистый
гром.
На горизонте рождается свет,
Падают бледные звезды ракет.

Отзвуки дальние
Слышат поля,
Пирамидальные
Тополя,
Горы,
Город,
Подернутые синевой,
Уснувший над синей волной...

Можно спокойно
Работать и жить.
Черного моря
Крепки рубежи!

ПРОСПЕКТ В ГОРЛОВКЕ

Владимир ДЕМИДОВ

Он лежит, как сказочный ковер.
По краям, как часовые, клены.
И проходит с гордостью шахтер
К шахте в этом шелесте зеленом.

До чего деревьев длинен строй!
Знаю я: несет с собой аллея
Свежий воздух горнякам в забой...
Где проспект найдешь ты веселее!

Я в Москву приду издалека
И найду в ней улицу такую...
Это сходство сердце горняка
Как-то по-особому волнует.

НА ТРАССЕ

Павел СОСКОВ

Вот тут и начнется работа
у этих орлиных высот.
Бурильный станок
с самолета
бригада рабочих несет.

Дымок расстилает белесый
по мшистым завалам костер.
Здесь ферм кружевное железо
взберется на плечи опор.

И скважин глубоких разметку
строитель по карте ведет.
Тайга на плечо ему ветку —
зеленую лапу кладет.

Радист под шатровою елью
дает позывные свои.
Над ним густохвойная зелень
и мошек болотных рои,

и птица глядит с удивленьем...
Опять собираясь в полет,
по радио здесь в нетерпенье
ждет сводку погоды пилот.

Зубами он стебель былинки,
о чем-то задумавшись, мнет.
Застольную песню с пластинки
Михайлов на кочке поет.

А мы, наработавшись вдосталь,
дымим табаком у берез.
На радуге нового моста
нам слышится грохот колес.

Автобусом Левашов доехал до места назначения. Всю дорогу он ногтем царапал плотно промерзшее автобусное стекло, дышал на него в надежде рассмотреть знакомую дорогу. Но что он мог увидеть? Автобус шел быстро, мелькали какие-то постройки, повидимому, дачи, какие-то беседки, заснеженные площадки не то для тенниса, не то для волейбола.

Автобус остановился недалеко от казарм. Левашов со своим чемоданом направился в штаб. (Никаких надписей мелом «Хозяйство майора Тарасова» Левашов не обнаружил.) Дежурный офицер, проверив документы Левашова, попросил его обождать.

От нечего делать Левашов стал глядеть в окно. Может быть, в самом деле покажется приземистая, коренастая фигура майора Тарасова или Митенька Лаврушинский, увидев старого товарища, скорчит уморительную физиономию.

Но в это время дежурный офицер подал команду «смирно» и в штаб быстро вошел высокий худощавый человек.

— Ко мне? Попрошу в кабинет...

...Можно сказать, что Левашов был встречен начальством хорошо, и даже очень хорошо. И командир и его заместитель по политической части долго беседовали с Левашовым. По всему было видно, что они от души рады новому офицеру.

— Вы прямо живая история нашей части! — воскликнул замполит.

— Я еще не настоящий «старичок», — улыбаясь сказал Левашов. — Ведь я пришел только в сорок втором году. Вот старший лейтенант Торопов, вот капитан Лаврушинский — те настоящие «старички» — с июня сорок первого... Да я их, наверное, по-старинке величаю. Может быть, оба уже майоры?

— Право не знаю, — отвечал замполит, — они давно ушли от нас.

— Как, демобилизованы?

— Нет, почему же... Лаврушинский учится в Артиллерийской академии, а Торопов служит на Дальнем Востоке.

— Понятно... — протянул Левашов. — Но ведь есть и другие «старички», например...

— Нет, старше всех здесь я. Четвертый год пошел...

— Ни одного офицера, кто бы служил здесь в войну? — переспросил Левашов.

— Вообще-то людей с боевым опытом немало. Но в войну служили не в нашей части. Так уж получилось.

Да, несколько иначе представлял себе Левашов свои первые дни на «новом месте».

Правда, командир познакомил его со всеми офицерами, а приветливый замполит даже устроил у себя дома товарищеский ужин. Но не было старых друзей, с которыми можно без всякого ужина провести всю ночь напролет и, едва различая друг друга сквозь клубы табачного дыма, кричать до хрипоты: «Ты помнишь? А это ты помнишь?» Не было старых друзей, с которыми можно молча пройти по залитому луной шоссе до развилки, где сейчас надпись: «Тише ход! Школа!», — а тогда была линия фронта, передовая траншея, «передок».

И Левашов то и дело отрывался от конспекта, подходил к окну и, нахмурясь, смотрел на шоссе, освещенное электрическими фонарями. Конечно, трудно было отсюда увидеть развилку дорог, но ему казалось, что он ясно видит ее, и не только ее, но и траншею, вырытую наспех, а потом уже оборудованную по всем правилам, — траншею, дальше которой немцы не прошли.

По этой дороге враг рвался к городу, и именно здесь прославился батальон Андронова, конструктора одного московского завода. Андронов и его бойцы выстояли, и именно отсюда началось могучее наступление наших войск.

Из окна своей комнаты Левашов видит дорогу куда дальше знаменитой развилки. Дорога идет на запад, и хотя это очень широкая дорога, она односторонняя: движение по ней только в одну сторону — на запад.

Дорога подходит к городу с немецким названием. Движение людей и машин останавливается. Ненадолго. Высоко над дорогой, невидимый глазу проносится артиллерийский вихрь, а вслед за ним устремляются вперед автоматчики. Впереди Георгий Голидзе. Каждый новый его бросок открывает дорогу все дальше и дальше.

Дорога идет горами, затем спускается вниз, вдруг обрывается у незнакомой реки и снова возникает на другом берегу. Передовой танк, которым командует старший сержант Лукин, уже там, за рекой, за ним следуют другие танки, и это такая сила, которая откроет любую дорогу.

Так что же такое дорога?

«Дорога есть полоса земли, заранее подготовленная для движения, — писал Левашов. — Дороги разделяются на грунтовые, грунтовые улучшенные, одетые...»

Когда утром Левашов пришел в казарму, то, глядя на его спокойное, чисто выбритое лицо, можно было с уверенностью сказать, что капитан хорошо отдохнул прошлой ночью и что сон его ничем не был потревожен.

Быстро поднявшись во второй этаж, Левашов вошел в просторную светлую комнату, где уже собрались солдаты первого взвода. После-

довала команда, все встали, Левашов поздоровался с солдатами, ему дружно ответили, он приказал садиться и сам сел за небольшой столик.

Слева и справа от столика помкомвзвода разместил наглядные пособия — доски, на которых кнопками были приколоты рисунки. На одном из них была изображена яркожелтая полоса (дорога), стайка ослепительно зеленых танков (движение) и иссиня-синяя река (препятствие). На другом рисунке солдаты, в отутюженных гимнастерках с белыми подворотничками, рубили могучие сосны, а их товарищи, в таких же гладко выутюженных гимнастерках и с такими же свежими подворотничками, настилали огромные бревна по земле. Еще на одном рисунке был изображен поперечный разрез дороги с надписями: проезжая часть, обочина, кювет, обрез... Словом, было здесь все, что положено для такого курса.

На занятие было отведено три часа, и Левашов распределил их так: первые два часа — в помещении, третий час — вне казармы, «на местности», с тем чтобы проверить, как усвоили солдаты учебный материал.

— Дорога есть полоса земли... — медленно диктовал Левашов, расхаживая по комнате. — Дороги разделяются на...

Говорят, что самое трудное для офицера — это первый учебный день, когда офицер еще незнаком со своими солдатами. И хотя Левашов знал, что солдат Петров до службы в армии был слесарем, а солдат Мищенко — трактористом, а солдат Ковалев — шахтером, и хотя Левашов беседовал о каждом из них и с замполитом и с командиром взвода, — всего этого было еще недостаточно. На войне Левашов знал характер каждого своего солдата, его мысли и заветные мечты. Но на войне и солдатам было все известно о своем командире.

Трудность, которую испытывал Левашов сейчас, заключалась не только в том, что он лично не знал каждого солдата, но и в том, что солдаты ничего не знали о нем.

Левашов старался иллюстрировать занятие примерами из боевого опыта части. Солдатам интересно узнать, что их часть била врага и на грунтовых дорогах, и на грунтовых улучшенных, и на одетых, что дорога — это не только «полоса земли, заранее подготовленная для движения», но и то, что эта полоса земли не раз была заранее подготовлена, с тем чтобы с новой силой ударить по врагу.

Начался третий час занятий. Левашов приказал построить взвод, вывел строй за ворота, и через несколько минут они уже вышли на развилку дорог.

Было морозно и ясно. И как бывает в ясный морозный день, все краски природы блестели особенно ярко — и черный лес, закиданный белыми охапками снега, и голубое небо. И только в самом зените маленькое облако неплотно прикрывало солнце и казалось чуть тронутым охрой. Но облако быстро растворилось, и золотой свет с силой ударил в глаза.

— Рядовой Петров!

— Я рядовой Петров.

— Что такое дорога?

— Дорога есть полоса земли, заранее подготовленная для движения.

— Правильно.

— Разрешите, товарищ капитан, пояснить на примере?

— Поясните.

— В 1942 году немцы вклинились в расположение наших войск, но батальон капитана Андронова стоял насмерть, и дальше этой развилки немцы не прошли. Теперь их следовало разгромить и уничтожить. Командование приняло решение ударить по немцам с тыла. Для движения наших частей в обход немцам надо было выстроить новую дорогу. Командир части выслал разведку.

— Правильно, — сказал Левашов и тут же подумал, что о разведке он ничего сегодня не рассказывал.

— Несмотря на смертельную опасность, разведчики дошли до немецких тылов. Вернувшись, командир разведки младший лейтенант Левашов доложил, что дорогу можно проложить через лес. Стояла суровая зима. Земля глубоко промерзла. Но младший лейтенант Левашов...

— Хорошо, хорошо, рядовой Петров, довольно, — перебил Левашов солдата.

В сущности говоря, он не должен был его перебивать. Солдат отвечал правильно, по-военному четко, вбивая слова, как гвозди. Но Левашов все-таки прервал Петрова, потому что Петров говорил о нем и Левашов был и удивлен и смущен. Да, много разных чувств поднялось у него в груди в ту минуту, когда он перебил солдата. Но надо было продолжать занятие, и Левашов вызвал Мищенко.

— Разрешите, товарищ капитан, пояснить на примере?

— Поясните, — разрешил Левашов.

— По этой дороге наши войска преследовали немцев. В январе 1945 года наша часть подошла к немецкому городу. Немцы окружили город колючей проволокой, надолбами, минными полями.

Мищенко говорил с заметным украинским акцентом и так певуче и мягко, что можно было подумать, немцы окружили город не колючей проволокой и смертоносными минами, а розами и цветущей жимолостью. Но вдруг голос его переломился, певучая интонация исчезла.

— Наши бойцы рвались в бой. Герой автоматчик Георгий Голидзе дал клятву первым ворваться в город. Наступила ночь перед штурмом. Одетые в белые маскхалаты саперы вышли из обледенелого окопа и по-пластунски поползли вперед. Они ползли бесшумно и работали бесшумно, — рассказывал Мищенко, а Левашову казалось, что он слышит лязг ножниц, рвущих железную паутину, предательский шорох снега и даже свой слабый стон услышал Левашов, когда Мищенко сказал: — Немцы осветили наших саперов ракетами и открыли по ним пулеметный огонь. Командир штурмовой группы лейтенант Левашов был ранен, но он продолжал командовать, и благодаря смелому командиру...

— Хорошо, хорошо, рядовой Мищенко, довольно, — перебил Левашов солдата.

— Разрешите мне, товарищ капитан? — И солдат Ковалев, сделав шаг вперед, вышел из шеренги. — По этой дороге в апреле 1945 года наши танки шли на Берлин. После ночного марша головной танк старшего сержанта Лукина подошел к реке, но немцы успели взорвать мост, и танки остановились. Надо было выстроить новый мост. За это дело взялись саперы под командованием старшего лейтенанта Левашова. Немецкая артиллерия открыла по ним огонь, немецкие самолеты пикировали на них. Но саперы старшего лейтенанта Левашова выстроили новый мост, и наши танки перешли через реку. Туда!.. — сказал Ковалев, рукой показывая направление.

И Левашов не перебил Ковалева и не сказал ему: «Хорошо, хорошо, довольно», — хотя именно о нем, о Левашове, рассказывал Ковалев.

Левашов понял: солдаты решили познакомиться с новым офицером еще до первого занятия. Быть может, им помог в этом приветливый замполит. Быть может, они прочли историю Энской части. Или в то время, когда Левашов готовился к занятию, солдаты рассматривали старые альбомы с выцветшими фотографиями военных лет и вырезками из фронтовой газеты.

Так это было или не так, но солдаты многое узнали о беспокойной дороге войны, по которой прошел капитан Левашов. А это — большое счастье, когда говорят, что ты шел смело по этой дороге.

Занятие было закончено, солдаты строем возвращались в казарму, рядом с ними шел Левашов.

«Давно мы дома не были...» — высоко начал Мищенко песню, и Левашов подумал, что свидание, о котором он мечтал в Москве, состоялось, что он действительно у себя дома.

И теперь он не сетовал на то, что не встретился со старыми друзьями. Более чем когда-либо он чувствовал себя вместе с ними. У каждого из них своя дорога. Служит на Дальнем Востоке Григорий Торопов, учится в Артиллерийской академии Дмитрий Лаврушинский, выращивает богатый урожай Георгий Голидзе, испытывает новую конструкцию Павел Андронов, заканчивает новую пятилетку Петр Лукин, но разные эти дороги сливаются в одну, по которой вместе с Левашовым идут и старые и новые его друзья.

Широка и безгранична эта дорога, движение не замирает ни на мгновение, и нет такого препятствия, которое было бы в силах остановить человека, идущего по ней впереди. Потому что строил эту дорогу самый мудрый человек на земле, потому что по этой дороге вслед за ее строителем идет весь народ.

Время не старит дорогу. С каждым годом она все шире и шире, движение по ней все быстрее и быстрее. Далеко вперед по этой дороге ушли и Мищенко, и Ковалев, и Петров. О знаменитом трактористе Мищенко народ сложил песню, прославил шахтерский род Ковалев, а Петров... Но тут Левашов вспомнил, с какой командирской твердостью чеканил слова Петров, и подумал, что, быть может, Петров останется военным...

И Левашов ясно представил себе, как капитан Петров, расхаживая по просторной светлой комнате, диктует знакомый вопрос:

— Что такое дорога?

ЧУЖИЕ БЕРЕГА

Рассказ

Юрий НАГИБИН

— Земля, — сказал моторист Савва Морговцев таким тоном, словно речь шла о чем-то самом обыкновенном.

Двадцатилетний рыбак Григорий Аникин шевельнулся, веки его приоткрылись и тотчас снова сомкнулись.

Морговцев нагнулся и сильной рукой потряс товарища за плечо:

— Очнись, браток, приехали!

Казалось, его слова только теперь дошли до сознания Аникина. Он вздрогнул и с неожиданной легкостью вскочил на ноги. Рубашка, как парус, вздувалась вокруг его худого, опавшего тела.

— Мать честная! И впрямь земля!..

— Земля-то земля, — глухо проговорил сидевший у руля Щерба.— Только чья она, эта земля?

Аникин испуганно глянул на шкипера:

— Как чья? Известно, советская.

Щерба не ответил. Он резким движением повернул руль, направив лодку прямо к берегу...

Прошло без малого двое суток, как рыбаки вышли из горящего Севастополя на моторной лодке, надеясь за день и ночь достичь Кавказского побережья. Их преследовал фашистский самолет, но он так и не накрыл моторку авиационными гранатами.

К ночи они потеряли представление о том, куда плывут. Компаса у них не было. Шкипер Щерба мог бы отлично вести моторку по звездам, но хоть бы одна звездочка глянула с окутанного облаками низкого неба! Они плыли наугад с одной единственной думой: хватит ли горючего?

Впрочем, еще они думали о том, что за кусок хлеба и глоток пресной воды можно отдать полжизни.

До самого конца не расставались рыбаки с родным Севастополем. Рыбацкий колхоз снабжал город рыбой, под обстрелом и бомбежкой забрасывая свои сети в море. В последние недели стало не до рыбы... Щерба и его два друга шныряли на юркой моторке по бухтам, помогая эвакуировать раненых в центральную часть города, развозя тол для взрыва предприятий, укрытых меж скал на берегу Южной бухты. Хотя уже несколько дней бои шли на улицах города, хотя в Севастополе не оставалось ни одного целого здания, ни одной пяди земли, не пораженной огнем, хотя от огня и дыма нечем было дышать, — словом, хотя города уже не существовало, все же до последней минуты они не думали, что им придется покинуть Севастополь, вернее, то, что осталось от Севастополя. Приказ об этом они услышали от самого Нетребенко, комиссара штаба МПВО Северной стороны, бывшего парторга рыбацкой артели.

— Войска эвакуируются,—сказал он.— Пробивайтесь к Кавказскому побережью, ребята! Будем драться за Севастополь на новых рубежах.

После такого приказа можно было хоть разумом принять то, с чем не мирилось сердце.

Голод и жажда дали знать о себе лишь на вторые сутки. Щерба предложил пить морскую воду. Он не раз довольствовался ею во время долгих рыбацких странствий, когда приходилось туго. Несмотря на противный соленый вкус, убеждал он, морская вода утоляет жажду, и голод легче переносишь...

Он схлебнул несколько горстей. Его примеру последовал Аникин. Вода заполнила пустоту в желудке, и поначалу Аникин хвалился, что может еще целые сутки обходиться без еды. Но вскоре его скрутила боль. Аникин уверял товарищей, что ему вот-вот станет лучше, но потом затих на дне лодки, прижав к животу согнутые в коленях ноги.

На исходе второго дня неожиданно разговорился Савва Морговцев. Обычно из него нельзя было слова вытянуть, а тут вдруг он принялся рассказывать Щербе, как перед войной гулял у брата на свадьбе. С мрачным воодушевлением расписывал он окорок — сам на языке тает, — черную икру — ложкой ел, — гуся с кашей да с яблоками — от одного духа голова идет кругом!..

«Плохо дело!» — подумал Щерба и посоветовал:

— Ложился бы ты лучше спать, Савва.

Тот угрюмо усмехнулся:

— Не нравится, что ли, мой рассказ?

— Не нравится, — ответил Щерба, маленький, коренастый, с рыжевато-седыми колечками волос и бутылочного цвета узкими, цепкими глазами. — Распущенность это, вот что!

— Ладно, поехал!.. — Савва сполз с лавки и улегся на дне лодки, с трудом уместив в узком пространстве свое крупное тело.

— Ведь вот, вредный какой дед... — проворчал он, засыпая.

А «вредный дед» просидел на вахте всю ночь. На рассвете он приметил чайку и понял, что земля близко. И все же не стал будить товарищей, пока вдалеке явственно не обозначились верхушки холмов. Тогда он растолкал Савву...

...По мере того как они приближались к берегу, голубоватые склоны холмов отодвигались вдаль, а впереди них все больше открывалась прибрежная полоса, поросшая невысоким кустарником. Светлыми плешинами выступали обнажения скалистой породы.

Узкая песчаная отмель окаймляла берег. Волны, перекатываясь, набегали на песок, затем быстро семенили назад, оставляя после себя бархатистые зеленые тяжи гнилых водорослей.

Щерба сбавил обороты и осторожно повел лодку вдоль отмели. Бледноголубая поутру вода близ береговой черты рыжела отражением песка и скал. Солнце поднималось все выше, хмуроватый берег осветился, влажно зазеленела листва кустарника. Аникин изумленно воскликнул:

— Орешник!.. А я-то думал, под Батуми одни лимоны да апельсины растут!

Кустарник расступился, открыв молодой сад с саженцами не более полуметра высотой. Рыбаки увидели упряжку из двух волов и человека в пиджаке и кепке, перепахивающего междурядья.

Он шел, сильно согнувшись, всем телом налегая на горбатую деревянную рукоятку, другим концом уходившую в землю. От рукоятки тянулась длинная палка к ярму волов. Дойдя до края сада, ближнего к берегу, человек ударил одного из волов погонялкой по боку. Тот лениво подался в сторону, за ним нехотя последовал второй, волы неуклюже повернулись, и конец палки вырвался из земли, сверкнув ярким блеском металла...

— Видать, здорово нас дальше Батуми занесло, — странно усмехнулся Щерба.

— Как есть — Турция... — в тон ему отозвался Морговцев.

— Турция? — привскочил Аникин. — Да ты что?

— Факт — Турция, — повторил Савва. — Разве видано, чтоб у нас сохой пахали?

И действительно то была соха, только более легкая и чуть иная по устройству, чем доводилось Морговцеву видеть в детстве.

С ребячливым удивлением вглядывался он в простой и скучный берег чужой страны. Щерба с легкой завистью следил за молодым рыбаком. Вот они, двадцать лет: стоило только пробудиться любопытству к жизни — и всю хворь как рукой сняло!

Рокот мотора заставил их обернуться. Волоча за собой широко расходящиеся водяные усы, к ним быстро приближался сторожевой катер. На носу трепетал флажок с полумесяцем.

— Вот что, товарищи, — сказал Щерба. — Мы находимся в чужой державе. Помните, кто мы есть... — и он до горла застегнул все пуговицы на своем видавшем виды брезентовом кителе.

...Никаких дипломатических осложнений с турецкими властями у рыбаков не произошло. Сторожевой катер взял их на буксир и отвел в близлежащую бухту. Около деревянной пристани покачивалось несколько лодок и мелких суденышек, на берегу, под прямым углом друг к другу, стояли два деревянных барака, а близ самой воды — окрашенная в зеленый цвет будка. Отступя от берега, среди цитрусовых деревьев и шелковиц виднелся какой-то поселок — глинобитные домики с плоскими крышами.

На берегу их поджидал высокий смуглый человек в хаки и большой фуражке, косо сидевшей на его блестящих черных волосах. Он знаками предложил рыбакам сойти на берег. Щерба знаками же ответил, что на берегу им делать нечего.

Человек засмеялся, обнажив белые, влажные зубы. На плечах у него были погончики такого же цвета, что и мундир, на петлицах воротника — знаки различия, на широком кожаном ремне, тесно прижатый к бедру, висел маленький дамский браунинг. Тут со стороны бараков подошли еще двое. Толстяк в белом полотняном костюме, фуражке с гербом, в круглых очках на мягком пористом носу. За выпуклыми стеклами глаза его пучились, как у рака. Позади него плелся маленький, довольно бедно и неряшливо одетый человечек в фетровой шляпе. Человечек на сравнительно чистом русском языке попросил у Щербы и его спутников документы.

Было ясно, что высокий с браунингом — офицер, очевидно, командир местного пограничного гарнизона, толстяк в белом — штатский чиновник, а маленький — толмач. С проницательностью старого человека Щерба сразу решил, что главным среди них является не нарядный офицер, а толстяк в полотняном костюме.

Последовали вопросы: кто они, откуда прибыли, почему оказались у берегов Турции? Отвечал Щерба, а маленький переводил его ответы.

Пока рассматривали документы, Щерба постарался разобраться в своих наблюдениях. Бросалось в глаза, что турки не слишком удивлены их появлением в своих территориальных водах: очевидно, они были уже в курсе происшедших событий. «А если так, — смекнул Щерба, — то и наши представители в Турции, должно быть, позаботились, чтобы нам не чинили препятствий к отъезду на родину».

Действительно, через несколько минут документы были возвращены рыбакам, и переводчик сказал, что они могут продолжать путь.

— Рады бы, — улыбнулся Щерба, — да горючего нет.

Он порылся в карманах и вытащил всю свою денежную наличность — около двадцати рублей. Примерно такую же сумму набрали Морговцев и Аникин. Скомкав деньги в горсти, Щерба показал их турецким чинам и кивнул головой на мотор:

— Бензин!

Его отлично поняли и без переводчика. Толстяк ласково закивал головой, снял, протер очки, улыбнулся и с легкостью, неожиданной в его тучном теле, засеменил к бараку. Щербу удивила эта прыть: похоже, что толстый чин намерен собственноручно доставить рыбакам бензин. Отсутствовал он довольно долго, но вернулся налегке. Зато сделанное им предложение прозвучало сладкой музыкой для слуха изголодавшихся людей:

— Если советские рыбаки имеют нужду в продовольствии или в чем-либо другом, мы можем удовлетворить их пожелания.

Аникин высунулся было вперед, приоткрыл рот, но осекся под тяжелым взглядом шкипера.

— Спасибо, — сказал Щерба. — Мы не при деньгах.

— Зачем же деньги? — последовал любезный ответ. — Господа советские рыбаки могут не платить наличными. Имеется договоренность с советским консульством, вам достаточно будет только подписать счет.

— Это как же? — переспросил Щерба.

А очень просто: об их прибытии было только что сообщено в консульство, находящееся в соседнем городе. Оттуда последовал ответ: снабдить всем необходимым, расходы консульство берет на себя.

У старого шкипера повлажнели глаза.

— Чуете, ребята, — обернулся к своим, — как о нас Родина заботится!

Глубокая складка легла на его обветренном лбу.

— Ну, сделаем такой заказ: пять кило хлеба́, полкило масла коровьего, кило баранины, табаку легкого пачка... — Щерба заметил, что лицо Саввы Морговцева затекает нежным, девичьим румянцем. — Пол-литра водки...

Чиновник бесстрастно записывал, но при последнем слове остановился, как бы ожидая поправки.

— Пол-литра, — твердо повторил Щерба и как бы для себя добавил: — Знаю, что мало, да больше нельзя — не дома.

— Конфет бы, Степан Егорыч, — просительно сказал Аникин, — хоть маленько.

— Эх ты сладкоежка! Пишите: полкило конфет. Ну, чего еще? Початка чаю...

— Кофе? — подсказал чиновник.

— Кофе? — поморщился Щерба, но, чтобы не уронить свой престиж в глазах завзятых кофейников, какими он считал турок, добавил небрежно: — Можно и кофе, если только настоящее «мокко».

Чиновник приятно улыбнулся и записал кофе.

— Может, еще чего? — облизнул пересохшие губы Аникин и поглядел на Морговцева: тот дышал, как окунь, выброшенный на берег.

Но Щерба твердо заявил:

— Стоп! Хватит государство в расход вводить. Поди, за нас золотой валютой уплатят. Кабы не война, знали б мы точно: отработаем, — и в предвкушении вкусной снеди он весело кивнул переводчику. — Все. Баста! Да попроси только, чтобы скорее, мы двое суток не ели.

Чиновник снова улыбнулся и хотел было сунуть листок в карман, но Щерба остановил его:

— Позвольте-ка узнать, сколько там вышло?

Переводчик назвал сумму в турецких лирах.

— А в рублях?

— Пять тысяч восемьсот сорок рублей, — последовал хладнокровный ответ.

Тяжелой волной прихлынула к голове кровь. На какие-то секунды или, быть может, доли секунды Щерба словно ослеп. Когда же зрение вновь вернулось к нему, кое-что успело перемениться на переднем плане пейзажа: чиновник, только что стоявший прямо перед ним, оказался сбоку, метрах в пяти, за его спиной торчал край грязной курточки переводчика, а перед рыбаками стоял офицер, с напряженной улыбкой поигрывая колечком кобуры.

Щерба тихонько засмеялся, но сказал громко, так, чтобы его услышали:

— А совесть у вас есть?

— Совесть свою они дешевле харчей ценят, — это сказал Савва.

Неизвестно, перевел ли толмач их слова, но на одутловато-квелом, прокисшем лице толстяка не отразилось ничего. Почувствовав, что опасность миновала, он снова приблизился к лодке:

— Здесь не город, а жалкий пограничный форпост — доставка сюда товаров обходится очень дорого...

— Будто? — прищурился шкипер.

— Глупая торговля! — уже раздраженно сказал чиновник. — Ведь не вы же платите, а государство.

— А какая же разница? — пожал плечами рыбак.

Теперь пришла очередь удивляться чиновнику.

— Как так — какая разница? — голос его звучал искренним возмущением. — Одно дело — платить из своего кармана, другое — если платит, ну... ну, словом... — и не в силах подобрать нужное слово, он издал губами какой-то звук, похожий на «п-фф!».

— Может, по-вашему, оно и так, — сказал шкипер. — А у нас... государство — это мы! — странное выражение нежности тронуло его высмугленное солнцем и ветром лицо. — Да разве мы можем государство в расход вводить? Такая война идет, каждая копейка победе служит, а мы станем тысячи на ветер швырять?..

— Точно сказано, Степан Егорыч, — одобрил Савва Морговцев.

Аникин ничего не сказал, но в знак солидарности с товарищами замутил плевком турецкие воды.

Щерба мог бы сказать еще много слов, простых и серьезных, грубых и высоких, но он понял, что эти люди защищены от всех слов, обращенных к благородству человеческой души, одним несложным и веским для них соображением: возможностью крупной, верной и безопасной наживы. Стоит ли говорить им о самом святом, о Севастополе, когда правители этой страны помыслами и сердцем были с теми, кто уничтожал город...

И потому Щерба сказал только:

— Давайте список, вычеркнем все лишнее.

Первым в списке стоял бензин.

— Почем? — спросил Щерба.

Ему ответили.

— Весь?

— Нет, один литр.

— Литр! У нас война, и то литр полтинник стоит!..

— У Турции нет Баку, — это сказал офицер с каким-то двусмысленным выражением.

— Коли по ценам судить, — вскипел Аникин, — у вашей Турции и вообще ничего нет!..

Больше Щерба не оспаривал называемых чиновником цен, а только бросал коротко: «Вычеркнуть». Масло, баранина, конфеты, водка, кофе, табак испарялись поочередно, оставляя тоскливый следок в душах изголодавшихся по еде, питью и куреву людей. И по мере того, как сокращался список, вытягивалось лицо толстого чиновника, тускнела фигура красавца-офицера, и даже маленький переводчик стал казаться еще более жалким и разнесчастным.

Из всего длинного списка Щерба оставил лишь горючее и три кило хлеба. Затем он попросил не задерживать с доставкой, потому что они хотят отплыть дотемна.

Офицер и штатский посовещались между собой, и толмач сказал:

Рисунок Бор. Ефимова.

Встречи

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Мой город

Ты встречаешь, мой город, меня
Не подобьем вчерашнего дня,
Ты встречаешь меня новизной,
Новостроек твоих крутизной,
Стройным лесом взметнувшихся труб,
Новой песней, слетающей с губ.

Здравствуй, город труда и мечты,
Я тебя узнаю,— это ты!
О тебе на обветренном льду
Мы мечтали в тридцатом году.
Это твой непреклонный металл
Нашу волю и силу впитал.

Если б встретил ты нынче меня
Лишь повтором вчерашнего дня
И твои не менялись черты,—
Я сказала б, что это — не ты!

Но не будет того никогда:
Ты в полете, в движенье всегда,
Потому что здесь люди живут,
Бесконечно влюбленные в труд.
Я в тебе их черты узнаю,
Вижу юность и зрелость твою.

Скульптор

Есть преданье, что на этом камне
Пугачев не раз встречал восход.
Думал, как с казацкими полками
Из неволи вызволить народ.

Из Москвы вчера приехал скульптор.
Он земляк наш, местный старожил.
Возле камня он провел все утро,
Словно тот его заворожил.

Что в граните он нашел такого!
Скульптор сам загадку разгадал,
Рассказав, что будто Пугачева
Он давно в граните увидал.

И спустя десятилетье с лишком,
Творческой мечтою увлечен,
Он приехал на берег Иньшико,
Чтобы в камне ожил Пугачев.

— Хлеб вам сейчас принесут. Но горючее может быть доставлено лишь завтра утром.

— Понятно! — Щерба повернулся к товарищам. — На измор хотят нас взять, спекулянты!

Офицер дал знак часовому, тот подошел к лодке и цепью приковал ее нос к железной тумбе. Щерба заметил, что худые веснушчатые, в светлых волосках руки часового слегка дрожали.

Пристань опустела, остался лишь часовой с винтовкой за плечом. Он стоял близ будки в кургузой шинельке и недвижно, с тупым и грустным выражением глядел в какую-то далекую пустоту.

Вскоре появился другой солдат и принес им три калабашки кукурузного хлеба и воды в жбане.

Тяжелое, сыроватое тесто комом осело в желудке; голод как будто толькс и поджидал этой жалкой подачки, чтоб войти в полную силу. И хотя казалось, что время совсем не движется, рыбаков удивило, как быстро наплыли тихие, равнодушные и печальные сумерки чужой стороны.

— Голод вроде работы, — заметил Аникин. — Я даже притомился, будто тяжелые камни ворочал.

— Вот и добре, давай-ка на боковую, — подал излюбленный совет Щерба. — Во сне и голода не чувствуешь и время быстрей летит. Да и ты, Савва, не томи себя понапрасну.

— А вы сами-то как же?

— И я вполглаза вздремну. Чего нам беспокоиться! У нас почетная охрана, — Щерба махнул рукой в сторону часового...

...Где-то резко, гортанно прокричала чайка. Ветер проплутал над водой. Сперва он показался теплым, затем нежданно обдал тело влажным холодком, на миг отогнав сон. Но усталость брала свое, и старый шкипер вскоре погрузился в полудрему...

Чья-то рука осторожно коснулась его плеча, и горячий, испуганно-торопящийся шепот ветерком пробежал по его щеке.

— Елдаш! Елдаш!.. — других слов Щерба не разобрал, но это он понял, потому что из всех слов чужого языка легче всего угадывается слово «товарищ». Щерба приподнялся, и в тот же миг рядом поднял голову Морговцев, а затем вскочил со своего места и Григорий Аникин. Три рыбака молча вглядывались в склонившуюся над ними фигуру часового.

— Елдаш! Елдаш!.. — твердил часовой и что-то совал им завернутое в бумагу.

Рыбаки увидели плоскую, как блин, солдатскую лепешку и горсть маслин.

— Э, видать, и этот о коммерции помышляет, — заметил Аникин.

— Елдаш, елдаш!.. — шептал часовой умоляюще, настойчиво и тревожно; еще он сказал: — Се-вас-то-поль...

Словно две черные тени легли на щеки Аникина, в темноте румянец кажется сгустком тени.

— Не бери, — сказал Савва, — ему самому, чай, жрать нечего.

— Дура, — нежно сказал Щерба, — как не взять, раз от сердца дается.

Он потянулся за свертком, рука шкипера и рука солдата встретились в темноте.

— Спасибо, товарищ, — сказал Щерба.

— То-ва-рищ... — повторил часовой, и улыбка задержалась на его худощавом и теперь не тупо-печальном, а очень оживленном, взволнованном и добром лице. Затем он быстро зашагал прочь от лодки и скрылся в тени прибрежных строений.

Щерба разломил лепешку на три части, разделил маслины и свою долю спрятал за пазуху.

— Аль на память сохранить хотите? — осведомился Аникин.

— Точно, на память, — без улыбки ответил шкипер.

...Под утро им принесли горючее в канистрах. Морговцев заправил мотор. Вода была тихая и белая, а пепельно-дымчатая хмарь на берегу, еще не окрашенная солнцем, представлялась вечными, непроходящими сумерками...

Рыбаки были голодны, утомлены, но не печальны, потому что знали: скоро они увидят Родину и вновь разделят ее большую заботу.

И в хриплом, простуженном голосе Щербы прозвучала нотка прежнего задора, когда он сказал Морговцеву:

— Ну, Савва, заводи!

Мотор чухнул, заглох, снова заворчал. Савва прибавил оборотов, сквозь всхлопы и короткие выстрелы пробился четкий ритм.

— Эх, и дрянное же у них горючее! — заметил моторист.

Щерба не ответил. Он вглядывался в еще сумеречный берег, пытаясь отыскать часового и крикнуть ему прощальное слово. Наконец он обнаружил его словно иззябшую фигуру, вжавшуюся в стенку будки. Щерба помахал рукой, но часовой остался недвижим. И все же Щерба готов был поклясться, что часовой его видел.

— Опасается, как бы начальство не приметило, — сказал Аникин.

Но вот часовой вытянулся: к берегу подходили вчерашние — офицер, чиновник и толмач.

Офицер приветствовал их с подчеркнутой и чуть иронической грацией: щелкнул каблуками, пальцы на миг прилипли к околышу фуражки.

Бодрый, даже веселый вид моряков вызвал кислую гримасу на лице чиновника. Но он, пытаясь скрыть разочарование, с едкой вежливостью осведомился через переводчика: всем ли довольны господа советские рыбаки, нет ли у них каких-либо пожеланий?

— Скажи им, что мы довольны больше, чем они полагают, — лукаво поблескивая глазами, ответил Щерба.

Толмач удивленно округлил брови и перевел ответ рыбака. Офицер глупо фыркнул, но в глазах чиновника появилось какое-то смущенно-беспокойное выражение.

От пристани отделился сторожевой катер.

— Не смеем больше задерживать, — произнес толмач, нагнулся и собственноручно освободил цепь.

— Любо, — ответил Щерба, и вода забурлила под кормой.

Трое на берегу глядели вслед удаляющейся лодке с каким-то смутным, тревожным удивлением. А Щерба, небольшой, но крепкий, как кленовый корень, с веселыми, дерзкими и чистыми, как морская вода, глазами, поднялся на нос и, широко расставив для упора короткие, сильные ноги, насмешливо крикнул:

— Спасибо за хлеб-соль!.. Счастливо оставаться!..

Ему не ответили. Офицер отвернулся, чиновник провел по лицу рукавом («Как будто плевок стирает», — подумал Щерба), а маленький толмач в глубокой задумчивости поднес палец к носу.

* * *

В прошлом году мне пришлось побывать в Балаклаве, крошечном городке, лежащем в разрезе высоченной скалы. На берегу крошечной, под стать городку, бухты шла выгрузка рыбы с баркасов, вернувшихся с большого, удачного лова. Да, лов был на редкость удачный: обнаженные по пояс рыбаки с ног сбивались, вытаскивая на берег корзины, полные ставридки и однокой плоской камбалы.

Рыбы выпрыгивали из корзин, вертелись на мокром и твердом, как бетон, прибрежном песке, бились о сапоги невысокого, кряжистого старика, который, сложив ладони рупором, зычным голосом командовал разгрузкой. Старик то и дело выходил из роли распорядителя, срывался с места, чтоб подставить плечо под особенно тяжелую корзину или помочь разложить аломан для просушки. Его недовольный, сердитый, веселый голос наполнял простор.

На синем комбинезоне старика виднелась чуть облупившаяся красная звездочка и новенький, поблескивающий, словно рыбья чешуя, орден «Знак Почета». И я подумал, что председатель передовой рыболовецкой артели Степан Егорыч Щерба честно отрабатывает свой долг государству...

О. ЛИТОВ

КОЛОМБО

Там, где в океан упирается вершина гигантского треугольника — полуострова Индостан,— лежит остров Цейлон.

Столица Цейлона Коломбо — один из важных портов на морских путях из Европы и Африки на Дальний Восток. Сюда заходят корабли под флагами всех стран мира.

Однажды я заметил на корме приближавшегося парохода родной красный флаг. Это был советский пароход, шедший из Одессы в Калькутту! Когда я пришел к пристани, там уже находилась группа советских матросов, окруженных местными жителями. Во взглядах и словах цейлонцев чувствовалась большая симпатия к нашей стране. Несколько человек сразу же вызвались быть проводниками гостей, чтобы показать им достопримечательности города.

Население Цейлона насчитывает свыше шести миллионов человек. Коренные жители острова — сингалезы, их около четырех миллионов. Многочисленны также и тамилы, уроженцы Южной Индии, много лет назад переселившиеся на Цейлон. Европейцев — «хозяев» острова — проживает на Цейлоне всего лишь одиннадцать тысяч человек.

Как ни странно, но в столице Цейлона нет ничего цейлонского. Это город колонизаторов. Вот старые кварталы с узкими улочками, вымощенными булыжником. Двухэтажные дома с черепичными крышами. Все это осталось от первых завоевателей острова — португальцев и голландцев. Португальцы завезли сюда и католическую веру и обратили в нее часть населения. На Цейлоне встречаются сингалезы с фамилиями: де Сильва, Фернандо, Перера...

Центром города завладели англичане. Здесь английские отели, рестораны, кино, магазины, особняки чиновников. В парках и на площадях статуи английских королей; улицы носят имена английских губернаторов, правивших островом. А на окраинах Коломбо лачуги, крытые пальмовыми ветками, в них живут сингалезы и тамилы.

Когда-то на острове процветали ремесла. Они не выдержали конкуренции с товарами английских фабрик и заглохли. Сейчас ремесленники вынуждены изготовлять разные безделушки, приспосабливаясь ко вкусам американских и английских туристов. Этими безделушками торгуют все магазины Коломбо. Здесь и пепельницы из кокосового ореха, и шкатулки из игл дикобраза, и циновки из крашеных пальмовых листьев, и фигуры слонов из эбенового дерева.

Но самый главный «сувенир», который считает долгом купить здесь каждый турист, — это чай. Чай — одно из основных богатств страны, и его продают повсюду.

«ДОЛОЙ ФАЛЬШИВУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ!»

Английские империалисты прилагали бешеные усилия, чтобы сохранить для себя Цейлон после второй мировой войны. На острове все больше зрело недовольство английским владычеством: тысячи и тысячи людей, объединившихся в прогрессивных демократических организациях и профсоюзах, требовали независимости для своей страны. Для того чтобы замаскировать свое фактическое господство, британский империализм «даровал» Цейлону фиктивную независимость. Небольшая доля политической власти была передана в руки местной крупной буржуазии и помещиков, продолжающих попрежнему служить своим хозяевам — англичанам. Так было в Индии, Пакистане, так произошло и на Цейлоне.

В 1948 году мне пришлось быть свидетелем комедии, разыгравшейся в связи с тем, что Англия «милостиво» предоставила Цейлону статус доминиона. Армия, экономика, финансы, порты — все осталось под контролем англичан. Посты министров были распределены между известными сингалезскими реакционерами. Из благодарности к англичанам новые министры решили устроить «пир на весь мир». Празднества длились дней десять.

Но в самый разгар празднеств, когда процессия с членами правительства и иностранными гостями двинулась к «парламенту», на заборах появились плакаты с большими надписями: «Народ Цейлона хочет подлинной свободы! Долой фальшивую независимость, полученную из рук англичан!».

Вдоль улиц стояли плотные цепи полицейских, в толпе и по всему городу шныряли переодетые шпики. И все же в течение всех дней празднеств антиимпериалистические плакаты и лозунги продолжали регулярно появляться на стенах домов Коломбо.

В только что открытом тогда «парламенте» сингалезская буржуазия расточала похвалы по адресу Англии. Но двадцать кресел депутатов пустовали: депутаты демократических и прогрессивных партий, в том числе коммунисты, в знак протеста против фальшивой «независимости» не явились на открытие парламента.

В ЛЕСАХ ЦЕЙЛОНА

В центральной части Цейлона расположен город Канди, который в древности был столицей страны. От Коломбо до Канди — около семидесяти километров. Только проехав по этой дороге, идущей все время в гору, мне удалось увидеть по-настоящему природу Цейлона: машина словно пересекала гигантский ботанический сад, минуя различные зоны растительности.

Первые километры мы ехали по пальмовому лесу. По обе стороны дороги стояли густые джунгли: лианы оплетали стройные пальмы и вечнозеленые кустарники с жирными, плотными листьями. Приблизившись к обочине дороги, мы ощутили сырое дыхание тропического леса. Здесь свирепствуют малярия и желтая лихорадка.

Плантации кокосовых пальм — единственное, чем английские колонизаторы разрешали владеть сингалезской буржуазии. Все нынешние министры — собственники многочисленных кокосовых плантаций. Они беспощадно эксплоатируют своих соотечественников — рабочих, не отставая в жестокости от своих английских хозяев. Большинство же каучуковых и почти все чайные плантации принадлежат англичанам.

Но вот леса редеют, и на смену пальмам приходят рощи каучуковых деревьев, высоких, с серыми стволами и кроной, украшенной мелкими, словно у осины, листочками. Земля в рощах покрыта ковром опавших листьев. Я сорвал веточку дерева — из надлома сочился клейкий, тягучий сок с запахом резины. Так же клейки листья и кора дерева. Во время войны английские плантаторы хищнически эксплоатировали каучуковые насаждения, стараясь в прямом смысле слова выжать из деревьев все соки. Много тысяч деревьев в результате этого погибло. Остальные пока дают мало каучука: набирают силы.

Рабочие плантаций живут фактически на положении рабов. Большей частью агенты плантаторов вербуют рабочих на юге Индии, где почти всегда есть районы, пораженные голодом. За чашку риса в день голодающие индийцы соглашаются ехать на Цейлон, где они лишены всяких человеческих прав. Им запрещено покидать пределы плантации, они связаны тяжелыми контрактами, по которым обязаны трудиться долгие годы. Тысячи умирают от лихорадки, туберкулеза, холеры. «Медицинские» пункты на плантациях существуют, но их цель — браковать «негодных» для работы, больных, престарелых, инвалидов, выбрасываемых на произвол судьбы.

Рабочие с семьями живут обычно в земляных лачугах. Свет проникает только через дверь. «Имущество» такой семьи составляет пара кастрюлек и глиняных горшков. Нередко у рабочего плантации нет и такого жилья; навес из пальмовых листьев защищает тогда его семью от палящего солнца и тропических ливней.

Немногим лучше положение цейлонских крестьян. Большинство из них — безземельные или малоземельные. Поля обрабатываются средневековыми, примитивными орудиями. Часто крестьян насильно и без всякого вознаграждения сгоняют на принудительные работы: на строительство дорог или на плантации...

Дорога вьется все выше, и вот, наконец, потянулись бесконечные чайные плантации. Повсюду ответвления шоссе с надписями примерно такого содержания: «Частная дорога на плантацию г-на Вильямса, проезд воспрещен». Свободного клочка земли — ни одного метра. Чайные кусты посажены вплоть до асфальта шоссе. Земля родит здесь высокосортный чай, приносит большие прибыли и стоит дорого.

Хозяйство Цейлона — типичное колониальное хозяйство. Англичане все внимание уделяли развитию юго-западной части острова, плодородные земли которой давали кокосы, каучук и чай. Сеять хлеб, рис не разрешалось. Остальные районы страны, особенно восточные и северные, лежат голыми, невозделанными, без воды.

Рассказывают, что английские предприниматели даже умышленно разрушили одну плотину, построенную населением для орошения полей. Так они вынудили голодных крестьян бросить землю и подписать кабальные контракты на работу на плантациях. В результате такой политики богатый, плодородный Цейлон вынужден ежегодно ввозить продовольствие из других стран.

В КАНДИ

В центре города Канди большое озеро; вокруг него в садах стоят виллы и особняки английских колонизаторов и местных богатеев. Дальше простираются склоны высоких зеленых гор.

В Канди наиболее сильно сохранились пережитки феодализма — эпохи, когда страной правили сингалезские короли и местная знать. Все близлежащие районы — это крупные поместья, где еще господствуют средневековые порядки и феодал сам чинит суд и расправу.

Но празднества, о которых

Из корейских поэтов

Мать

ТЮ СОН БОН

В городе Хыннам (Северная Корея) был японский химический комбинат. На этом комбинате работали дети 9—13 лет, которых японцы покупали у родителей по 50 иен за ребенка.

Мама! Мамочка!
Там мамочка идет!
Через Нак Тон Ган,
Сквозь густой туман,
Широко простерла руки
Через снег и буран!

Мама, мама!
Это я!
Это я — меньшой...
Иль меня ты не узнала!
Что же ты не подошла!
Почему не приласкала!
Почему не обняла!
Мама, мама, погляди:
На другом берегу
Злые дети засмеялись,
Что, спеша к тебе навстречу,
Здесь о камень я споткнулся
На бегу...

Нет!
Не придет
Мамочка моя...
Три весны тому назад,
С тех самых пор,
Как был я взят
За пятьдесят
Кровавых иен
И брошен в ад,
В хыннамский ад,
Мама плакала, стонала
И растаяла в слезах...
Умерла и даже глаз
Не закрыла — все хотела
На меня взглянуть
Хоть раз!

А меня душило горе,
Я глядел на небеса
И, рыдая, звал я:
— Мама!
Где ж ты, где,
В каком краю!

— Здесь! —
ответили мне горы,
— Здесь! —
ответили леса...
И тогда я крепко обнял
Маму милую мою,
Святую Родину мою!

Качели

ТЕ ГИ ЧЕН

На майском берегу,
Зеленом берегу,
Где ива серебристая
Поникла на лугу,—
Там девушки качаются,
И косы разлетаются,
Качели задевают за ущербную
Луну.
А девушки веселые,
Как птицы, машут крыльями,
Как птицы, улетают в голубую
Вышину.

Один толчок хороший —
И волны под ногами;
Другой толчок — и горы
Встают перед глазами,
Зеленые,
Высокие...
От третьего толчка
Над самой головою
Сгустились облака.

Как нежен твой румянец,
Улыбка как нежна!
Зачем в небесный глянец
Ты смотришь, смущена!
Что ищут там,
За облаком,
Глаза твои прекрасные!
Зачем они
Так пристально
Глядят в просторы ясные!

За тучами,
За кручами,
Где белый лег туман,
Стоит Кореи Северной
Столица там —
Пхеньян.
Там, над Кореей Новой,
Знамен свободных свет,
В Пхеньяне всем доступный
Есть университет.
И учится в нем парень —
Он в прошлом был батрак,—
О парне том, бывало,
Здесь говорили так:
Что беден он, что жалок он,
Как грязи серый ком,
Что, мол, до самой смерти
Он будет батраком...

Перевела **М. ПАВЛОВА**

упоминалось выше, кандийские феодалы пришли в своих старинных костюмах: шитые золотом шляпы, напоминающие тюрбаны, короткие курточки ярких цветов с золотым шитьем, белые юбки, на которые идет свыше 25 метров ткани. На ногах золотые туфли. Феодалы усердно выслуживались перед гостями из Англии, прибывшими на торжества.

Канди — один из крупнейших мировых центров буддизма. На горе буддийский монастырь, а на берегу храм Зуба. Здесь, как утверждают, хранится зуб Будды. Нам его посмотреть не разрешили. Однако видевшие зуб говорят, что по размерам он больше всего подошел бы слону. Во всяком случае, зуб и сейчас служит священной реликвией для буддистов, идущих в Канди на поклонение. В этом году «паломничество» совершил не кто иной, как министр иностранных дел Англии Бевин. Бевин, как утверждала иностранная пресса, «занемог» на цейлонской конференции министров иностранных дел британских доминионов, и для «исцеления» его от болезни был досрочно извлечен из хранилища зуб Будды [1].

В царстве феодалов и буддийских лам реакция особенно сильна. Даже куцые буржуазные законы Цейлона рассматриваются местными заправилами как нечто чересчур «либеральное». Земельные магнаты держат в своих руках полицию и беспощадно расправляются с прогрессивными элементами. За всякое свободолюбивое слово человека бросают в средневековые застенки, пытают; иногда он просто «исчезает»...

Ясно, что этого не должны видеть и об этом не должны знать иностранцы, приезжающие на Цейлон, и им учтиво предлагают ознакомиться с ботаническим садом в окрестностях Канди.

НАРОД ЦЕЙЛОНА ХОЧЕТ МИРА

Экономический кризис, наступающий на капиталистический мир, не обошел и Цейлон: условия жизни трудящихся становятся все тяжелее, в стране насчитывается 300 тысяч безработных. Пытаясь спастись от ударов кризиса, правительство Цейлона, по указке из Лондона и Вашингтона, ведет наступление на жизненный уровень трудящихся. Оно решило, в частности, отменить закон, регулирующий заработную плату рабочих каучуковых плантаций. Решение вызвало бурю возмущения и протестов. Все прогрессивные организации поднялись на борьбу за жизненные права трудящихся.

В ответ на объявление о предстоящем снижении заработной платы рабочие каучуковых и чайных плантаций под руководством своих профсоюзов потребовали прекращения этой преступной политики. В июле прошлого года прошли две крупные забастовки рабочих плантаций по всему Цейлону. Осенью того же года забастовки охватили 200 тысяч рабочих.

Перекладывая все бремя экономических затруднений на плечи трудящихся, правительство расходует государственные средства на военные мероприятия, которые должны превратить Цейлон в одну из баз англо-американской агрессии в Азии. Хотя Цейлону не грозит никакая военная опасность, правительство неожиданно подняло шум о необходимости укрепить «оборону» острова и создать регулярную армию. Англия обязалась предоставить своих офицеров для руководства организацией цейлонской армии и дать Цейлону фрегат и минный тральщик.

Англо-американские поджигатели войны твердо решили воспользоваться услугами правительства «независимого» Цейлона, чтобы превратить его в один из опорных пунктов для борьбы против национально-освободительного движения народов Азии.

В январе 1950 года в Коломбо состоялась конференция министров иностранных дел так называемого Британского содружества наций. Конференция ставила своей целью разработку общих планов удушения народно-освободительных движений в странах Юго-Восточной Азии. Одновременно Англия пыталась убедить доминионы в «необходимости» спасать ослабленное английское влияние в Азии и противодействовать все усиливающемуся проникновению американских монополий в английские владения.

Конференция окончилась провалом. Она еще раз вскрыла перед всем миром существование непреодолимых противоречий как между английскими и американскими империалистами, так и среди самих членов «содружества» наций. Попытки создать какой-либо «единый» план действий потерпели крах.

Трудящиеся Цейлона отвечают на агрессивную политику англо-американских империалистов непоколебимой решимостью бороться против угрозы войны. Под руководством коммунистической партии Цейлона и Цейлонской федерации профсоюзов трудящиеся острова включились в могучее движение сторонников мира.

В декабре 1949 года в Пекине состоялась конференция профсоюзов стран Азии и Океании, на которой выступил представитель Цейлонской федерации профсоюзов. Он рассказал, в каких тяжелых условиях приходится работать и бороться цейлонским профсоюзам. И все же федерация объединяет 20 тысяч членов и тесно сотрудничает с профсоюзом плантационных рабочих, насчитывающим 120 тысяч членов.

14 января одновременно с тем, как министры иностранных дел «содружества» заседали, безуспешно пытаясь скрепить расползающиеся швы Британской империи, в Коломбо открылся Всецейлонский конгресс сторонников мира, мощная демонстрация воли народа Цейлона к миру.

Один за другим на трибуну, украшенную портретами В. И. Ленина, И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна, поднимались представители цейлонских рабочих, крестьян и интеллигенции, чтобы заявить о своей солидарности с сотнями миллионов борцов за прочный мир, против войны.

Конгресс резко осудил правительство Цейлона за то, что оно разрешило созвать в Коломбо конференцию министров иностранных дел доминионов, которую конгресс заклеймил как «конференцию поджигателей войны».

Несмотря на попытки полиции сорвать созыв конгресса, несмотря на аресты многих его участников, конгресс прошел с огромным успехом. Участники его обратились с призывом ко всем трудящимся Цейлона создать единый фронт борьбы с империализмом.

Стремление трудящихся Цейлона к подлинной свободе и их солидарность с другими народами Азии не могут сломить никакие репрессии и угрозы.

---

[1] По местным обычаям, зуб Будды извлекается раз в семь лет.

Эти девушки будут работать в заводских аналитических лабораториях. В училище № 7 они изучают физику и химию по курсу более широкому, чем в нормальной средней школе.

У НИХ ЕСТЬ БУДУЩЕЕ

С. КАНЕВСКИЙ

Фото Ю. Чернышева

Однажды нам довелось беседовать с Лео Кржицким — видным прогрессивным деятелем США, литографом по профессии в прошлом.

Рассказывая о своих впечатлениях от поездки по Советскому Союзу, этот уже старый человек, многое повидавший и испытавший на своем веку, между прочим, заявил:

— В Америке миллионы безработных, а наше правительство очень мало о них беспокоится. Я с ужасом думаю о судьбе молодого поколения американцев. Что ждет их в будущем? Капиталисты отняли у простого человека самое драгоценное чувство — родительскую радость. Да, очень многие наши отцы и матери живут в тревоге: кто научит их детей работать, кто даст им работу?

Не конвейер, не технология, не станки удивили меня на ваших заводах, хотя ничего, кроме хорошего, я не могу о них сказать. Меня особенно поразили пареньки в форменных шинелях со значком «РУ» на петлицах. Я просто восхищен тем, что советское государство бесплатно обучает индустриальным профессиям сотни тысяч юношей и девушек.

Возможно, что с вашей точки зрения я говорю о второстепенных вещах. Но я хотел сказать о том, что больше всего меня поразило в Советском Союзе. Автомобили производят в Москве и в Детройте. А молодежь готовят к честному труду только в Москве. И если я, американец, воспринимаю эту разницу острей, чем советский человек, то, очевидно, потому, что вы привыкли к своей жизни, насыщенной прекрасными явлениями, и многого уже не замечаете.

☆ ☆ ☆

В известной мере наш собеседник был прав. В стремительном потоке нашей жизни мы успеваем видеть только самое выдающееся и подчас проходим мимо фактов, менее ярких, но не менее знаменательных.

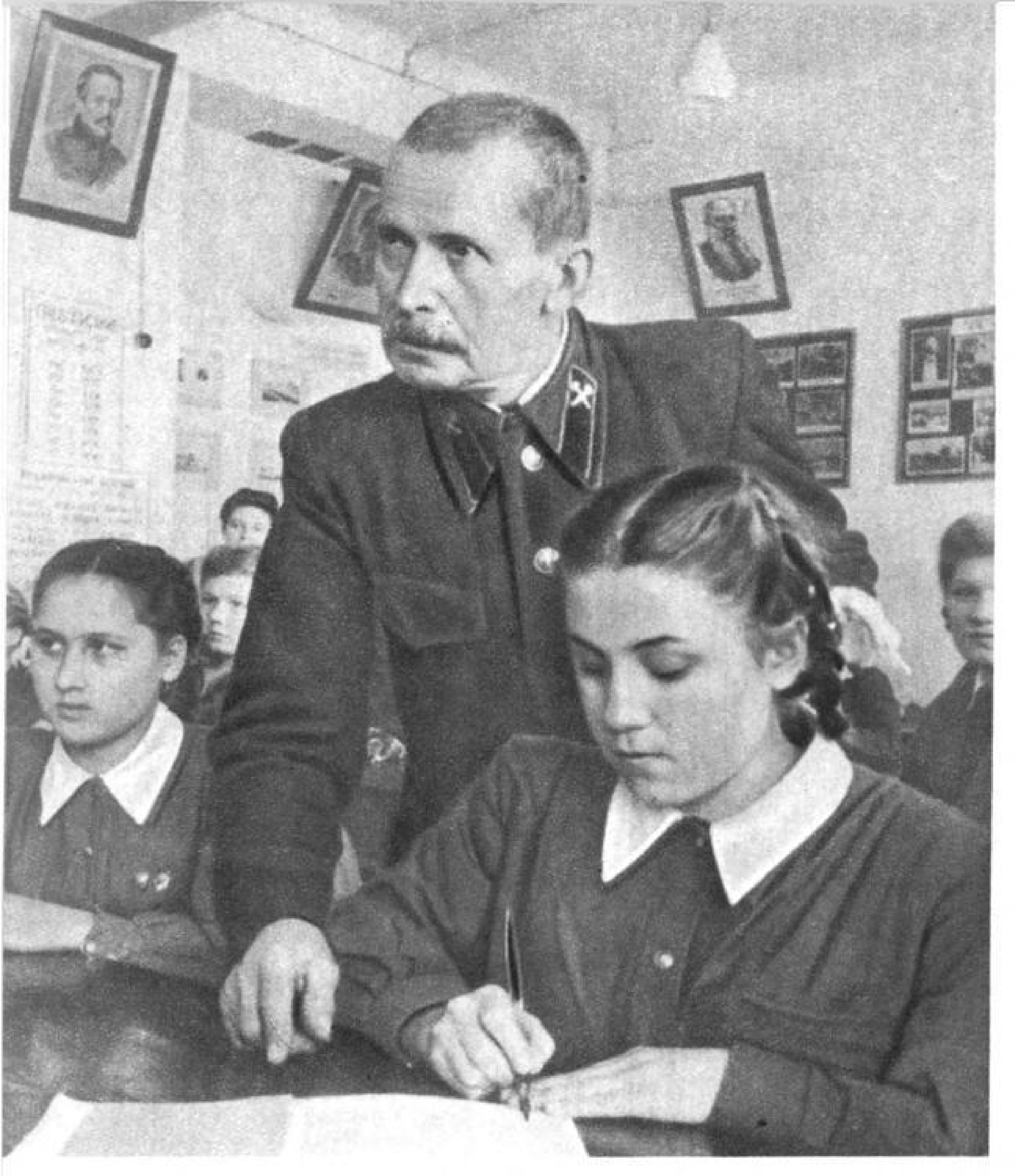
Почти незаметно для страны ремесленные училища перешли на набор учащихся со вступительными экзаменами.

Это сразу же преобразило весь стиль работы ремесленных училищ. Изменился самый тип учащегося. Большинство воспитанников ремесленных училищ составляют теперь не подростки из четвертого—пятого классов школы, а из седьмого и восьмого. Училища имеют дело с более устойчивой, зрелой, грамотной молодежью.

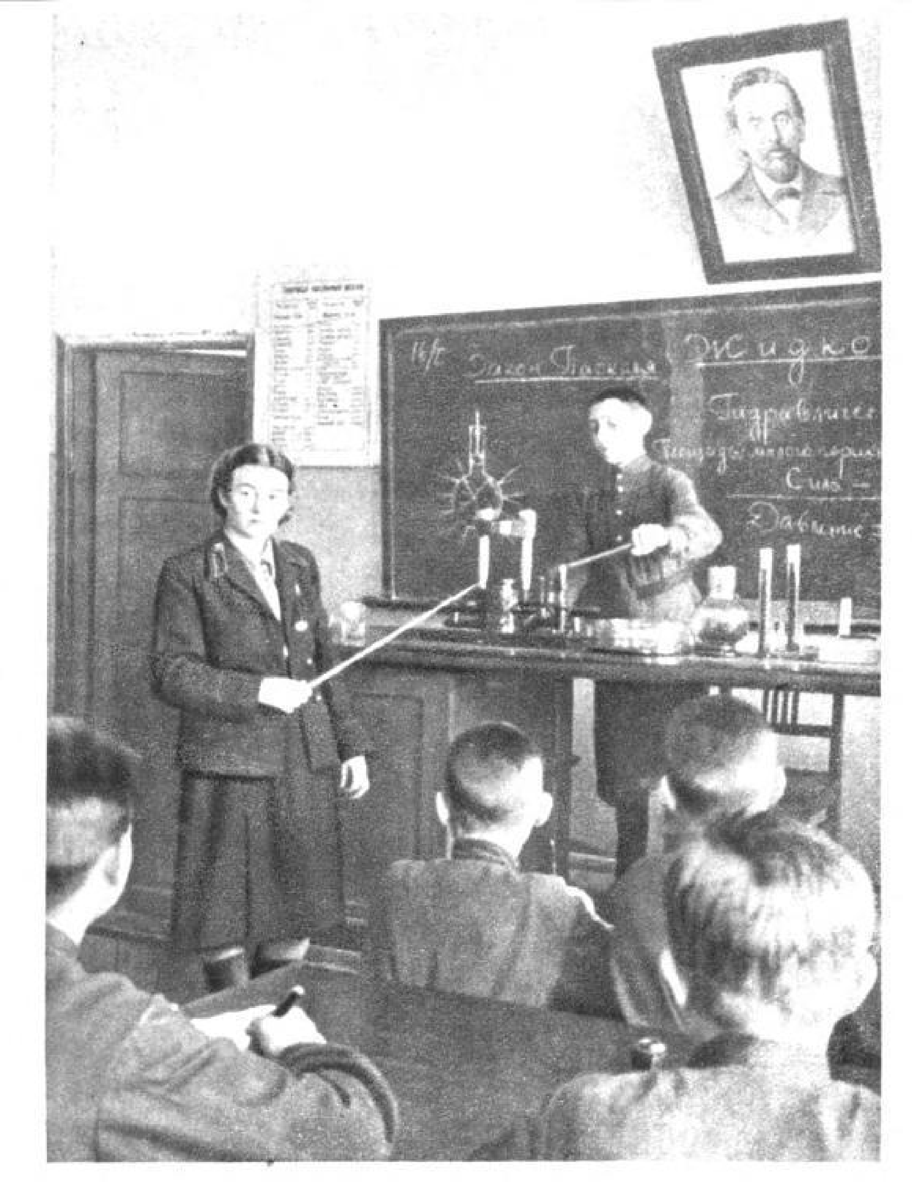
Заглянем с вами, читатель, в ремесленное училище № 7 в городе Дзержинске, Горьковской области. Оно готовит для химической промышленности лаборантов, аппаратчиков, электромонтеров, слесарей по ремонту контрольно-измерительных приборов, столяров. Здесь учатся 697 юношей и девушек. 335 из них имеют образование не ниже 7 классов.

Будущие слесари знакомы с основами металловедения и свободно владеют мерительным инструментом.

Училище располагает квалифицированными кадрами учителей по всем предметам. Русскую литературу преподает Н. В. Комиссаров, опытный педагог с полувековым стажем работы.

Ученики-столяры, группу которых мы видим на снимке, изучают физику. Они получают основательные теоретические знания и по специальным дисциплинам.

Учащейся молодежи предоставлены все возможности для культурного отдыха и разумных развлечений.
Солист оркестра струнных инструментов! Он убежден, что только по недоразумению не попал со своей мандолиной на Фестиваль демократической молодежи в Будапеште. Впрочем, веселый музыкант не теряет надежд: ведь еще много фестивалей впереди!

→ Других увлекает мотоциклетный спорт. «Эх, промчаться бы по асфальтовой дороге и установить мировой рекорд!» — мечтает новичок, впервые разглядывающий вблизи чудесную машину.

Сотни тысяч юношей и девушек учатся в училищах и школах Министерства трудовых резервов СССР. У них есть будущее.
Миллионы юношей и девушек бродят по Америке в поисках любой работы. У них нет будущего.
Вот почему Лео Кржицкий говорил с тревогой об американской молодежи и восторгался пареньками со значком «РУ» на петлицах шинелей.

Дружба

Константин МУРЗИДИ

Воздают у нас почести людям труда. Одному — орден, другому — грамота, а третьему — портрет в газете. Газета, как лучи от солнышка, по всей советской земле расходится, любого уголка достигает. Понравится кому портрет — возьмет и вырежет, сохранит на память. И часто это вовсе незнакомый человек, никогда о тебе не слышал, даже не предполагал, что ты на свете живешь. А вот зародилось отныне в нем какое-то чувство. И думаю я, что чувство это хорошее. И пусть растет и крепнет оно между людьми...

С год назад перебирал я книжки и нечаянно уронил старый «Справочник металлиста». Упала книга, раскрылась, и вылетела из нее газетная вырезка. Поднял я, глянул — миловидное девичье лицо, а под ним подпись: «Комсомолка О. Вербовская, паровозный машинист. Водит поезда точно по графику». Прочитал и вспомнил, что вырезал я этот портрет из газеты «Гудок» еще до войны. Очень уж понравилась мне тогда эта девушка. Где она теперь, не знаю: между давним и нынешним пролегла война,— каждому понятно, что это значит.

Было мне тогда лет семнадцать, а может, и меньше, и я, помнится, влюбился в эту незнакомую девушку. Даже собирался ей письмо написать. Да подумал, что не один я такой догадливый — находчивых ребят у нас немало — и я решил не писать. Да и о чем бы я тогда написал ей? Только-только к делу приучаться начал и с виду неказист. Одним словом, ни биографии, ни фотографии. А портретик ее все-таки сохранил.

Долго я рассматривал забытый портрет. Даже взгрустнулось чуточку. Отчего, и сам не знаю. А разбираться было некогда. Только подумал: правильно, что не послал тогда ей письмо. Зачем? Незнакомому человеку надоедать? А потом ждать ответа? А вдруг не дождешься? Нет, правильно поступил...

Это я так раньше думал. Год назад. А теперь совсем иначе думаю. И не мудрено! За год-то человек может вырасти? Может! Вот я и вырос.

Дело в том, что напечатали в газете мой портрет. Портрет получился очень удачный. Тут тебе и морщинка на лбу — давняя моя примета, но в то же время необычный взгляд, который редко случается мне у самого себя подметить. Посмотрел я на свой портрет и подумал: вот бы мне всегда таким быть, а если можно, то и лучше. К лучшему человек всегда обязан стремиться.

Поздравили меня ребята, когда увидели газету, порадовались и пожелали еще больших успехов.

А через три дня получил я письмо.

Начиналось оно так: «Дорогой Яша! Увидел я в газете ваш портрет и решил поздравить с большой радостью. Жаль только, что в газете не рассказано, как работаете, как добиваетесь высоких показателей. Я, правда, не металлист, не монтажник, я даже и на заводе не работаю, а только еще учусь в строительном техникуме. А вот братишка мой учится в школе ФЗО, и ему очень интересно узнать про ваш метод. Напишите, если время будет...»

Отложил я письмо в сторонку и побежал в клуб на репетицию драмкружка — и так уж опаздывал. Решил, что завтра после работы непременно отвечу. Человек думал обо мне, письмо написал — из хороших чувств, не иначе. Как же ему не ответить?!

Прихожу назавтра с работы. Дежурная по общежитию новое письмо подает. Посмотрел — опять незнакомый почерк. Зашел к себе, остановился посреди комнаты, разорвал конверт, читаю: «Добрый день, Яша! Вы меня не знаете. Я вас тоже не знала до вчерашнего дня, пока не увидела ваш портрет в газете. Вы там такой хороший, такой приветливый, так смотрите, будто мы с вами очень хорошо знакомы, только давно не виделись. Правда! Я работаю на ткацкой фабрике. Наша бригада лучшую ткань вырабатывает. Можем вашей невесте на платье самую свежую расцветку порекомендовать... Будете у нас — заходите...»

Приятно мне стало. А потом как вспомнил, что это уже второе письмо, а я еще и на первое не ответил, забеспокоился. Нельзя же под копирку писать. Подумать придется.

Но и в этот вечер не сумел я за письма приняться; на заседание комсомольского комитета вызвали. Отложил до воскресенья. А был еще только четверг. Так что за следующие дни я еще пять писем получил. И в трех оказались фотокарточки.

Засел я в воскресенье с утра за ответы и просидел до вечера. В семь городов написал. Трудно пришлось.

Осенью вечереет рано. Заглянули в мое окно дальние рудничные огни, засветилось рубиновое кольцо на высокой трубе металлургического завода (кольцо это я сам укреплял весной), и тут только вспомнил я, что вот уже целый час, как ждет меня подруга моя Настенька на перекрестке под часами. Схватил я письма и бросился из дому, чуть в коридоре бачок с водой не сшиб, только кружка загремела да сторожиха руками всплеснула.

Прибежал я под часы — нет моей Настеньки. С полчаса промаршировал взад-вперед, вздохнул и пошел на почтамт. Поднялся на каменное крылечко, опустил письма в ящик, задержался на верхней ступеньке, улицу разглядываю, будто кого жду. А ждать-то мне, сами понимаете, в таком положении уже некого было. Другие ребята счастливые: мимо меня под руку с девушками идут. А я вроде памятника. Обругал сам себя и сбежал по ступенькам на тротуар. Только повернул за угол, слышу: кто-то за локоть тронул. Оглянулся: Настенька! Обрадовался я ей, за руку схватил и лишь тут заметил, что смотрит Настенька на меня не очень-то ласково. Этого с ней никогда не бывало. Растерялся я. А она говорит:

— Кому это ты столько писем послал? Уж не девушкам ли?

Не таясь, отвечаю:

— Девушкам.

А сам смеюсь и жду, когда Настенька тоже засмеется. Но вскоре понял, что ждать мне пришлось бы долго.

Рассказал я ей все как было и пригласил домой почитать письма девушек, убедиться.

Насилу уговорил. Ее, видите ли, больше интересовали мои ответы. Но тут уж я ничего не мог поделать, из почтового ящика не вытащишь.

Дома у меня Настенька присела на краешек стула, пальто не сняла, только платок развязала. Платок у нее белый, пуховый. Не знаю от чего, может, от этого платка, стало в комнате у меня светлее и уютнее.

Начал я ей подавать одно письмо за другим. Читала она молча. Прочитала, поднялась со стула и говорит:

— Посмотрю еще, какие их ответы будут,— и пошла, не прощаясь.

Я за ней. Взял за плечи. Поцеловал. Смягчилась Настенька и призналась, что больше всего беспокоит ее «ткачиха эта самая».

Уговорились мы подождать ответа.

Ждали с неделю.

Настенька вроде бы забыла обо всем, но на перекресток под часы выходить перестала.

— Вечера,— говорит,— похолодали.

И даже песни другие запела. Раньше с грустинкой выбирала, а теперь такие начала петь, будто бы веселее ее на всей стройке никого нету. А меня не проведешь. Я эту веселость знаю. После смены оставалась Настенька дольше всех или убегала раньше, чем следует, в ремесленное училище лекцию читать: Настенька — большая мастерица по монтажу электрооборудования.

Скорее бы ответы пришли!

Почтальон с той поры самым желанным человеком стал. Понимал он меня хорошо, да помочь не мог. Сам же писать не станет. Вот и носит одни газеты.

Как-то собрались мы в обеденный перерыв возле конторы почитать свежий номерок. Читал активный наш комсомолец — монтажник Петя Великанов. Пробежал краткие сообщения на первой странице, развернул газету и сразу вправо, на третью страницу, глаза скосил. А там черным по белому: «Из опыта верхолаза Кудрявцева». Нипочем не поверил бы, если бы сам туда же взгляд не бросил. Еще бы! Не писал я, никому ничего не рассказывал — и вдруг!..

Прочитал я первые строчки, и что бы вы думали? Это же мое письмо к студенту строительного техникума из слова в слово перепечатано! Только «здравствуйте» и «прощайте» выкинуто. И еще пояснение от редакции, что письмо знатного верхолаза передал в редакцию такой-то.

Огляделся я вокруг. Вижу: неподалеку Настенька стоит. Подозвал ее и газету в руки.

Прочитала, подумала и вдруг сказала:

— Посмотрим еще, как ткачиха откликнется.

Ребята, конечно, ничего не поняли. А я как ни в чем не бывало:

— Подождем!

Прошло еще три дня.

И приносит мне почтальон вместо письма маленькую посылку — сверток, обшитый парусиной. Шпагатом пронизана, сургучной печатью скреплена. Все как положено. Удивился я. Глянул на обратный адрес и понял. Проводил почтальона, вспорол посылку. Вылетел из нее отрез цветной материи, набивного шелку,— ясно, что Настеньке на свадебное платье в подарок! Вот так ткачиха! Душевная девушка!

Схватил я посылку и к Настеньке в общежитие. Обрадовалась она, засмеялась:

— Мне,— говорит,— и без того известно, что ты у меня хороший. А все-таки приятно еще раз узнать!

Стала она перебирать материю в руках, словно в цветистом ручейке полоскаться. Не утерпел я, надел ей ткачихин подарок взамен шарфа на шею.

— Когда шить будешь, Настенька?

Это я намеком спрашивал у нее, когда свадьбе нашей быть.

— Весною.

— Весною, так весною! Подождем! Больше ждали!

Сели мы в тот вечер ткачихе письмо писать. И студенту общую нашу благодарность послали.

И стало нам так хорошо и радостно оттого, что есть у нас новые друзья.

Это ничего, что мы еще не виделись с ними. Верю: непременно увидимся! А пока послужит нам почтовая связь — министерство дружбы.

Порадуйтесь же за меня и Настеньку, а потом раскройте свою записную книжку и, если есть в ней забытые адреса, вспомните их и непременно напишите письма друзьям.

Они работают в Ярославле

Группа ярославских художников в мастерской Н. Кирсанова. Слева направо: М. Антонян, А. Шиндыков, Н. Кирсанов.

К. ОРЛОВСКИЙ

Фото Е. Умнова

Мы сидим в большой с широкими окнами мастерской художника. Стены увешаны этюдами, исполненными маслом, карандашными рисунками. На полу — прислоненные к стене холсты на подрамниках. На табурете — палитра, кисти, тюбики с красками. Свежая штукатурка стен, сверкающая белизна дверей, ведущих в жилые комнаты, зеркальный блеск пола — всё говорит о новизне этого трехэтажного дома, только что заселенного художниками Ярославля.

У хозяина мастерской Н. Кирсанова собрались его постоянные гости, закадычные друзья, а с недавних пор и соседи по дому — обладатели новых квартир с такими же просторными мастерскими. Они рассматривают последнюю, еще не оконченную работу Кирсанова «Ленин и Сталин в Смольном». В центре композиции — вожди революции, окруженные питерскими рабочими, солдатами и матросами.

С жаркой заинтересованностью обсуждают художники замысел, композицию картины.

Сейчас здесь собрались наиболее видные художники Ярославля. А. Шиндыков, председатель отделения Союза советских художников — ярославец, как и Н. Кирсанов. Оба они учились в местной художественной школе. М. Антонян — воспитанник Академии художеств, ленинградец, но дарованию его суждено было расцвесть в городе Ярославле. Старший из присутствующих — А. Чурин. Его судьба отчасти сходна с судьбой Антоняна: Чурин приехал из Москвы в Ярославль преподавать в художественной школе. Младшему из друзей тридцать четыре, старшему сорок три. Стало быть, духовный строй их формировался уже в советские годы.

Мы слушаем их спор о работе товарища. Замечаем радость, когда они видят его удачу, и тревогу, когда обнаруживают ошибку.

Свыше двадцати художников объединены в Ярославском отделении Союза советских художников, и, пожалуй, добрая треть их активно участвует в московских выставках. В жизни искусства Российской Федерации художникам Ярославля принадлежит одно из первых мест.

Картины А. Шиндыкова экспонируются на передвижных выставках Всекохудожника во многих городах нашей страны. Он участник всех всесоюзных выставок в советской столице. Отзывы об его работах не раз появлялись в московских газетах, журналах и сборниках. Его полотна побывали и за рубежом на выставках советского изобразительного искусства.

Художник А. Чурин в своей мастерской

Когда-то выдающийся критик В. В. Стасов призывал художников запечатлевать жизнь «разных краев».

«Какие бесчисленные красоты и своеобразные сцены в разных краях нашего отечества ждут чувства и кисти наших художников!»,— писал он. Но редко кто из художников «рисковал» тогда жить и работать в этих «разных краях», вне столицы. А для советского живописца жизнь и работа на периферии — служение общему и единому делу создания искусства народа.

А. Шиндыкова можно назвать певцом Ярославщины. Им создана большая серия картин на ярославско-волжские темы: «Утро на Волге», «На Волге», «Сумерки на Волге», «Начало навигации на Волге», «На реке Которосль» (приток Волги у Ярославля). Все его картины, полные воздуха и передающие поэтическую мощь великой реки, неизменно оживлены сценами труда обитающего на ее берегах советского человека. В мастерской Шиндыкова мы видели начатую им работу: «Трудовые резервы на стройке Ярославского автозавода». Старик-строитель окружен юными учениками, гордыми тем, что и они участвуют в создании гиганта сталинской индустрии.

Шиндыков прославляет Волгу, как великую арену вдохновенного труда советского человека, а другой художник-ярославец, А. Абрамов, воспевает ее природу, как место отдыха этого человека, и пишет «Дом отдыха на Волге».

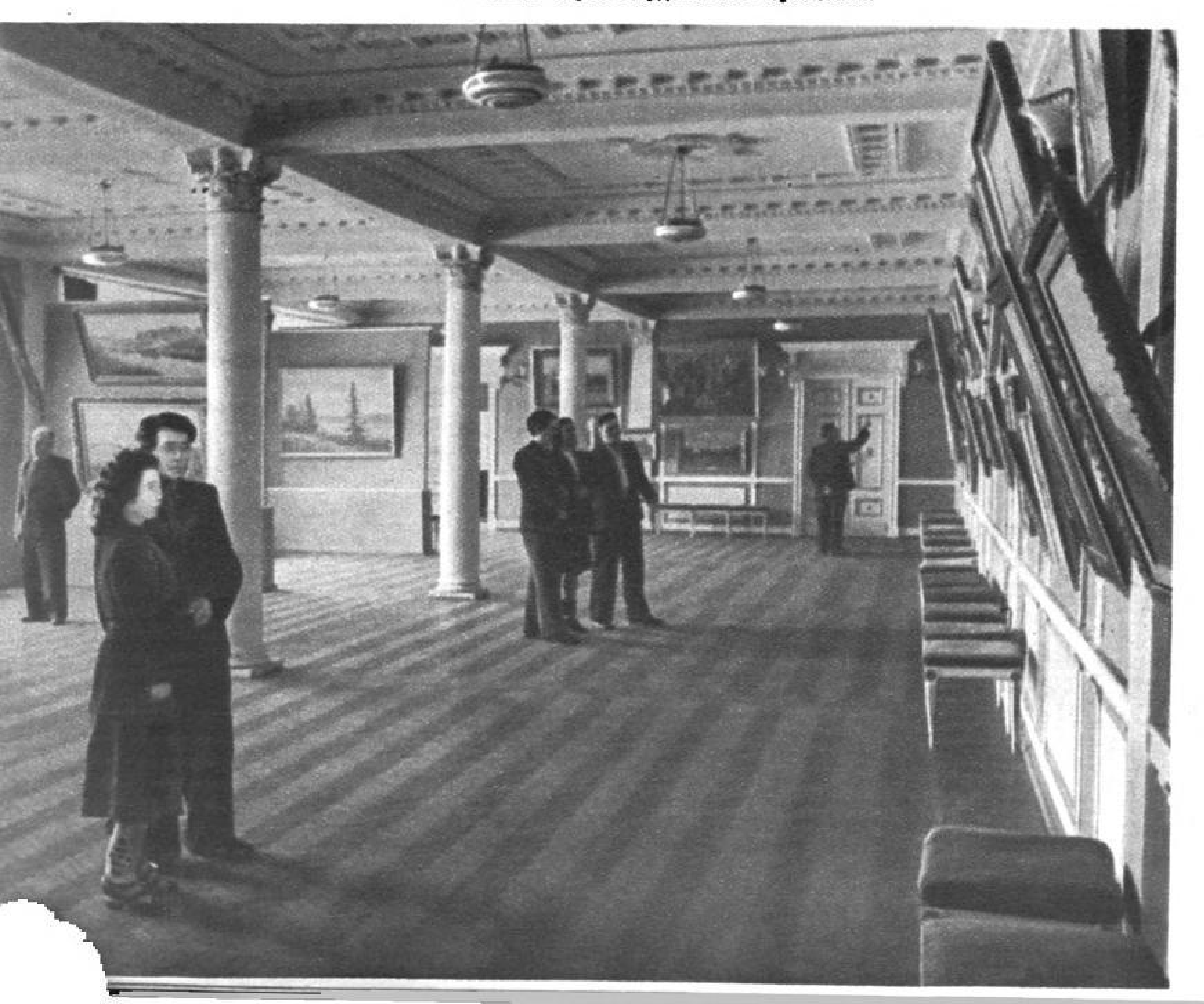
Так же и для А. Чурина природа Ярославской области хороша прежде всего человеком. Он пишет «Богатый урожай», «Наша Волга», «Новая набережная в Ярославле», наконец, «Плещеево озеро», на котором Петр I строил первые корабли русского флота. Озерный пейзаж Чурина не безлюден. На первом плане художник поместил группу юных пионеров-туристов, осматривающих место рождения русского флота.

Для советского художника, работающего на периферии, нет собственно «местной» темы— есть общесоветская тема.

Можно ли, например, говорить о теме картины художника-ярославца А. Леликова «Портрет старого большевика Барыгина» как только о «местной»? Старый человек с волевым лицом, положив руку на решетку набережной, вглядывается в ширь Волги. Это один из тех тринадцати большевиков-ярославцев, которые в 1918 году, в дни белогвардейского мятежа в Ярославле, были посажены белыми бандитами на так называемую «барку смерти», стоявшую посреди Волги, — там, куда Барыгин смотрит сейчас. Он — единственный из тринадцати, чудом спасшийся и доживший до наших дней. Только ли «местная» это тема?

Что из того, что С. Горячев писал своего «Бригадира» в одном из ярославских колхозов, а Б. Ефремов создал портрет Героя Советского Союза ярославца Антонова? И тот и

Выставка картин художников Ярославля.

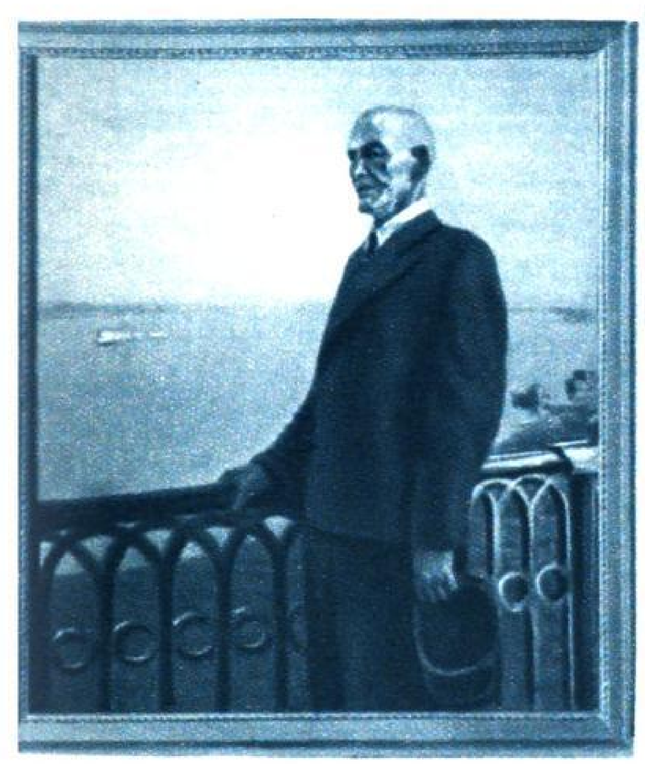
другой художник ищет в передовых, знатных людях своей области прежде всего типические черты сталинской эпохи — героя нашего времени.

Одна из лучших работ ярославских художников — картина Н. Кирсанова «Вручение партийных билетов на фронте». В полумраке фронтовой землянки, в группе едва освещенных людей выделяется фигура молодого бойца в белом маскировочном халате. В одной руке его — винтовка, в другой — партийный билет, который он прижимает к груди. С этой минуты он чувствует свою силу возросшей, свою правоту сильней, а победу ближе. Распределение света на картине, точность, выразительность рисунка, сложная, хорошо решенная композиция свидетельствуют о мастерстве художника. Открытки с красочной репродукцией этой картины, изданные в Москве, распространяются ныне повсюду, создавая заслуженную популярность художнику.

Со своей темой вошел в круг ярославских художников талантливый М. Антонян.

М. Антонян. — Под Ленинградом.

А. Ледников. — Портрет старого большевика Барыгина.

Его картина «По следам оккупантов» запечатлевает момент раскопки могил жертв захватчиков. Эта многофигурная композиция с хорошо выписанными лицами детей, женщин, бойцов, партизан выразительно передает их душевное состояние — гнев, ужас, горе, решимость добить врага. На другом полотне М. Антоняна — «Под Ленинградом» — группа моряков, только что отбивших атаку врага на подступах к великому городу. На усталых, покрытых потом и кровью лицах, в глазах, полных воли и презрения к врагу, читаешь «не пройдут!». Обе эти картины выставлялись в Москве и обратили на себя внимание художественной критики.

Много и успешно работают талантливые и трудолюбивые художники Ярославля. Ныне там открыта новая выставка их работ, десятая по счету за последние 14 лет. Открыта она в помещении театра, но уже отведено место для строительства постоянного выставочного зала.

О многих из выставленных работ уже написаны статьи в московских журналах и газетах, многие из этих картин побывали в Москве, а о некоторых отсутствующих полотнах говорят: «Приобретена Москвой». Нет, они не безвестны, не оторваны от общесоюзной жизни искусства — художники советской периферии.

Один из них, проработав несколько месяцев над картиной и почти закончив ее, нашел в себе силы писать все заново — смыл краски с готового полотна и взялся за работу сначала: помогли советы товарищей. Неудачей это не назовешь. Благородная неудовлетворенность собой рождается из чувства ответственности перед народом.

Художник советской периферии — художник нового типа. Для него принадлежность к периферии условна. Был бы талант, и если талант целеустремлен и деятелен и служит народу, то он не останется незамеченным только потому, что обладатель его живет и работает вне Москвы. В Советской стране таланты, где бы они ни расцветали — в Москве или на периферии,— всюду видны.

А. Шиндыков. — Начало навигации на Волге.

Вдохновенный танец

Танцовщица выбежала на сцену в белом воздушном платье Эсмеральды, улыбаясь и тщетно пытаясь скрыть волнение. Она начала свой танец с юношей Фебом, привычно повторяя тщательно отделанные па. Но очень скоро природная артистичность сказалась сильнее застенчивости. Она заставила балерину забыть о зрительном зале и взглянуть на человека, к которому пришла на свидание, глазами Эсмеральды. Танцем Эсмеральды начался вечер показа творчества Виолетты Бовт...

Биография этой балерины коротка. Окончив хореографическое училище при Большом театре, Бовт была принята в балетную труппу Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, где ее актерское и хореографическое воспитание продолжалось под руководством одного из крупнейших мастеров танца В. Бурмейстера. Вскоре Бовт стала получать сольные и ведущие партии в балетах «Соперницы», «Виндзорские проказницы», «Лола», «Штраусиана», «Карнавал», «Франческа да Римини», «Берег счастья».

...Сцена в гостинице из балета «Эсмеральда», которую Бовт показала на своем вечере, трудна для исполнения. В ней нужно сыграть резкий переход от беспечного счастья к беспредельному отчаянию: охваченный любовью к девушке, аббат Клод убивает у нее на глазах Феба. Уличная плясунья приходит в гостиницу восхищенной девочкой, а когда занавес падает, он скрывает Эсмеральду, окаменевшую, сраженную горем. Отрывок поставлен и сыгран превосходно.

Дарование артистки еще ярче блеснуло и захватило зрителей в композициях «Грушенька», «Первый бал» и «Красный мак». В «Грушеньке», навеянной «Очарованным странником» Лескова, прелесть танца Бовт раскрывается с романтической силой в сцене последней встречи с князем. Цыганка Грушенька — дикий цветок — в каждом взгляде, жесте выражает свою бесхитростную любовь и, как золото, рассыпает очарование юности.

В отрывке из «Красного мака» перед нами китайская танцовщица Тао Хоа. Жертвуя собой, она спасает жизнь советского капитана и гибнет от руки предателя.

Выступления Виолетты Трофимовны Бовт говорят об ее одаренности и большой творческой работе.

О. ПОЗДНЕВА

На снимке: Виолетта Бовт в роли Эсмеральды.
Фото В. Евграфова

За кулисами

Гаснет свет... Бурная, стремительная увертюра, и театральный занавес раздвигается, открывая двор старинного замка. Под вековым дубом, обвитым золотой цепью, необъятный стол, уставленный яствами. И кого только нет в числе приглашенных: медведи, лисы, козлы, свиньи, еноты, обезьяны... Еще бы, ведь хозяйка дома, болонка Мушка, получила похвальный отзыв на последней выставке собак! Пир начался...

«Артисты», участники этого необычного спектакля, воспроизведенного в фильме «Театр зверей»[1],— питомцы Московского уголка имени Владимира Леонидовича Дурова.

Зрители фильма, как бы проникая за кулисы театра зверей, становятся свидетелями упорного труда дрессировщиков, предшествующего открытию занавеса. Глубокое изучение навыков и привычек зверя, внимание и доброта к нему, ежедневные упражнения, создающие и закрепляющие у животных условные рефлексы,— вот что обязательно в работе дрессировщиков дуровской школы.

...Медведь только кажется неуклюжим. На самом деле он ловок и проворен. Особое устройство его плечевых суставов позволяет ему весьма непринужденно действовать передними лапами. Используя эти особенности и выработав у медведя новые условные рефлексы, работники Дуровского уголка добились того, что косолапый, великолепно сохраняя равновесие, катается на чурбане, танцует на узкой дощечке и с увлечением занимается мукомольным делом.

Енот добывает пищу, непрестанно перебирая передними лапами речной песок,— и ему нашлась роль, близкая его естественным навыкам: он добросовестно стирает белье и, точно в поисках записи, перелистывает регистрационную книгу своей прачечной.

Всякое действие, правильно выполненное животным, немедленно подкрепляется наградой — сахаром или хлебом, смотря по вкусу «артиста».

Особенно ярко проявляют себя эти «артисты» во втором акте спектакля, когда после пиршества гости отправляются по домам. Слон — начальник железнодорожной станции — встречает поезд и руководит посадкой. Пассажиры — дикобразы, гуси, козы, куры и собаки — торопятся к кассе. Получив билеты, они устремляются к вагонам. Кассир-бульдог строг к нарушителям порядка — петухам, затеявшим драку. Носильщик-медведь совсем сбился с ног. Не торопится только ворон, проверяющий багаж на весах.

Но вот слон протягивает хобот к вокзальному колоколу. Третий звонок. Мечутся по перрону барсуки. Они приехали к самому отходу поезда, да еще без билетов. Заяц, конечно, примостился на буфере последнего вагона. Поезд скрывается за поворотом...

Киноработники, запечатлевшие на экране этот спектакль, должны были обладать не меньшим терпением, чем дрессировщики. Молодой «артист», медведь, участвуя в киносъемках, терялся перед аппаратом — он забывал небольшую подробность в своей роли носильщика и упорно забирался сам на весы вместе с багажом. Безусловно, это затрудняло работу весовщика-ворона.

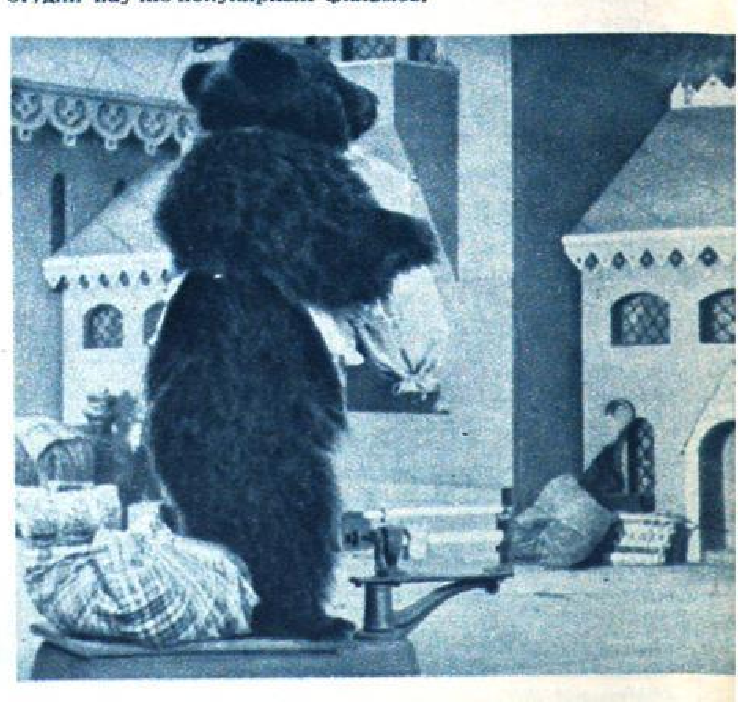
Но некоторые «актеры» ошибались «сознательно». Так, слон, однажды позвонив в колокол, получил такую лакомую награду, что потом в течение нескольких часов его невозможно было оторвать от этого занятия.

Много творческой выдумки, труда и терпения вложено в каждый кадр этого фильма, дающего представление о сложной научной работе по приручению и воспитанию зверей.

Л. БЕЛОКУРОВ

---

[1] «Театр зверей». Режиссер — Н. Агапова. Оператор — Г. Троянский. Композитор — А. Спадавеккиа. Научный консультант — Ю. Фролов. Производство Московской студии научно-популярных фильмов.

Медведь-носильщик вместе с багажом забрался на весы.
Фото Г. Троянского

Тренер проводит занятия в школе лыжников.

Фото А. Бочинина

ЮНЫЕ ЛЫЖНИКИ

Л. БРАСЛАВСКИЙ

«Дым поднимается прямо или слегка отклоняется. Деревья спокойны. Снег падает тихо. Температура минус 12°», — написано на белом листе бумаги, который висит при входе в теплый, уютный дом юношеской лыжной школы «Локомотива» в г. Бабушкине.

По школе, по всем ее комнатам и коридору разносится веселый говор. Вихрастые малыши и стройные юноши с одинаковым усердием натирают мазями лыжи. Скорее на снег, скорее на снег!

Здесь так же шумно и весело, как в любой нашей школе во время большой перемены.

Но вот раздается голос:

— Младшая группа, на построение!

В коридоре становится заметно тише.

— Сегодня идем на три километра, — говорит тренер. — Пойдем на время первый раз!

В строю волнение. Малыши переглядываются, толкают друг друга локтями в бок. Тренер делает паузу...

Давно ли эти мальчики и девочки с трудом передвигались по снегу и, перелезая через канавы, ломали лыжи? А сейчас они готовы померяться силами. У них настоящие, превосходные лыжи с замками, специальные ботинки, костюмы — все это дала им школа. Одни лучше, другие хуже, но все они уже умеют правильно ходить на лыжах и работать палками, знают, что такое режим, тренировка, самоконтроль; ведут дневники, в которые записывают первые успехи; учатся уходу за инвентарем...

— Вопросы есть? — спрашивает тренер.

— Я намазал лыжи, а к ним прилипает снег, — говорит, подняв руку, белобрысый мальчик.

— Мазями надо уметь пользоваться, — отвечает тренер. — Каждый снег, каждая температура требует своей мази.

После некоторой паузы он вызывает:

— Ксенократов Владимир!

Из строя выходит мальчик с пухлыми щеками.

— В прошлый раз, — говорит тренер, обращаясь ко всем школьникам. — Ксенократов не уступил товарищу лыжню, хотя тот несколько раз требовал за его спиной: «Дорожку, дорожку». Я понимаю, что неприятно, когда обгоняют. Но в лыжном спорте никто не имеет права нарушать этот закон. Надо уступать лыжню. Понятно?

— В следующий раз он меня не догонит! — решительно отвечает мальчик, и щеки его надуваются еще сильнее.

В группе старших такое же боевое настроение. Сегодня у них соревнование в беге на пять километров. Только что закончилась жеребьевка. «У тебя какой номер?», «Ты за кем?», «А за тобой кто?» — слышатся оживленные голоса. Каждый намерен обогнать, показать лучшее время, победить!

Тренер Николай Михайлович Щербаков с удовольствием прислушивается к шуму. Двадцать пять лет он занимается воспитанием спортсменов, и в этой школе, где учатся дети железнодорожников, он работает уже пять лет — со дня ее основания. И подъем духа, который всегда царит в минуты перед соревнованием, вновь радостно волнует его. Да, сегодня будет горячая схватка!

Недавно юные спортсмены из лыжной школы в Бабушкине, а также из ее филиалов в Быкове, Болшеве, Лихоборах, на Ленинских горах во главе со своим руководителем заслуженным мастером спорта Валентиной Алексеевной Зиминой смотрели в Подрезкове соревнования сильнейших лыжебежцев страны. Полезная экскурсия! Сколько было потом споров и разговоров о технике таких мастеров, как Смирнов, Оляшев, Борин! Даже простая фотография лыжника в газете или журнале вызывает горячие дискуссии. Хороший, живой интерес! Немало отдано сил, чтобы привить его...

— Дядя Коля, — докладывает подошедший мальчуган, — старшие ушли прокладывать лыжню.

— Спасибо, Погожий, — отвечает Николай Михайлович, — бери бумагу, карандаш — будешь сегодня за секретаря.

Погожий мужественно «проглатывает» огорчение и идет за бумагой. Накануне он сломал лыжи, новые ему не успели подобрать.

Лес встречает юных спортсменов спокойствием и тишиной. Заснеженные ели и березы отбрасывают легкие тени. Далеко, туда, где все так бело и чисто, где царит еще больший покой, убегает мягкая, манящая лыжня. Так и хочется устремиться по ней и идти долго-долго, вдыхая морозный воздух...

Через каждые 15 секунд по взмаху руки Николая Михайловича от шеренги отрывается лыжник и уходит в лес. Остальные смотрят ему вслед и ждут своей очереди. Должно быть, им кажется, что секундомер в руках дяди Коли вместо одной секунды отсчитывает сейчас пять...

— Ишь, как отбрасывает левую ногу! — говорит Николай Михайлович. — Неправильно, неправильно!

Все слушают. И уходящий следом на трассу не повторяет этой ошибки. Но у него другой недостаток.

— Рано ставит палки! — замечает Николай Михайлович. — Надо ставить перед самым толчком...

Ученики хорошо освоили лыжную технику, некоторые для своего возраста — даже удивительно хорошо, но еще надо много поработать, чтобы она стала безупречной. Ничего, за четыре года можно сделать немало. Эти мальчики закончат школу с результатами, близкими к первому разряду.

На дистанцию уходит Вова Печенов, широкоплечий, с лицом, густо усеянным веснушками. Последний!

Погожий свертывает список. Николай Михайлович прячет секундомер в карман.

— Разрешите, Николай Михайлович!

К старту приближается долговязый юноша в черном свитере и круглой шапочке. Это Лев Иванов, один из пяти Ивановых — учеников школы. Все они очень способные лыжники.

— Почему опоздали?

— Делал уроки, увлекся задачей...

Причина признана уважительной. Спорт не должен мешать учебе в семилетке, десятилетке или техникуме. Каждый месяц тренеры просматривают табели с отметками. Тех, кто начинает плохо учиться, временно исключают из лыжной школы. Эта мера действует.

Николай Михайлович делает знак, и Лев Иванов, лихо работая палками, уходит в лес.

Можно себе только представить, какая борьба происходит сейчас на дистанции... Впереди, по узкой просеке, маячит лыжник, который вышел раньше. Хочется его догнать, непременно догнать. Лыжню, лыжню! Одного обогнал. Но впереди другой. Вот бы с кем поровняться! А ну, длиннее шаг, сильнее толчок! Но ведь и тот, кого догоняешь, тоже хочет кого-то настигнуть. В морозном лесу становится жарко...

А на финише между тем ждут. Проходит менее получаса, и вдали показывается лыжник, за ним — другие. Николая Михайловича и Погожего охватило возбуждение. Они кричат:

— Давай, давай! Быстрей, быстрей!

Мимо проносятся раскрасневшиеся, пышащие здоровьем юноши. Один, второй, третий!..

— Да это никак Полянский!..

Маленький, ловкий, худощавый Полянский стремительно приближается к финишу. Выйдя пятнадцатым, он пришел пятым, обогнав девять человек. Отличный результат!

А вот Сидельников в прошлом году был хорошим лыжником, а сейчас сильно отстал. Сказалось то, что он плохо посещал летом и осенью лыжную школу, когда все занимались легкой атлетикой, баскетболом, гимнастикой, когда тренеры, заметив зимой, что у одного слабы ноги, у другого руки, работали над тем, чтобы сделать их крепче.

К объявлению результатов соревнования собирается вся школа. Здесь и младшие, и старшие, и кое-кто из родителей.

Юные спортсмены с большим вниманием выслушивают в строю цифры, которые зачитывает Николай Михайлович.

В небольшом, уютном домике в Бабушкине три раза в неделю всего лишь на два часа собираются дружные, неугомонные юнцы, но как хороши эти часы, сколько дают они здоровья и счастья!

На фигурных коньках

Г. ДРОБОТ

На катке для фигуристов московского стадиона «Юных пионеров», как всегда в воскресные дни, собралось много ребят. Они пробегают круг и, грациозно изгибаясь, скользят по голубому льду.

Красное коротенькое, как у балерины, платье Гали Гореловой кружит на ветру. Щеки девочки пышут румянцем. В другом конце катка Тася Митина и Александр Бриль выполняют красивую и сложную фигуру. Спиной друг к другу, рука в руке, второй рукой поддерживая вытянутую ногу, они катят по кругу.

Немного поодаль от них фигуристка Шура Нарядчикова собрала подруг и товарищей в хоровод. Плавно скользят ребята, но вот все разом присели на одну ногу, другую выставили вперед и закружились еще быстрей.

А в середине катка рисует сложные спирали Марина Гранаткина. На нее с интересом смотрят малыши в пестрых, алых, голубых, зеленых костюмах. Зазвучала музыка, и они заплясали в ритмичном, грациозном танце. Ослепительно сверкают под лучами солнца полозья коньков. Вот восьмилетняя Ирина Голощекова, ученица 2-го класса 163-й школы, в голубом бархатном платьице, делает «ласточку», а семилетний Андрюша Картавенко смешно, но очень ловко и быстро перебирает ногами, исполняя «бег через ножку».

На стадионе много родителей. С интересом следят они за занятиями своих детей.

Окончены танцы. Замолкла музыка. Цветные фигурки бегут на конец поля, выстраиваются в шеренгу. Это ученики неоднократной чемпионки СССР по фигурному катанию на коньках Татьяны Александровны Гранаткиной.

Первое знакомство происходит обычно еще осенью. Так уж повелось еще с 1934 года, когда на стадионе «Юных пионеров» открылась детская школа фигурного катания. Маленькие загорелые от летнего солнца мальчики и девочки приходят на стадион и спрашивают:

— Тетя, где здесь принимают в фигурную школу?

Завязывается беседа. Оказывается, что именно тетя и будет их обучать. В первый же день знакомства ребята узнают от Гоанаткиной, что отличная успеваемость в общеобразовательной школе — непременное правило всех фигуристов.

Вначале занятия происходят в комнате. Весело и интересно на этих уроках. Гимнастика... Будто и ничего особенного, а маленькая Марина все же делает упражнения лучше других. Ей стараются подражать. Чувство спортивной чести появляется у ребят с первого дня занятий, и каждый хочет добиться победы.

Гимнастические упражнения дают детям общее физическое развитие, учат их координировать движения.

Татьяна Александровна чертит на полу два соприкасающихся круга, которые на льду надо будет проехать сначала на внешнем, а потом на внутреннем ребре конька. Но на полу гимнастического зала скользить нельзя, и ребята прыгают по кругу. Шумно, весело!..

Но вот наступает долгожданный день.

— На лед!— объявляет Татьяна Александровна.

Ребята торопливо одеваются. Шнуруют еще непривычно длинные ботинки. Очень волнуются.

Гуськом дети выходят из раздевалки на долгожданный каток. Каждому хочется первым ступить на него, но — дисциплина!

Пробежали по кругу. Дышится свободно, легко. Ноги постепенно привыкают к конькам, и уже к концу второго занятия ребенок вполне уверенно чувствует себя на льду. Тогда-то и начинаются занятия. Но на катке, оказывается, значительно трудней проделывать различные упражнения, чем в гимнастическом зале.

Шура Нарядчикова освоилась быстро. Вместе с другими она делает на льду спирали и красиво вытягивает корпус «ласточкой». Но движения у нее более плавные и легкие, чем у подруг. Может быть, это только вначале? Нет, она быстро и легко усваивает прыжки, циркули, вращение на двух ногах и парное вращение. Она выделяется и в групповом катании.

Фигуры усложнялись с каждым днем, и скоро Шура начала готовиться к соревнованиям. Несколько лет назад она впервые стала чемпионкой Москвы по фигурному катанию на коньках среди девочек. Шура затем продолжала заниматься. В прошлом году она вновь выступала на городских состязаниях и заняла первое место среди девушек. Сейчас Шуре 17 лет. Нарядчикова учится в техникуме и последний год занимается у Татьяны Александровны.

Хороших результатов добились Женя Пискунов, Александр Бриль, Зоря Зорина, Тася Митина.

Много разрядников подготовила Татьяна Александровна в своей школе. Среди них мастер спорта Нонна Картавенко, поступившая в школу еще девочкой, Г. Соколова, выступающая сейчас по первому разряду.

Пятнадцать лет команда школы фигурного катания выходила неизменной победительницей на всех городских соревнованиях. Последний раз она завоевала переходящий приз — кубок — в прошлом году.

На снимках: слева — младшая группа фигуристов во время занятий. Внизу чемпионка Москвы 1949 года среди девочек по фигурному катанию Марина Гранаткина.

Лола Юсуфбекова (справа) и ее подруга Фаина Дудникова в классе на уроке физики.

Люди советского спорта

ШКОЛЬНИЦА ЛОЛА ЮСУФБЕКОВА

Белый парашют, медленно покачиваясь, опускается в круг, очерченный на поле аэродрома. Неподалеку, как бы охраняя парашютиста, планирует самолет ПО-2. Пока мы спешим к месту приземления, парашютист торопливо освобождается от своих воздушных доспехов, и вместо обветренного ветрами «старого воздушного волка», которого мы ожидали увидеть, перед нами предстает смуглая, весело улыбающаяся девушка.

— Лола Юсуфбекова, — рекомендует ее начальник летной части Сталинабадского аэроклуба, Герой Советского Союза Г. А. Алексеенко, — мастер на все руки. Вы можете ее встретить, и в гимнастическом зале городской спортивной школы, и на аэродроме, и на водной станции.

Она отлично окончила курс парашютизма и сделала большие успехи по гимнастике. В 1948 году Лола в составе гимнастической группы советской спортивной делегации ездила в Прагу для выступлений на Всемирном фестивале демократической молодежи.

Лола Юсуфбекова и Герой Советского Союза Г. А. Алексеенко перед вылетом для прыжка с парашютом.

Фото О. Кнорринга

О. ОСУГИН

Рисунки Н. Кукина

Медленно пробирается по глубокому снегу потомственный промысловик Припечорской тайги Иван Константинович Габов — Костя Вань,— как принято у местных жителей обращать русские имя и отечество.

За спиной нелегкая охотничья поклажа — ружье, топор, сумка с аварийным припасом. Широкие, подбитые камусами лыжи едва скользят по рыхлому снегу. Рядом с Габовым лайка Тайга.

Следы четвероногих и пернатых обитателей леса погребены беспрерывными снегопадами. Найти что-нибудь трудно, но промысловый сезон начался, белка «выкунила» — оделась в зимний мех,— и необходимо спешить с выполнением подписанного в заготконторе договора. Дело не только в том, чтобы поддержать честь отца, прославленного охотника. Он, Костя Вань, — один из организаторов соревнования среди местных промышленников, а пока что ходит почти впустую. Еще с осени тщательно обследовал он свои беличьи угодья, все подготовил, рассчитал... Но что поделаешь: висят на кедрах и елях полные шишки, а белки нет!..

С темна и до темна ежедневно без устали ходит Костя Вань по тайге, но в избушку возвращается... с двумя—тремя белками.

И если бы не некоторая удача с горностаями — их попалось четыре штуки в расставленные по старым еловым пням западни, — Костя Вань вовсе бы приуныл.

...Наконец прекратились снегопады. Установились легкие морозцы. Костя Вань идет по осевшему снегу.

В глухой тишине леса вдруг слышится откуда-то сверху щелканье. В момент, когда Костя Вань заметил в густой хвое пушистый хвост зверька, недалеко от него залаяла собака. После выстрела на той же ели мет-

нулась вторая белка. Костя Вань выстрелил вторично — опять удачно — и, подобрав белок, побежал к продолжавшей злобно лаять Тайге. Здесь Костя Вань сбил третью белку, когда она пустилась наутек, делая трехметровые прыжки между деревьями. Чутье подсказало Косте Вань, что начинается «настоящее».

...Собака то и дело подавала голос и, задрав голову, заливаясь беспрерывным лаем, мчалась по сугробам за перебегавшей по сукам белкой: возбуждение Тайги достигло высшей степени. Кончилось и неторопливое хождение Кости Вань. Не выпуская из виду мелькающих в вершинах белок, он без шапки, со слипшимися волосами, носится, как в угаре, не глядя под ноги и то и дело перезаряжая ружье.

...Пояс Кости Вань оттягивает большая связка белок. Но он их не считает: его захлестнула охотничья горячка. Зрение его обострилось, сила и меткость удесятерились. Усталости Костя Вань не ощущает, хотя уже полдня бегает на тяжелых

лыжах, пробираясь через таежную чащу... Вдруг, засунув руку за жилет, он не нащупал патрона... Стрелять больше нечем! А рядом снова залилась Тайга. Костя Вань чуть не взвыл с досады, и сразу слетело оживление, ощутились и мокрая одежда и грузно оттянувшийся пояс с белками. Он надел шапку, обмотал потуже шарф и, закинув ружье за спину, пошел к дому. А собака продолжала настойчиво и азартно лаять...

Долго не мог Костя Вань простить себе своей оплошности, хотя в этот вечер развесил по стенам своей избушки тридцать четыре пялки со свежими шкурками. Всего шести белок не добрал он до рекорда своего деда, когда-то добывшего их в один день сорок штук...

После трехмесячного перерыва разошлась наконец

застилавшая небо сплошная пелена туч, и показалось солнце. Тайга заискрилась и засверкала. Крепнущий мороз набросил на лес легкий покров инея.

За Костей Вань движется длинная тень; она то растягивается по снегу, то поднимается по заиндевевшим стволам. На фоне темносинего неба четко выделяется каждая веточка, шишки висят на елях, как нарисованные. Потрескивают деревья, скрипит под лыжами снег. Костя Вань на ходу размахивает руками — как бы не закоченели!..

Все затем произошло мгновенно: донесся бешеный взрыв лая и одновременно впереди, между стволами, метнулась большая, серая тень, а за ней в вихре снега преследующая ее собака. Костя Вань сразу узнал рысь.

Зверь в несколько прыжков достиг старой сосны и, вскочив на ствол, исчез из виду. Подбежавший шагов на семьдесят к дереву Костя Вань увидел ее стоящей на одном из нижних суков. Рысь выгнула спину и возбужденно шевелила куцым хвостом. Она смотрела вниз, на собаку и угрожающе рычала.

Выстрел хлестнул по морозному воздуху. Рысь сразу обмякла и свалилась с сука, но, зацепившись за него передними лапами, на несколько мгновений повисла, пытаясь снова взобраться наверх.

— Назад! Назад!— отчаянно закричал Костя Вань, предвидя катастрофу.

Но предотвратить ее не удалось. Ослабевшая рысь упала на снег. Тайга сразу очутилась на звере и тут же отскочила с жалобным визгом. Костя Вань подбежал к собаке: она ткнулась в снег, дрожа мелкой дрожью, и тихо скулила. Нагнувшись, Костя Вань и сам почувствовал озноб: у собаки брюхо было вспорото, как ножом. Неужели конец? Но нет: он отстоит своего друга. То ли случается в тайге!

Внимательно осмотрев рану, Костя Вань достал иглу и жилки, припасенные на случай поломки лыж, и, осторожно вправив в рану внутренности, ловко и проворно зашил брюшину. Собака тоскливо совалась головой в снег и иногда, обернувшись, пыталась лизнуть у Кости Вань руку. Покончив с операцией, охотник выпрямился.

Рядом с ним на снегу лежала, опрокинувшись навзничь, рысь, и как будто все еще замахивалась лапой со смертоносными когтями.

Костя Вань ободрал ее, затем снял с себя длинную верхнюю рубаху и бережно завернул в нее собаку. Осторожно закинув узел с раненой собакой за спину, он тронулся в путь, скользя на скрипевших лыжах. Мороз пробирал крепко, но нелегкая ноша и быстрая ходьба скоро согрели охотника... Костя Вань твердо знал, что его собака выживет.

Усть-Кулом,
Коми АССР.

Неожиданное соперничество

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОХОТНИКА)

Какой охотник не помнит своего первого белячишку? Какая самая добычливая стрельба над заросшим озером может заслонить в памяти впечатление от впервые подбитой утки?..

Мне первая лиса досталась при не совсем обычных обстоятельствах.

Вымокнув до нитки в рыхлом снегу и студеных лужицах на проталинах, я, наконец, дополз до кустиков, за которыми токовал тетерев. Осторожно раздвинув прутья, я просунул сквозь них ружье. В сорока шагах от меня по примятой бурой траве ходил ослепительно нарядный петух с поднятыми на вытянутой шее перьями и распущенными крыльями и хвостом. Он горячо, без перерыва пел. Далеко разносились страстные призывы краснобрового певца. Торопиться с выстрелом не хотелось.

Внимание мое привлек близкий шорох в кустах. Я оглянулся: у самой опушки полянки кралась лиса. Шерсть на ней висела клочьями, и были мы с ней, должно быть, одинаково грязны и мокры. Невысокая елочка закрывала лису от тетерева. Мне же она была видна вся — от опущенной к земле острой морды, нацеленной на лакомую добычу, до кончика облезлой «трубы». Лиса неосторожно шевельнула веткой и замерла, приникнув к земле.

Песнь косача не прерывалась. Лишь изредка он останавливался и вызывающе чуфыкал, подлетая и сильно хлопая крыльями. При этом птица иногда оказывалась в нескольких метрах от лисы, но та, однако, не шевелилась.

Из двух притаившихся за кустами охотников один находился в нерешительности: стреляя в лису, я терял тетерева, за которым прополз всю зарю. Но и оставлять безнаказанной хищницу, беспощадную губительницу дичи, не хотелось. Охотился я с одностволкой, так что кого-либо приходилось упустить... И я колебался.

Моя соперница втянулась под елочку и, готовясь к броску, неотступно следила за движениями тетерева.

Прошло несколько томительных минут. Тетерев распелся во-всю, бормотал все жарче, перья его крыльев жестко чертили по старой траве. Лиса едва не высунулась из-за прикрытия. Я переводил глаза с одного на другую и не знал, на что решиться...

Тут тетерев подлетел и сел почти возле самой елочки. Лиса сделала неуловимое движение. Я почти бессознательно приложился и выстрелил... Тетерев сорвался, с испуганным квохтаньем взлетел и сразу исчез в кустах.

На траве лежала убитая лиса. Вид моей добычи с линючим грязным мхом, торчащими, как у бездомной собаки, ребрами и впалым брюхом, был отнюдь не привлекательным. В ушах еще стоял шум крыльев улетевшего красавца...

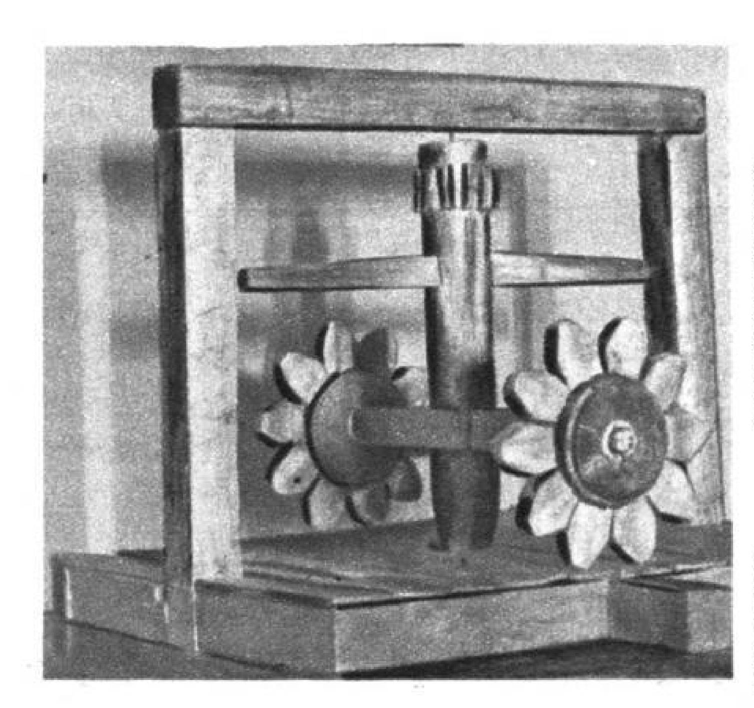
Вздохнув, я брезгливо поднял за лапы свой «трофей» и зашагал прочь, звучно шлепая по мокрому лугу.

О. ВОЛКОВ

СЕЗОН ОКОНЧИЛСЯ. ПОСЛЕДНИЯ ТРОФЕЯ.

Фото Н. Козловского

Музей Останкино. Макет машины Пряхина, воспроизводившей звуки грома.

РУССКИЕ САМОРОДКИ

Машинист сцены Пряхин

Недавно открытая в Кускове театральная выставка привлекла внимание к замечательной странице из истории русского театра. Восемнадцатый век, когда существовали знаменитые театры Шереметевых в подмосковных Кускове и Останкине, выдвинул из крепостных целую плеяду выдающихся мастеров в различных областях театрального искусства — артистов, танцовщиков, художников, строителей, инструментальных мастеров и т. д. К ним принадлежал и талантливый изобретатель Федор Иванович Пряхин, имя которого до последнего времени оставалось почти неизвестным.

Пряхин родился в 1751 году. В детстве он обучался столярному ремеслу. В возрасте двадцати лет попал в театр своего владельца — графа Шереметева. Сообразительность, творческая сноровка и инициатива выдвинули его в первые ряды строителей и участников Останкинского театра. Как опытный машинист сцены, каким стал Пряхин, он принимал деятельное участие в оборудовании и переделке — сначала Кусковского театра, потом театра на Никольской улице и, наконец, Останкинского.

Как известно, Шереметев строил Останкинский театр в расчете на сложные театральные представления, непрестанно советуясь с известным в то время знатоком театрального дела виолончелистом Большой оперы в Париже — Иваром. Пряхин не только умело выполнял все требования, которые предъявлялись в то время к устройству сцены, но и проявлял тонкую изобретательность при постройке театрального зала и машинного отделения, при монтировке декораций.

Пряхин был не только машинистом сцены, но и опытным столяром и искусным резчиком. В Останкинском дворце прекрасные паркеты и ротонды итальянского павильона собирались и настилались под его руководством.

О том, какого искусства достиг Пряхин в области «машинерии», свидетельствуют сложнейшие постановки балетов-пантомим в Останкинском театре. Здесь Пряхин совершал настоящие чудеса. Так, в заключительной сцене балета «Телемак» подожженный нимфами корабль превращался на глазах зрителей в облако, на котором персонажи улетали на небо. В балете «Дафнис» Пряхину приходилось создавать иллюзию бури на море. В других балетах на сцене гремела гроза с молниями, шел огненный дождь и т. д.

Талант не спас, однако, Пряхина от безрадостной жизни крепостного, от тяжелой нужды и забот о пропитании семьи. Обремененный многочисленным семейством, Пряхин, оставшийся не у дел после закрытия театра, измученный лишениями, заболел и умер в 1805 году.

КАВЕРЗНЫЕ ВОПРОСЫ

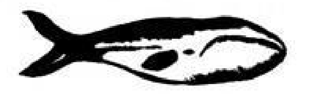
ЦВЕТ НЕФТИ

В одной компании зашел разговор о том, какого цвета нефть. Один сказал, нефть черная; другой уверял, что она белая, третий говорил, нефть желтая; четвертый считал, что она красноватая, пятый был уверен, нефть темнокоричневая. Все при этом заверяли, что они были на нефтепромыслах и сами это видели.

Какого же цвета нефть?

КИТ НА СУШЕ

Огромной волной кита выбросило на берег. Стремясь скорее вернуться в родную стихию, кит, опираясь на могучий хвост, прыжками стал продвигаться по земле, но... в сторону, противоположную морю. Когда он «опомнился», то оказался уже почти в трехстах метрах от берега.

Хватит ли у него дыхания, чтобы вернуться в море?

ЧЕГО БОЛЬШЕ?

Кружку до краев засыпали сажей. Чего больше всего оказалось в кружке?

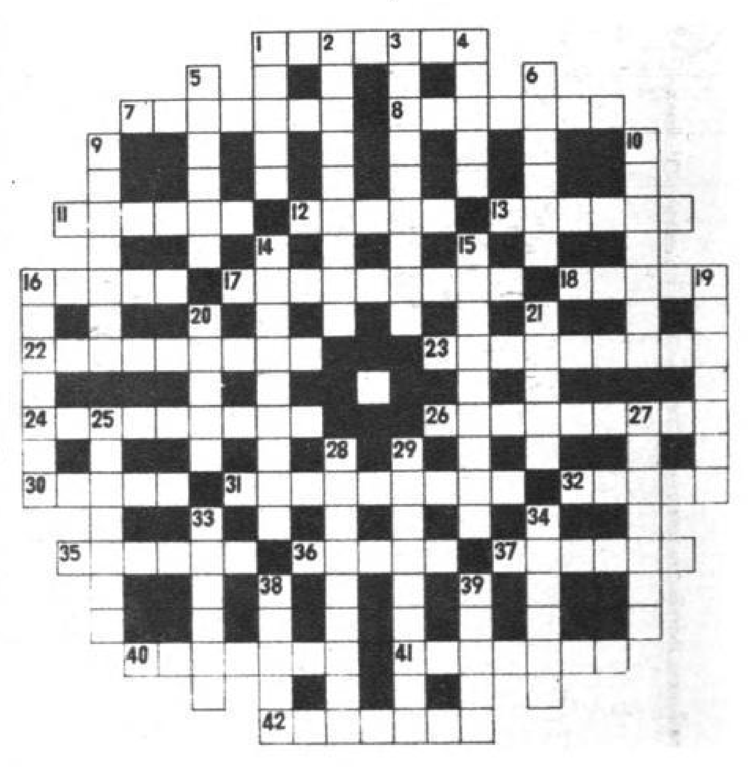

— Почему в столовой опять стало грязно?

— Месячник культурного обслуживания кончился еще в прошлом месяце, а новый еще не объявили...

Рисунок И. Семенова

КРОССВОРД

По горизонтали:

1 Движение ледяных масс. 7. Сигнальный столб. 8. Сорт хрустальных изделий. 11. Рыболовная снасть. 12. Плот для переправы. 13. Небесное тело. 16. Мазь для чистки обуви. 17. Советский ученый. 18. Край земли у водной поверхности. 22. Прибор для определения расстояния. 23. Легкая переносная лестница. 24. Прибор, регистрирующий колебания судна. 26. Сорт яблок. 30. Вал на берегу. 31. Силовая машина на колесах. 32. Водяной вал. 35. Красящее вещество. 36. Регулятор маятника в часах. 37. Профессия. 40. Воинское звание. 41. Военное судно. 42. Чемпионка мира по шахматам.

По вертикали:

1. Станок артиллерийского орудия. 2. Талант. 3. Город в СССР. 4. Руководитель факультета. 5. Находчивость, сообразительность. 6. Сорт бумаги. 9. Род корабля. 10. Человек, долго проработавший на каком-нибудь поприще. 14. Механизм, производящий энергию. 15. Расстояние. 16. Поток воды. 19. Разрывной снаряд. 20. Река в Африке. 21. Русский исследователь Арктики. 25. Многолетнее растение. 27. Советский ученый. 28. Огородное растение. 29. Герой повести М. Горького 33. Домашняя одежда. 34. Страница в наборе. 38. Шумный успех. 39. Водоем.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

1. Колхозник. 6. Катюша. 7. Дружба. 10. Бабочка. 13. Бойница. 15. Чигорин. 17. Стетоскоп. 18. Зной. 19. Опус. 22. Пенал. 25. Крамской. 26. Перчатка. 27. Румб. 28. Утро. 29. Курсовка. 32. Хранение. 34. Рыбак. 35. Лука. 38. Киль. 39. Гидрограф. 40. Бассейн. 42. Сметана. 43. Радость. 46. Бицепс. 47. Медаль. 48. Бюллетень.

По вертикали:

1. Клюшка. 2. Шнурок. 4. Лапта. 5. Обруч. 8. Колонна. 9. Фосфор. 10. Боты. 11. Азов. 12. Кишлак. 14. Циолковский. 16. Империализм. 18. Замысел. 20. Стапель. 21. Айран. 22. Памир. 23. Лоток. 24. Эпоха. 30. Ураган. 31. «Обломов». 33. Истина. 36. Литр. 37. «Мать». 41. Надир. 42. Сопло. 44. Ампула. 45. Тренер

В СВОБОДНЫЕ МИНУТЫ

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ (№ 11)

8 монет

Полное решение этой задачи, если напечатать в фотоснимках все варианты размещения монет, займет больше 160 номеров 32-страничного журнала «Огонек». Если печатать только текст, без фото, считая по одной строчке нонпарели пятиколонного набора на каждый вариант, то все же потребуется свыше двух номеров журнала.

В самом деле: для двух монет число возможных размещений будет всего лишь $1 \times 2 = 2$, для трех — $1 \times 2 \times 3 = 6$, но для восьми монет: $1 \times 2 \times 3 \ldots \times 8 = 40320$ вариантов!

Любопытно, как будет возрастать количество вариантов при увеличении числа монет: при девяти — 362 880, при десяти — 3 628 800 и т. д.

— Наташа провалилась по географии. Не смогла показать на карте, где находится Киев.

— Так спросила бы у папы...

— А ее папа в географии еще слабее, он даже не знает, где находится школа.

Рисунок В. Гливенка («Перець»)

Знаете ли вы, что...

...если бы удалось полностью использовать энергию ветров в районах, где они особенно постоянны, например, в районах Балтийского и Каспийского морей, на Камчатке, превратив их в электричество, то на квадратном километре этой территории можно было бы получить от 60.000 до миллиона киловатт-часов электрической энергии в год.

...наиболее высокое дерево — австралийский эвкалипт — достигает 155 метров высоты, то есть высоты тридцатиэтажного здания.

...литр воздуха весит около 1,2 грамма, а кубический метр (1000 литров) — 1,2 килограмма, следовательно, вес воздуха, заключенного в среднего размера комнате площадью в 15 квадратных метров и высотой в 4 метра, составит 72 килограмма, то есть равен весу солидного человека.

...при каждом вдохе человек вводит в легкие около пол-литра воздуха. Делаем мы в минуту в среднем 18 вдыханий и, следовательно, в течение часа вдыхаем 540 литров, или несколько больше половины кубического метра воздуха. В круглых цифрах за сутки человек вдыхает 14 килограммов воздуха, из которого четыре пятых составляют бесполезный для дыхания азот и лишь одна пятая, то есть около 3 килограммов, — необходимый для жизни кислород.

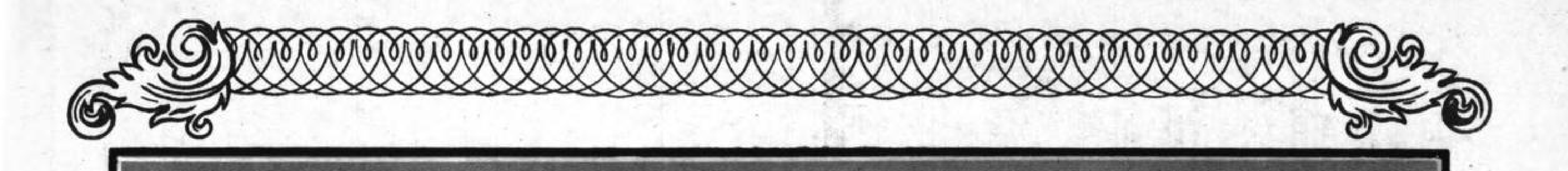
Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

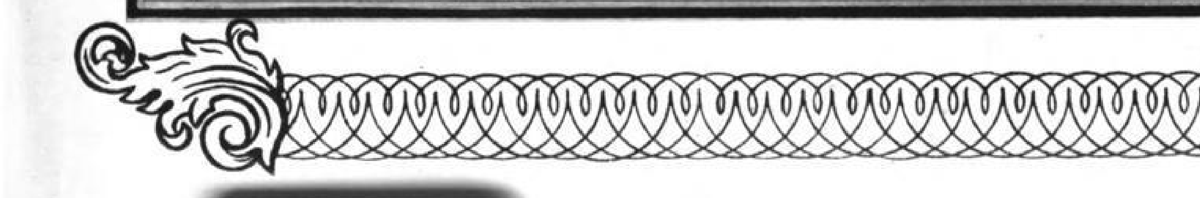
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана

А — 00859. Подписано к печати 15/III — 50 г. Изд. № 221. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 653. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

100
200
ДВЕСТИ
№ 16

Цена 3 руб.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Фотоэтюд
В. Мастюкова (ТАСС)